

Т. Г. Натрошвили

**ОТ МАШРИКА
ДО МАГРИБА**

Т. Г. Натрошвили

ОТ МАШРИКА ДО МАГРИБА

Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1978

С (Груз)
Н33

Т. Г. Натрошвили
МАШРИКИТ МАГРИБАМДЕ,
Тбилиси, 1974.

Авторизованный перевод с грузинского
Э. ДЖАЛИАШВИЛИ

Ответственный редактор
Л. И. НАДИРАДЗЕ

Натрошвили Т. Г.

Н 33 От Машрика до Магриба. Пер. с груз. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

198 с.

Книга состоит из небольших научно-популярных очерков-миниатюр, написанных в жанре историко-художественной литературы и рассказывающих о различных эпизодах из истории Грузии, о событиях, имевших место в странах Передней Азии и Средиземноморья, в которых участвовали грузины, по тем или иным причинам попавшие в эти страны.

Н $\frac{70303-200}{013(02)-78}$ 120-78

С (Груз)

© «Ганатлсба», 1974.

© Перевод на русский язык:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

ОТ АВТОРА

Название книги может удивить читателя, хотя для человека, знающего арабский язык, в словах «Машрик» и «Магриб» нет ничего загадочного. Машрик — по-арабски «Восток», Магриб — «Запад». Оба они вошли и в другие языки — персидский, турецкий, грузинский. В средние века эти слова были известны в Грузии настолько хорошо, что в грузинских народных сказках часто встречалось выражение: «государь Машрика и Магриба». Но со временем они исчезли из устной речи и сохранились лишь в литературных памятниках.

Грузинский летописец, повествуя об истории Грузии XII века, перечисляет страны, с которыми она поддерживала дипломатические контакты. Он упоминает Византию, княжества, созданные крестоносцами, Египет, Сирию, Багдадский халифат и наконец, словно устав перечислять, говорит коротко: «...и всяк язык и род от Машрика до Магриба», т. е. с Востока до Запада.

В исторических источниках и в памятниках художественной литературы подробно рассказано о победах и поражениях грузинского народа, о его бедствиях и радостях, о горьких уроках истории и неколебимом оптимизме, который выковывался в жестоких битвах, создавая материальное и духовное богатство на благо грядущих поколений.

Однако сведения грузинских источников не всегда бывают достаточными для более или менее полной характеристики той или иной эпохи, того или иного исторического события. Иной раз вместо картины мы видим лишь контуры, вместо портрета какого-нибудь деятеля или героя — силуэт.

Так, грузинский историк всего несколько слов уде-

ляет переселению шахом Аббасом грузин в Иран. Нам неизвестны их имена и их дальнейшая судьба. Грузинские источники содержат скудные сведения о представителях рода Ундиладзе, выдвинувшихся на военно-политической арене сефевидского Ирана, а в иностранных источниках мы находим подробную информацию об их возвышении и падении. Нет в грузинских летописях сведений о грузинском историке и дипломате по имени Иосеб, которого хорошо знают французские и английские авторы и сочинения которого хранятся в Париже и Глазго. Иностранные источники в значительной мере дополняют наше представление о таких выдающихся личностях, как Давид Строитель, Теймураз I, Георгий Саакадзе, эристав Зураб. Вот почему возникает необходимость учитывать иностранные источники, в которых попадает чрезвычайно интересный материал о Грузии. Многие из этих источников переведены и опубликованы грузинскими учеными, некоторые же мало изучены или вообще неизвестны.

Политико-экономическая и культурная жизнь Грузии всегда была связана с Востоком, и любое значительное событие в истории Востока находило отражение на страницах грузинских хроник. Летописец, известный под условным именем Жамтаагмцерели, мимоходом упоминает мулидов. Для его современников этого было вполне достаточно: в Грузии мулидов знали прекрасно. Но для нашего современника все, что связано с мулидами, покрыто тайной: и кем они были, и где жили, и чем снискали известность. О мулидах подробно рассказывают арабо-персидские источники и хроники крестоносцев. Они держали в страхе всемирных мира сего и на Востоке и на Западе. Их хорошо знала и западная и восточная литература — Низами, Хакани, Данте, Боккаччо и др. Скупое сообщение в грузинской летописи «Картлис цховреба», с одной стороны, и море материала, имеющегося в иностранных источниках — с другой, побудили меня поведать читателю о мулидах, рассказать о действительных и полуполюгендарных эпизодах из их истории, найти самые интересные штрихи, выбрать из бесконечного множества сообщений самые впечатляющие и колоритные. История мулидов тем более должна была быть интересна для грузинского читателя, что восемь столетий назад они действовали и в

Тбилиси. Некоторые исследователи предполагают, что Шота Руставели вывел на страницах своей поэмы мулидов в образе сказочных каджей (злых духов).

Так появился первый очерк (или историческая миниатюра) этой книги, напечатанный на страницах популярного журнала. Редакция с интересом отнеслась к рассказу о мулидах и предложила написать новый рассказ из истории Грузии или Востока. В журнале появилась рубрика «Одна строчка летописи». Лаконичную фразу из грузинского источника надо было раскрыть и дополнить сведениями, почерпнутыми из иностранных источников, а цель была ясна: оживить для читателя картины прошлого, ведя речь не только об истории Грузии, но и об истории тех стран, которые были известны в Грузии в средние века.

Предлагаемая книга построена в основном на материале персидских, итальянских, английских и французских источников, а также на трудах советских исследователей.

На страницах книги читатель встретится с именами, хорошо известными по истории других стран, такими, как византийский император Андроник, король Иерусалима Балдуин, грозный глава ордена ассасинов Хасан ибн Саббах, последний хорезмшах Джелал ад-Дин, прославленный шах сефевидского Ирана Аббас и завоеватель Исфахана, предводитель афганского племени Мир-Махмуд, итальянский путешественник Пьетро делла Валле и фельдцейхмейстер русской армии Александр Багратиони.

Само содержание книги требовало художественной формы изложения исторических эпизодов, художественной обрисовки портретов известных или неизвестных лиц, но я постоянно стремился ни на шаг не отступать от действительности, не приукрашивать вымыслом документальную правду истории.

Книга не ставит, разумеется, себе целью изложить все прошлое Грузии: не то что одна — тысяча книг не вместит всего, что сказано и написано о Грузии, всего, что пережила она и испытала на долгом пути своей богатой истории. Фрагментарность содержания обусловлена интересами и возможностями автора. Начало книги совпадает с периодом, когда столица Грузии Тбилиси была освобождена от почти четырехвекового инозем-

ного господства. В XI—XIII вв. Грузия достигла исключительного расцвета культуры, что было следствием политико-экономического подъема страны. В дальнейшем она еще много раз подвергалась вторжениям врага и разорениям — сменяли друг друга хорезмийцы, монголы, турки, кызылбаши.

В XVII—XVIII вв. выражение грузинского летописца «от Машрика до Магриба» приняло совершенно иной оттенок и иное содержание. Где только не встречались добровольно или принудительно покинувшие родину грузины — с Востока до Запада! Неодинаков был их удел: одни добивались в чужих краях славы и богатства, другие мечтали о куске хлеба, но одинакова была их тоска, тоска и боль людей, потерявших родину.

Конец книги совпадает с тем периодом, когда Грузия вздохнула свободно. С начала XIX в., с той поры, как она присоединилась к России, нога завоевателя уже не ступала в ее пределы.

Главный герой книги — грузинский народ, снискавший бессмертие своей героической борьбой с многочисленными иноземными завоевателями.

Выдающийся грузинский писатель Илья Чавчавадзе писал: «Самые лучшие и великие деятели народа выражали и осуществляли самые сокровенные чаяния и стремления народа, они, кажется, только ради того и действовали, ради того и создавали историю. Вот почему подобного рода деятели, говорим мы, не должны быть забыты, если народ еще считает себя народом и не хочет быть сметен с лица земли, словно прах. Забыть их — значит забыть себя, свое происхождение, а если человек забывает, кто он, то чего он тогда стоит? Тогда он зверь, который, едва оторвавшись от соска, уже не помнит родителя, давшего ему жизнь».

«Я — МУЛИД...»

Занималось утро. В лагере монголов стоял переполох. Вопя и причитая, все бежали к шатру нойона Чагатая.

Чагатай-нойон был убит ночью. Убийца пробрался в палатку, не замеченный охраной. Никто не видел, откуда он появился и куда исчез, и «никто не ведал, кем был убит» военачальник, пишет грузинский летописец Жамтаагмцерели*.

Случилось это во время Аламутского похода. Среди монгольского войска находились и отряды грузин, насильно угнанных монголами на войну. Грузины роптали, недовольные затянувшимся походом и плохим обхождением с ними ненавистных монголов. Вполне понятно, что их заподозрили в убийстве нойона.

Один только Чармаган не верил этому. Он взывал к соплеменникам: «Успокойтесь, люди, убийца — не грузин». Но его трезвый голос не достигал слуха воинов, возбужденных гибелью своего повелителя.

Обуреваемые жадой мщения, разъяренные, помчались они к лагерю грузин.

В малочисленном грузинском войске мнения разделились: одни готовились к отпору, другие отговаривали их. Дело решил Григол Сурамели, эристав Картли, сказав: «Не время воевать, ибо мало нас». Он убедил воинов, что если они встретят монголов с оружием в руках, гибель грозит всем, поскольку силы несоизмеримы, а так гнев их обрушится только на знатных и, возможно, монголы казнят лишь нескольких военачальников.

* Жамтаагмцерели — условное имя грузинского летописца, сочинение которого входит в свод летописей «Картлис цховреба» (здесь и далее примечания редактора).

Грузинам оставалось только молиться, уповая на милость провидения. Монголы были совсем уже близко, когда произошло чудо. (Грузинский летописец приписывает его богородице.)

Вдруг из зарослей камыша появился неизвестный и, подняв окровавленный меч, воскликнул по-персидски: «Ман куштэм Чагатара!» («Я убил Чагатая!»).

Монголы схватили убийцу и потащили к нойонам. Когда нойоны спросили, почему он убил Чагатая, тот гордо ответил: «Я — мулид, прославленный среди мулидов».

Признание неизвестного открыло тайну ночного убийства.

Летописцу, описавшему этот кровавый эпизод, хорошо известны мулиды («убивающие из засады»). «Мулид» — арабское слово, означает еретик, вероотступник. В европейской литературе мулиды известны как ассасины. Полагают, что «ассасин» — искаженная форма арабского слова «хашшашин» (т. е. «курильщик гашиша»).

Слово «ассасин» в европейские языки вошло со смыслом «убийца», а образованные от него глаголы означают совершение вероломного убийства, террористического акта.

Кем были мулиды-ассасины, завоевавшие столь мрачную известность, что и поныне убийство какого-нибудь политического деятеля на Западе невольно приводит на память истории, похороненные в глубине веков?

Что снискало им «неувядаемую славу»?

Орден ассасинов основан исмаилитами в конце XI в. в Иране. Секта исмаилитов возникла в VIII в. и имела много сторонников в мусульманском мире. Исмаилизм, ставший идеологией ордена ассасинов, противостоял ортодоксальному исламу. Орден ассасинов возглавили иранские феодалы, лишившиеся владений после установления в XI в. в Иране господства тюрок-сельджуков и мечтавшие о восстановлении утраченного могущества. В выступлениях ассасинов принимали участие и городские низы, и деревенская беднота.

Основатель ордена ассасинов Хасан ибн Саббах к идеям исмаилизма приобщился еще в юности в среде иранских ремесленников, хотя сам был знатного про-

исхождения. Позже он отправился в египетский халифат Фатимидов — центр пропаганды исмаилизма.

Возвратившись в Иран, Хасан ибн Саббах исходил многие области, проповедуя исмаилизм и присматривая место, где можно обосноваться. Выискивали такое подходящее место для центра новой секты и его единомышленники.

Выбор пал на Аламутскую крепость, венчавшую одну из самых высоких скал в горах Эльбурса.

«Аламут» — «алух амут» — значит «орлиное гнездо». Возвышаясь среди неприступных скал и утесов, крепость эта как нельзя лучше подходила ассасинам.

Агенты Хасана ибн Саббаха склонили к своему учению весь гарнизон крепости, войдя в доверие к ее владельцу, и естественно, что он не мог оказать сопротивления. Ему ничего не оставалось делать, как отступить перед ассасинами. Правда, при этом он получил в виде возмещения три тысячи динаров.

Событие это произошло в 1090 г. Так возникло независимое государство ассасинов. Вслед за Аламутом ассасины захватили еще несколько крепостей и укреплений в горах Северо-Западного Ирана и превратили их в опорные базы. Расширяя границы своей власти, они овладевали все новыми и новыми крепостями: одними — силой, другими — хитростью, а также строили новые. Вскоре в пределах Ирана у ассасинов находилось с полсотни крепостей и замков. Особенно сильны были их позиции в гористом Дейлеме и Кухистане. В начале XII в. ассасины укрепились и в горах Сирии. Одно время они даже владели несколькими городками в Кухистане; в районе Исфахана и Гирдкуха брали с купцов пошлины. Вокруг Аламута ассасины строили оросительные каналы, обрабатывали земли.

Хасан ибн Саббах тридцать пять лет не покидал Аламута, но власть его распространялась от Хорасана до Дамаска, а имя наводило ужас на весь мусульманский мир. Жил он уединенно: молился, читал, составлял планы боевых действий, руководил выступлениями ассасинов против сельджуков на всей их обширной территории.

Он был воздержан и требовал воздержания от всех членов ордена. В страхе перед ним в Аламуте никто не смел пить вино. Из крепости изгнали даже флейтиста,

поскольку глава ордена считал, что музыка развращает.

Повелитель ассасинов отличался страшной жестокостью. Он лишил жизни двух своих сыновей. Одного обвинили в убийстве соратника Хасана ибн Саббаха (позже выяснилось, что пострадал он по ложному навету, и доносчика тоже не миновала кара), а единственным проступком второго сына было нарушение запрета на вино.

Известный австрийский ученый И. Хаммер замечает, что человек по природе своей не так уж мерзок и жесток, чтобы историк из нескольких недостоверных мотивов выбирал самый неприглядный, но применительно к Хасану ибн Саббаху все вполне достоверно.

И. Хаммер полагает, что Хасан ибн Саббах казнил своих сыновей не столько по своей жестокости, сколько из желания подавить в людях всякое естественное чувство, привить равнодушие ко всему человеческому.

По мнению английского ориенталиста Э. Брауна, повелитель ассасинов этим хотел доказать, что ставит общее дело превыше родовых интересов. Кстати, он назначил своим преемником одного из ближайших соратников.

Основным методом борьбы ассасинов был террор. Убийство возлагалось на низшего члена секты — фидая. «Фидай» — арабское слово, означает «жертвующий жизнью». В ряды фидаев набирали смелых, ловких юношей. Их самозабвенная преданность своему повелителю, слепое послушание кажутся неправдоподобными. Вот что рассказывает об этом венецианский историк Марино Сануто: «В 1194 г. во время перемирия в гости к повелителю сирийских ассасинов прибыл Анри, граф Шампани, номинальный король Иерусалима. Прогуливаясь как-то, они заметили на высокой башне юношей в белых одеждах. Повелитель ассасинов спросил графа-крестоносца, найдутся ли среди его подданных до такой вот степени покорные и преданные ему, и, не дожидаясь ответа, сделал какой-то знак двум юношам на башне. Те в тот же миг бросились вниз и, конечно, живыми не остались».

Фидаи не посвящались в религиозную суть учения своей секты, зато их специально тренировали, воспитывали волю, выносливость, стойкость к лишениям и труд-

ностям. Их учили менять свой облик, в совершенстве пользоваться оружием и даже обучали европейским языкам.

Фидая, посланные убить маркиза Монферратского, так хорошо знали язык франков, их обычаи и порядки, что все шесть месяцев, пока они жили в лагере крестоносцев, выжидая удобного случая, сходили за христианских монахов.

Жизнь фидая всегда висела на волоске. Отправляясь на задание, он обрекал себя на верную гибель, поскольку стремился совершить убийство в драматической ситуации: у всех на виду нападал на мусульманского эмира в мечети во время пятничной молитвы, на христианского герцога в церкви во время воскресной службы. А ведь намеченная жертва, как правило, не была безоружной и сопровождалась немалой свитой. Если удавалось, фидай, нанеся удар, тут же кончал и с собой, уверенный в том, что его ждет рай. Такая смерть считалась почетной и была желанной.

Вслед посланному на убийство фидая направлялись шпионы, доносившие повелителю ордена, успешно ли выполнено поручение.

Существует предание, которое показывает, как расценивали подвиг «жертвовавшего своей жизнью». Мать одного фидая, узнав, что ее сын послан на убийство, оделась в праздничный наряд, радуясь тому, что сын блаженствует в раю, а тот случайно остался в живых и вернулся домой. Увидев его, мать в знак скорби тут же облачилась в траур.

Попавшим в плен фидаям предстояла смерть в жестоких пытках. Однако и в плену они умудрялись причинить врагу зло. Так, один фидай во время допроса оклеветал нескольких видных эмиров и сановников перед сельджукским султаном Санджаром. Он уверял, что они — члены ордена ассасинов. Такое обвинение грозило смертью всякому, какой бы высокий пост он ни занимал. Именно так погибли правитель Самарканда и сын сельджукского правителя Кермана.

Тень подозрения была брошена даже на султана Баркиркука — возможно, по той причине, что нож ассасинов слишком часто настигал его врагов. Баркирук своими руками убил дерзнувшего оклеветать его и, чтобы развеять всякие подозрения у своих подданных,

подверг ассасинов жестоким гонениям, что, разумеется, не осталось без ответа: на султана напали и тяжело ранили.

У персидского историка Рашид ад-Дина мы находим список убитых при Хасане ибн Саббахе и его преемниках. Среди них — багдадские и каирские халифы, визиры и эмиры сельджукской державы, правители иранских и сирийских городов и областей, казии и муфтии. В хронике помечено, кто, когда, в какой провинции и в каком городе был убит. В иных случаях точно указано место, где совершилось убийство, — тут и мечеть в Исфахане и Дамаске, и султанский дворец, и военный лагерь. Историк называет имена фидасв. Если преступления совершили несколько фидасев (например, в убийстве фатимидского халифа участвовало семь человек), историк указывает их число, не называя имен.

Террор ассасинов не распространялся на низшие слои общества (два-три предателя, упомянутые в списке, — исключение). Ассасины считали убийство не только делом геройским, но более справедливым и гуманным способом борьбы с врагами, чем война, ибо оно приводило к меньшему кровопролитию.

В 1139 г. рукой некоего Ибрахима Дамгани был убит тбилисский казий, приговоривший к смерти ассасинов (мотивом для убийства казия, как правило, служила месть).

Рука Хасана ибн Саббаха дотягивалась не только до далекого Тбилиси. Впрочем, что Тбилиси — следы переедетых фидасев обнаруживались в Марселе и Париже.

Ассасины держали весь мусульманский мир в таком страхе, что каждый, хоть в чем-то провинившийся перед ними, постоянно носил под платьем кольцо.

В некоторых случаях ассасины ограничивались простой угрозой. Когда султан Санджар двинулся на них походом, намереваясь овладеть аламутской твердыней, то, проснувшись однажды утром, обнаружил в своей палатке кинжал, воткнутый в землю у ложа, и записку, в которой предупреждалось, что этот самый кинжал может оказаться в его груди, если он не повернет назад.

Персидский историк Джувейни уверяет, что он своими глазами видел в Аламутской библиотеке льстивые

послания Санджара к повелителю ассасинов с просьбой установить мирные отношения.

Угрожали и всесильному султану Египта Саладину, после чего дважды покушались на его жизнь, правда безрезультатно. Сей прославленный султан, курд по происхождению, отвоевавший в 1187 г. у крестоносцев Иерусалим и в течение нескольких лет завоевавший большую часть Сирии — Палестины, остерегаясь нападения фидаяев, спал в передвижной деревянной башне.

На страх и ненависть к ассасинам указывало само их прозвание — хашшашин. Ведь гашиш доводит человека до беспамьятства, ассасины поэтому казались людям самыми безрассудными. Мусульмане полагали, что в ясном уме никто не станет рисковать своей жизнью, как рисковали ассасины, а значит, сначала их гашишем доводили до такого состояния, когда они готовы были жертвовать собой. Одурманенному фидаю грезился «райский сад», и он согласен был пойти на смерть, лишь бы попасть в него.

Наивно думать, что постоянное курение гашиша могло сделать человека смелым, волевым. Наоборот, наркотик вызывает физическое и умственное напряжение, а это могло оказаться роковым для того, кто отправлялся на опасное, рискованное убийство. Возможно, гашиш давали всего один раз, чтобы пригрезился «райский сад», предполагает Марко Поло.

Ассасины часто помогали крестоносцам в их борьбе против мусульман, но и с крестоносцами не церемонились. Нож фидая не делал различия между христианином и мусульманином. Иногда ассасины выступали и как наемные убийцы. Полагают, что Конрад Монферратский был убит по поручению Саладина или Ричарда Львиное Сердце.

Ассасинов нередко ждала кровавая расплата. Вот что рассказывает персидский историк Равенди.

В начале XII в. ассасины захватили крепость неподалеку от Исфахана; встревоженные этим сельджуки, в свою очередь, осадили эту крепость. Ассасины оказались в тяжелом положении: иссякли запасы пищи. Их предводитель Ибн Атташ (купец) сообщил об этом везиру султана, тайному приверженцу ассасинов, и попросил помощи. Везир предложил Ибн Атташу потерпеть два-три дня, пока он «прикончит эту собаку» (т. е.

султана). Султан Мухаммед не переносил летней жары, и ему раз в месяц делали кровопускание. На этот раз отравленное лезвие подкупленного цирюльника должно было спровадить султана на тот свет. Однако тайное стало явным. Заговорщиков казнили, цирюльнику выпустили кровь его же бритвой. Два дня спустя Ибн Атташ сдался. Его усадили на верблюда и повели по улицам Исфахана напоказ высыпавшим из домов жителям. Ибн Атташа забрасывали комьями грязи, награждали оскорбительными словечками и стишками. Ибн Атташ был сведущ в астрологии, и кто-то спросил, издеваясь, как же он не предугадал своей участи. Тот ответил: гороскоп предсказал, что он проедет по Исфахану с большими почестями, чем оказывают государю, но что с такими — этого он не мог предвидеть! Ибн Атташа казнили, содрав с него, с живого, кожу. Но прошло совсем немного времени, и ассасины истребили всех виновных в его казни. В числе других прикончили и исфаханского казизя.

Ассасины подточили могущество Сельджукидов. Прав оказался знаменитый везир Низам ал-Мульк. В своем политическом трактате «Сиясет-наме» он предостерегал султана, что у сельджуков нет врага более опасного, чем ассасины, и, когда они выйдут из своих тайных убежищ, последуют страшные бедствия. Низам ал-Мульк мечтал уничтожить орден ассасинов в самом начале его возникновения. Он знал, что ассасинов возглавлял Хасан ибн Саббах, и всячески преследовал его.

Существует легенда, будто бы Низам ал-Мульк, Хасан ибн Саббах и Омар Хайям в юности вместе учились и дали клятву оказывать покровительство друг другу, если один из них добьется высокого положения. Омар Хайям выбрал поэзию и науку. Хасан ибн Саббах и Низам ал-Мульк возвысились при дворе Сельджукидов. Затем будущий глава ордена ассасинов стал строить козни против Низам ал-Мулька, но тот оказался ему не по зубам. Хасана ибн Саббаха изгнали из дворца. И якобы именно поэтому Хасан ибн Саббах начал мстить сельджукам. Действительно, первой жертвой фидаев был Низам ал-Мульк. И все же легенда о трех друзьях — лишь легенда: они не были даже сверстниками.

Свыше полутора столетий Аламут оставался непри-

ступным, а самоотверженный фидай и его острый нож ждали лишь знака своего повелителя.

В 1250 г. Аламут захватили и разрушили монголы. Победоносный Хулагу-хан, захватив крепость, поднялся осмотреть ее и, по словам Рашид ад-Дина, «от величия той горы прикусил зубами палец удивления».

Монголы перебили всех ассасинов — от мала до велика, не оставив от них и следа. Секта исмаилитов и поныне существует в некоторых восточных странах, но орден ассасинов исчез навсегда, канул в историю с падением Аламута.

«ПРИБЫЛ ТАЙНО В ГРУЗИЮ...»

Иоанн Багратиони, выдающийся деятель Грузии, автор энциклопедического сочинения «Калмасоба», пишет в своей «Истории Картли»: «Был Балдвоин королем Иерусалима, много раз одолевал сарацинов *. И, как передают другие историки, Балдвоин тот прибыл тайно в Грузию».

О каких историках говорит автор, откуда взял он это сведение — пока неизвестно. Ясно одно: судя по грузинской транскрипции имени иерусалимского короля, Иоанн Багратиони опирался непосредственно на латинский источник.

По его словам, приезд «Балдвоина» имел место на второй год после взятия Давидом Строителем крепости Лори, т. е. в 1119 г.

В это время во главе созданного крестоносцами в Палестине Иерусалимского королевства стоял Балдуин II (1118—1131).

В последней трети XI в. кочевые тюрко-сельджукские племена завоевали многие византийские владения. Византия обратилась за помощью к Западной Европе. На исходе XI в. в Сирию — Палестину хлынули крестоносцы, жаждавшие славы и завоеваний. Как говорит Анна Комнин **, толпы их потоками текли со всех сто-

* Сарацины — в средние века в странах Европы так первоначально именовали арабов, а затем вообще мусульман.

** Анна Комнин (1083 — ок. 1148) — византийский историк, автор «Алексиады» (истории царствования ее отца Алексея I Комнина), важного источника по истории Византии и первого крестового похода.

рон, и было их больше, чем песка на берегу и звезд в небе. Шел с крестоносцами и Балдуин.

В 1099 г. Балдуин вместе с известным своей храбростью и жестокостью Танкредом взял город Вифлеем (согласно легенде, место рождения Христа), а с октября 1100 г. стал владетелем Эдесского графства. Свое положение в Эдесском графстве он укрепил, женившись на дочери некоего Габриеля, богатого правителя одной из армянских областей. После этого с большими почестями принял у себя патриарха армянской церкви, снискав любовь и уважение своих подданных — армян.

Балдуин, видно, наделен был не только отвагой, но и чувством юмора. Известный французский историк Жак де Витри рассказывает о нем довольно забавную историю. Усы и борода на Востоке были неоспоримым символом мужской чести, достоинства и гордости, поэтому мужчины тщательно за ними ухаживали. Великим позором считалось лишиться даже волоска. Балдуин решил извлечь пользу из этого своеобразного культа. Обосновавшись в Эдессе, он сразу же отпустил бороду на восточный лад, а затем разыграл блестящую комедию.

Балдуин нуждался в деньгах, а его тесть был богат, и тогда с целью выманить у Габриеля деньги он сказал ему, что заложил бороду под довольно крупную сумму. Габриель оторопел и страшно расстроился. Он твердо решил уберечь зятя и дочь от вечного позора и выдал Балдуину тридцать тысяч безантов, взяв с него слово никогда не закладывать бороду, в какую бы нужду он ни попал.

Эдесса была аванпостом крестоносцев в Северной Сирии, и ей чаще других приходилось отражать нападения врагов. Балдуин умело правил своими владениями и успешно их защищал. Он много раз побеждал, хотя пришлось вкусить и горечь поражения: четыре года провел он в мусульманском плену.

14 апреля 1118 г. Балдуин стал правителем Иерусалимского королевства. Он был уже не молод, умудрен в делах войны и политики. Последующие события показали, как много значил для крестоносцев его военно-политический талант. После долгих распрей разобщенные мусульманские княжества стали постепенно

объединяться и собирать силы, чтобы уничтожить крестоносцев.

Балдуин попытался поладить с одним из главных своих противников, атабеком Дамаска Тугтегином, и направил к нему послов. Тугтегин выставил неприемлемые условия. Тогда Балдуин пригрозил ему войной, но атабек не дрогнул и от слов перешел к делу: напал на северные земли Иерусалимского королевства. Одновременно с юга выступил фатимидский халиф. Балдуин призвал на помощь войска из Антиохийского княжества и Триполийского графства и отвел нависшую над крестоносцами опасность — противники без боя отступили от Иерусалимского королевства. Воодушевленные крестоносцы атаковали Дамаск, разбили войско сына Тугтегина, двинулись к Алеппо и опустошили близлежащие земли.

Тогда Тугтегин и султан Алеппо Ильгази решили совместными усилиями расправиться с крестоносцами, не дававшими покоя Дамаску. Но неожиданно эти планы пришлось отложить, так как правитель Антиохийского княжества Роджер вместе с киликийскими армянами овладели крепостью Аزاز, что создавало прямую угрозу близлежащему Алеппо. Союзники задумали поход на Антиохию.

Тугтегин и Ильгази направили войска против Роджера. Ильгази двинулся из Мардина и, задержавшись ненадолго у Эдессы, в начале июня 1119 г. перешел Евфрат. Узнав об этом, Роджер обратился за помощью к Балдуину; тот сразу же приступил к приготовлениям в поход, но Роджер не стал его дожидаться, а выступил из Антиохии навстречу врагу, надеясь, что Балдуин его нагонит. В пути он остановился на отдых, несколько дней ожидал иерусалимского короля и, раздраженный его опозданием, поддался советам местных правителей, которых прежде всего тревожила судьба собственных владений, и повел войска дальше защищать от мусульман крепость Атариб, расположенную между Антиохией и Алеппо.

20 июня Роджер занял невыгодную позицию в скалистой местности у деревни Балат, северо-западнее Атарибской крепости. Место было неудобное, но он предполагал, что горы задержат врага.

Тем временем Ильгази поджидал Тугтегина у Алеппо.

по, но его эмирам надоело бездействие, им не терпелось сразиться. Ильгази уступил. 27 июня он снялся с лагеря и в ту же ночь, пользуясь темнотой, подошел совсем близко к крестоносцам.

Наутро войска Ильгази с трех сторон окружили франков и перебили их. Среди погибших оказался и Роджер. Семьдесят рыцарей попало в плен и было угнано в Алеппо. Говорят, что из войска Роджера в Антиохию вернулось не более двадцати человек. Крестоносцы назвали эту местность «Кровавым полем».

Но Ильгази не довел своего триумфа до конца. Вместо того чтобы напасть на почти не защищенную Антиохию, он ограничился взятием Атариба и Зарданы.

Балдуин тем временем достиг Антиохии и стал наводить там порядок: жен погибших выдал замуж за оставшихся в живых, а имущество отдал их детям. Покончив с этим, он отправился воевать с Ильгази, призвав на помощь войско из Эдесского графства. Сражение между ними произошло 14 августа у деревни Данит.

Сирийский эмир Усама ибн Мункыз пишет в автобиографическом сочинении, которое вполне можно назвать дневником офицера, что Ильгази имел чрезмерное пристрастие к вину. Одержав победу над Роджером, он принялся пить и пил, пока не появился Балдуин со своим войском.

Усама говорит, что в августовском бою между Ильгази и Балдуином победителя не было: «отряды франков разбили отряды мусульман, а отряды мусульман разбили отряды франков». Обе стороны понесли большой урон. А потом Ильгази вернулся в Мардин, а Балдуин — в Антиохию.

Среди пленных крестоносцев был некто Роберт, владетель нескольких крепостей в Антиохийском княжестве, сам назначивший сумму для своего выкупа — десять тысяч динаров. «Отведите его к атабеку Тугтегину, — повелел Ильгази, — может, он запугает его и сумеет вытянуть побольше». Роберта привели к атабеку в его шатер, где тот предавался возлиянию. Увидев крестоносца, атабек вскочил, выхватил меч и снес ему голову. Ильгази, узнав об этом, упрекнул атабека: «Мы каждым динаром дорожим, чтобы вовремя платить войску. Я отправил пленного к тебе, думал, припугнешь —

и он увеличит выкуп, а ты убил его». На это атабек ответил: «Я не умею пугать лучше, чем так».

События лета 1119 г.— гибель Роджера и истребление его отборных рыцарей — ослабили позиции крестоносцев.

Роджер, или, как называли его арабы, Сироджал (т. е. сир Роджер), пользовался славой талантливое военачальника. За четыре года до своей гибели он разбил иранское войско тюрок-сельджуков и стал такой же легендарной фигурой, как впоследствии Ричард Львиное Сердце.

И христианские рыцари, и мусульманские воины воздавали должное военному таланту и боевой отваге друг друга. Тот же Усама ибн Мункыз признает за франками только одно достоинство — храбрость. А европейский хронист, современник крестоносцев, говорит, что, будь турки христианами, лучше их людей на земле не сыскать.

В 1119 г. крестоносцы лишились завоеванных за четыре года прочных позиций. Теперь им противостоял могучий противник — правитель Алеппо Ильгази.

Пополнение из Европы поступало нечасто и нерегулярно. Положение крестоносцев становилось все более бедственным. Не случайно именно в 1119 г. возник духовно-рыцарский орден тамплиеров, члены которого были полумонахами-полурыцарями. Полагают, что он был создан наподобие ордена ассасинов: та же строгая военная организация, та же суровая дисциплина. В дальнейшей истории крестовых походов этот орден сыграл заметную роль, но 1119 год был лишь годом его основания.

Если учесть все изложенное выше, приезд иерусалимского короля Балдуина в Грузию представляется вполне правдоподобным, а цель его тайного визита — очевидной.

Попавшие в затруднение крестоносцы устремили взоры к Грузии, которую и раньше считали центром христианской культуры на Востоке. Цели у крестоносцев и у Грузии были разные, но враг у них все же был общий, и они становились союзниками поневоле. Взятие крестоносцами в конце XI в. Антиохии и Иерусалима развеяло славу о непобедимости мусульман и создало благоприятную обстановку для Грузии. Грузинский

летописец подчеркивает, что именно после этого поражения мусульман Давид Строитель прекратил выплату дани сельджукам.

И теперь, спустя двадцать лет, Грузия была достаточно сильной, чтобы помочь крестоносцам. Военные реформы Давида Строителя дали возможность изгнать из пределов страны сельджуков. В 1118—1120 гг. было создано постоянное кыпчакское войско, с которым Давид Строитель смог перейти от оборонительных войн к наступательным.

В Сирии установилось короткое затишье: какое-то время мусульмане не тревожили крестоносцев. Но временная тишина таила угрозу: над крестоносцами сгущались тучи. Ильгази собирал силы для окончательного удара.

Но планам его не суждено было осуществиться. Неожиданно Ильгази был втянут в конфликт, оказавшийся для него роковым.

Восточные летописи сообщают о вторжении в 1120 г. грузинских войск в мусульманские области, а одна из хроник говорит и о нападении на Сирию. По сведению историка Давида Строителя, «в месяце ноябре отправился царь в Ашорнию, напал на турок, перебил их и захватил добычу». Ашорния находится по соседству с Басианом, откуда рукой подать до владений Ильгази — Мардина и Майяфарикина. Сведения летописцев касаются, видимо, одного и того же факта: военной помощи Грузии обескровленному войнству крестоносцев.

Поход Ильгази в Грузию в 1121 г. и Дидгорское сражение сами по себе свидетельствуют о каком-то событии, имевшем место в 1120 г., которое привело Ильгази, знаменосца «священной войны» против крестоносцев, их заклятого врага, в Дидгори вместо Антиохии и Иерусалима. По-видимому, в конце 1120 г. Давид Строитель воевал во владениях Ильгази (вероятно, в окрестностях Диарбакра) и с честью выполнил просьбу Балдуина.

Канцлеру Антиохийского княжества Готье поход Ильгази в Грузию в 1121 г. представлялся чуть ли не личным делом султана. По его словам, Ильгази намеревался сокрушить Давида Строителя, разбить, развеять его силы и лишь после этого нанести удар по Антиохии и Иерусалиму и покончить с крестоносцами. А это зна-

чит, что Ильгази заботился о безопасности своего тыла перед намеченной войной с крестоносцами и укрепление его считал неотложным делом, иначе он не смог бы спокойно воевать в Сирии — Палестине.

Таким образом, не будь даже сообщения Иоанна Багратиони о том, что «Балдвоин» посетил Грузию, описанные выше события привели бы нас к тому же самому выводу.

В 1121 г. крестоносцы активизировались. В мае они напали на Атарибскую крепость и серьезно угрожали Алеппо. Ильгази приказал своему сыну Сулейману (правителю Атариба) пойти на перемирие с франками, но те выставили слишком тяжелые для мусульман условия.

В течение всего лета крестоносцы успешно наступали. Балдуин овладел несколькими крепостями в окрестностях Алеппо. Встревоженный Сулейман запросил мира (Ильгази со своим войском находился в это время в Грузии). Переговоры провалились, поскольку Балдуин настаивал на сдаче Атариба.

Август 1121 года. Дидгорское сражение. Блестящая победа Давида Строителя. Тяжело раненный, Ильгази бежит с поля боя. Объединенные силы мусульман разгромлены.

Как сообщает канцлер Готье, в Дидгорской битве участвовало двести франков. Видимо, по их рассказам Готье и описал торжество грузинского народа в Дидгори. Восхищение Готье вполне понятно. Дидгорское сражение подкосило Ильгази, сорвало все его планы — теперь ему было уже не до крестоносцев.

Осенью следующего года Ильгази разбил паралич — кто знает, не из-за раны ли, полученной в Дидгори, — который быстро свел его в могилу. Так завершился путь самого лютого врага крестоносцев, и нет сомнения, что иерусалимский король Балдуин облегченно вздохнул, получив весть о его кончине.

Имеется еще одно любопытное сообщение: в 1136 г. неизвестный хронист, находившийся в Нормандии, записал рассказ, услышанный от рыцарей-крестоносцев, о том, что грузинский царь Давид и брат правителя Киликии Торос в 1123—1124 гг. участвовали в освобождении рыцарей, попавших в плен к одному султану.

Не беремся утверждать, что это сведение касается

Балдуина. Однако хорошо известно, что именно в апреле 1123 г. он вторично оказался в плену у мусульман. Его поместили в крепость поблизости от Эрзурома. Известно также, что эдесский граф Жоселен, намереваясь выволочь из плена своего патрона, обратился за помощью к византийскому императору и правителям киликийских армян. Освободить Балдуина удалось в 1124 г., и вполне вероятно, что среди пленных рыцарей, о которых слышал хронист, был и Балдуин.

Балдуин II скончался в 1131 г. в Иерусалиме. По всеобщему признанию, во время его правления могущество крестоносцев достигло апогея. На протяжении 13 лет он укреплял и расширял границы Иерусалимского королевства.

Балдуина (так же как и Давида Строителя) восхваляют даже враждебные ему мусульманские историки. По утверждению Ибн ал-Каланиси, он много раз попадал в плен к мусульманам (в действительности лишь дважды), но всякий раз выбирался из него. После смерти Балдуина среди франков не осталось равного ему по уму и способности управлять государством.

Арабский историк Ибн ал-Асир нехотя признает усиление франков после 1120 г., считая, что этим они обязаны Балдуину.

Здесь нам остается лишь добавить, что у Давида Строителя не меньше заслуг перед крестоносцами.

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ВИЗАНТИИ

В начале XIII в. из Антиохии, Кипра и других мест, где имелись грузинские монастыри, в Грузию за «благим подаянием» прибыли монахи. Царица Тамар щедро их одарила и довольных отправила назад. В Константинополе монахов задержал византийский император Алексей III из династии Ангелов и без зазрения совести отнял у них «огромное количество золота», пожалованного им в Грузии.

Естественно, что неблагоприятный поступок императора возмутил правительницу Грузии. Историк царицы Тамар Басили замечает: «Тамар прогневалась на гре-

ческого императора, послала войско из Западной Грузии, отобрала у греков Лазику и Трапезунд... и пожаловала их своему родственнику Алексею Комнину, внуку Андроника, который пребывал тогда у нее, обретя приют при грузинском дворе».

По словам византийского историка Михаила Панарета, Тамар приходилась Алексею «тетей со стороны отца». В связи с этим сообщением исследователи дружно сходятся на том, что в XII в. один из Комнинов был женат на грузинке из рода Багратионов, но на ком именно — вопрос неясный, спорный.

Дед Алексея Комнина, Андроник Комнин, — колоритнейшая фигура в византийской истории. Страсть к приключениям, редкая отвага и неиссякаемая энергия снижали ему огромную популярность у современников. Андроник не ладил с византийским императором, своим двоюродным братом, долго жил на чужбине, переезжая от одного двора к другому, от христианского к мусульманскому. Он обошел Русь, Сирию, Месопотамию, Киликийскую Армению.

В 60-х годах XII в. Андроник посетил и Грузию, где его приняли чрезвычайно радушно. Грузинский источник сообщает, что царь Георгий III, отец Тамар, «оказал ему почести сообразно его происхождению».

Шли годы. Судьба наконец улыбнулась Андронику.

В Константинополе вспыхнул бунт, двоюродный брат Андроника был сброшен с трона. Претендент на византийский престол, которому в это время перевалило за 60, не упустил благоприятного момента — поспешил в столицу и захватил власть.

Новый император Византии прежде всего стал сражаться с царившей в стране коррупцией. Он сурово карал за торговлю должностями, боролся с произволом чиновников и старался облегчить налоговое бремя, покровительствовал низшим слоям общества. Население вздохнуло свободнее. Жители Константинополя возносили хвалу Андронику. По словам византийского историка, кто воздавал кесарю кесарево, тот мог спокойно спать в тени своего сада.

Современные исследователи называют Андроника «крестьянским царем» и основателем «демократической монархии», но вместе с тем сравнивают его с Ричардом III, героем бессмертной трагедии Шекспира.

Новый император не щадил своих противников, по его приказу семья бывшего императора и его ближайшая родня были истреблены. Репрессиям подверглись многие сановники. Примечательно, что Андроник редко прибегал к тайной расправе. Виновных судили и казнили публично.

Успешно расправляясь со своими внутренними врагами, Андроник не мог противостоять внешним. Сицилийские норманны отхватили у Византии Фессалонику, венгры — Далмацию, потерян был и Кипр. Тщетно просил император помощи у папы римского, у венецианцев и даже у египетского султана Саладина. Византию теснили и рвали со всех сторон. Население было охвачено паникой. Подняла голову аристократия. Ущемленная в своих правах, озлобленная против Андроника знать во главе с Ангелом подняла мятеж.

В сентябре 1185 г. место свергнутого с престола Андроника Комнина занял глава заговорщиков Исаак Ангел. Андроник попытался бежать, его выследили, пытали, и, не выдержав пыток, он скончался. Та же участь постигла и двух его сыновей.

Приверженцы Андроника уберегли его малолетних внуков (старшему из них, Алексею, было всего три года) и тайно вывезли из Константинополя. Беженцы обрели приют во дворце царицы Тамар. Грузия стала их второй родиной, а грузинский язык — вторым родным языком. Там они получили образование, там обучились военному искусству. Воспитывали их в грузинских традициях, обычаях и нравах, и, возмужав, они больше походили на грузинских, чем на византийских, вельмож.

После гибели деда, отца и дяди они являлись законными наследниками византийского престола, но в Константинополе правила династия Ангелов, и им оставалось лишь мечтать о власти.

В 1195 г. Исаака Ангела лишил трона его родной брат, выколол ему глаза и завладел короной. Однако и очередной император, Алексей III, не смог изменить бедственного положения страны. Византийская империя испускала дух. Нескончаемые мятежи и заговоры подточили власть. Налоги возросли до небывалых размеров, казна истощилась. Из-за алчности и слабости Алексея III Византия утратила даже тот небольшой престиж, который еще сохраняла в глазах внешнего

мира (Алексей Ангари, т. е. Алексей Лихоимец, называет упомянутого императора грузинская летопись).

Распад Византийской империи становился все более зримым. В высших кругах забыли о таких понятиях, как патриотизм, честь, достоинство, порядочность. Знать и все, от кого зависело благоденствие страны, пеклись лишь о собственном благополучии, о своих личных выгодах, бездумно предаваясь увеселениям.

В 1201 г. Алексей III выпустил из темницы своего племянника и тезку — молодого Алексея, сына ослепленного Исаака, и взял его с собой в поход. Тому удалось сбежать из военного лагеря. Скрываясь от преследователей, беглец отпустил бороду на западный лад, оделся по-западному и оказался на корабле, шедшем в Италию. Сначала он предстал перед папой римским и попросил у него помощи, но получил весьма неопределенный ответ и тогда вступил в переговоры непосредственно с предводителями нового крестового похода.

Алексей добивался помощи, намереваясь отобрать трон у узурпатора. Он обещал крестоносцам, если они возведут его на престол, уплатить двести тысяч марок серебром, обеспечить их припасами на год и присоединиться к походу в Иерусалим с десятью тысячами греческих воинов, а главное, подчинить византийскую церковь папе римскому. Посредником между Алексеем и крестоносцами был супруг его сестры император Германии Филипп II.

Политические деятели Западной Европы считали, что основная причина неудачи крестовых походов коренилась в вероломстве византийских императоров. Они же утверждали, что Византия, поддерживая мусульман, подрывала основанные на Востоке государства крестоносцев. Венецианские купцы и немецкие бароны зарились на Византийскую империю, жаждали прибрать к рукам ее земли и торговые пути, и вот представился повод свести давние счеты со своим другом-недругом.

Крестоносцы охотно обещали помощь византийскому беглецу. В 1202 г. было заключено соглашение на перечисленных условиях. Так изменил свое направление четвертый крестовый поход.

Венецианский флот доставил готовые к бою войска не в Иерусалим, как следовало, а в Константинополь. В 1203 г. крестоносцы осадили столицу Византии. Алек-

сей III попытался вступить с ними в переговоры, но тщетно.

Византийцы кое-как снарядили двадцать прогнивших, подточенных червями кораблей. Адмирал их в это время был занят продажей на сторону парусов, якорей и гвоздей.

Крестоносцы без особых трудов совершили переворот — Алексей III бежал из Константинополя, а императором был объявлен ослепленный Исаак Ангел. От него и от его сына они потребовали выплаты обещанной суммы, но те не смогли достать нужных денег, даже посягнув на сокровища церкви, и вручили крестоносцам лишь половину, умоляя отсрочить выплату остального долга.

Отношения между Ангелами и крестоносцами обострились. В январе 1204 г. византийские корабли выступили против венецианского флота. Крестоносцы негодовали: «Вот как отплатил нам за помощь Алексей!»

И жители Константинополя были враждебно настроены к Ангелам, пришедшим к власти благодаря крестоносцам. Назревал очередной переворот. Оказавшись между двух огней, Исаак предпочел все же крестоносцев — он призвал их вступить в Константинополь и навести порядок. Но было уже поздно. Заговорщики ловко использовали антилатинские настроения жителей и низвергли династию Ангелов.

Исаак, не выдержав стольких бед, отдал богу душу. Сына его сначала упрятали в темницу, а немного спустя отправили вслед за отцом.

Императором Византии стал Алексей Дука (Алексей V). Крестоносцы понимали, что новому императору и в голову не придет выполнять обязательства, принятые Алексеем Ангелом, а это значило, что весь поход терял смысл, все затраты шли прахом. Следовало принять решительные меры. 13 апреля 1204 г. крестоносцы заняли Константинополь и подвергли его неслыханному грабежу.

Целое столетие на Западе обвиняли Византию в измене делу крестоносцев, и меч, занесенный над ней, наконец опустился. Четвертый крестовый поход, давно начатый во Франции, завершился в Константинополе без единой схватки хотя бы с одним вооруженным мусуль-

манином. Об Иерусалиме и о гробе господнем никто и не вспоминал.

Взять Константинополь оказалось куда легче, чем Иерусалим, и крестоносцам почти без боя достались его несметные богатства (в то время Константинополь считался самым богатым городом на свете. Говорили, что в нем сосредоточено две трети всех сокровищ мира).

Так пала некогда могущественная Византийская империя. Государство, восстановленное через полстолетия, было лишь ее слабой тенью.

Византийский престол занял один из вождей крестоносцев — Балдуин Фландрский.

Отношения Грузии с династией Ангелов с самого начала не могли не быть натянутыми. Тамар, родственница Комнинов, помнила, разумеется, что трон у Комнинов отобрали Ангелы. А Ангелы не забывали, что ненавистные внуки Андроника Комнина обрели кров в Грузии, росли там при царском дворе и представляли потенциальную угрозу для византийского императора, поскольку династия Комнинов олицетворяла блестящее прошлое Византии.

Отношения еще более обострились, когда Алексей III польстился на золото монахов, дарованное царицей Тамар.

В Грузии уже видели, что падение Византийской империи не за горами.

В апреле 1204 г. грузинские войска двинулись к Трапезунду и легко завладели соседней территорией, населенной в основном лазами*.

Рядом с так называемой Латинской империей, созданной крестоносцами в Византии, возникло Трапезундское царство. Так у Грузин, окруженной множеством мусульманских стран, появился новый сосед, верный и единоверный союзник. Выросший в Грузии родич Багратионов Алексей Комнин стал первым императором Трапезунда.

Алексей и его брат Давид лелеяли надежду на возвращение в Константинополь и восстановление своих прав на византийский престол, но им не суждено было достичь этого.

* Л а з ы — этнографическая группа грузин, в прошлом одно из грузинских племен.

Трапезундское государство существовало два с половиной столетия. Оно стало крупным центром греческой культуры. Сам Трапезунд был одним из красивейших городов Востока, известный всюду как «голова и глаза Азии».

«ИМЯ ИМ — ГЕОРГИАНЫ...»

«Во время пребывания в Дамьетте легата Вашего мы получили Ваш высочайший совет и указ, дабы брат мой выступил на подмогу христианам. И он, имея это намерение, готовился к выступлению, когда в нашу страну вторглись злодеи-татары», — писала в 1223 г. напе римскому царица Грузии Русудан, дочь царицы Тамар (уже после гибели ее брата царя Георгия-Лаша и первого вторжения монголов). Почти то же самое повторял амирспасалар Грузии Иванэ Мхаргрдзели.

Их письма были получены в Риме в 1224 г., а пятый крестовый поход начался в 1218-м.

Как возможна и близка, оказывается, была помощь крестоносцам из Грузии! Сорокатысячное войско, уже снаряженное и готовое к бою, должно было отправиться в сторону Палестины под водительством молодого царя Грузии Георгия-Лаша воевать вместе с крестоносцами против общего врага.

«О друзьях иметь заботу никогда не вредно людям» — так всегда считали в Грузии — и до Руставели, и после, когда наизусть знали «Витязя в тигровой шкуре». Другом считался каждый христианин — и из ближних стран и из чужедальных, потому что один был у них бог и одни и те же молитвы возносили ему на родном языке — и в храме, и на поле боя, и в горе и в радости, с рождения и до самой смерти.

Вот почему в Грузии в период могущества готовы были помочь единоверцам, а в трудную пору от них ждали помощи и защиты.

В эпоху правления Тамар среди сопредельных стран у Грузии не было серьезного врага и соперника. Арабские халифы давно утратили свою былую мощь, ушла в историю империя, сколоченная сельджуками, еще не ступали на грузинскую землю ни гонимые монголами

хорезмийцы, ни сами монголы, Османская империя лежала в колыбели, а династия Сефевидов еще не родилась.

Сильное грузинское царство считало себя покровителем восточных христиан. И на Грузию надеялись, так как слова ее подкреплялись делами. Когда ардебильский султан разорил город Ани, оросив церкви кровью христиан-армян, грузинское правительство немедленно направило в Ардебиль войска. Армянский историк Вардан писал, что в годы царствования Тамар, христианство укрепилось.

Правители Грузии прекрасно понимали, что мусульманское море, со всех сторон обступившее страну, грозило поглотить ее и смыть основу ее будущности. Под властью очередного завоевателя не сегодня завтра вновь могли объединиться разрозненные мусульманские владения и снести, смыть христианский островок, потому что у грузинского народа другой был язык, другому молился он богу, других придерживался нравов и обычаев, созидание предпочитал разрушению, свободе — рабству.

Бог мусульман знал и признавал один-единственный язык — арабский — и устами своего пророка призывал всех мусульман: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха. И приготовьте для них сколько можете силы и отрядов конницы; ими вы устршите врага Аллаха. И убивайте их, где встретите... Если Аллах окажет вам помощь, то нет победителя для вас... Не вы их убивали, но Аллах убивал их... О пророк! Побуждай верующих к сражению. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни, а если будет среди вас тысяча, то они победят две тысячи с дозволения Аллаха — ведь Аллах с терпеливыми!.. Поистине те, которые не веруют в знамения Аллаха, — для них сильное наказание. Поистине Аллах велик, обладатель мщения!.. О вы, которые уверовали! Сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам... И не берите из них ни друзей, ни помощников. Аллаху принадлежит и Восток и Запад!» Эти слова выписаны из Корана.

Различие в вероисповедании разобщало народы, но наряду с мусульманским мечом существовала мусульманская культура, влияние которой простиралось до Европы. «Находившаяся на рубеже Азии и Европы Гру-

зия,— писал И. А. Джавахишвили,— усваивала и объединяла культуру и просвещение Востока и Запада».

...Пятый крестовый поход ставил целью освобождение Иерусалима.

...В 1187 г. прославленный султан Египта Саладин, основоположник династии Айюбидов, вдохновитель «священной войны» против крестоносцев, взял Иерусалим, почти столетие находившийся в руках христиан. Он же захватил множество крепостей и укреплений в Сирии — Палестине, сильно оттеснив франков. Европа объявила третий крестовый поход, но даже предводительство Ричарда Львиное Сердце не перетянуло чашу весов на сторону христиан: Иерусалим остался в руках мусульман. Четвертый поход крестоносцев (1202—1204) закончился взятием Константинополя — вместо Иерусалима!

А Иерусалим по-прежнему оставался в руках мусульман...

Прошло еще тринадцать лет, и начался пятый крестовый поход.

В мае 1218 г. войска крестоносцев подступили к египетскому порту Дамьетта.

Палестинский епископ Жак де Витри в сентябре того же года объяснял папе римскому в своих посланиях, почему крестоносцы оказались вдруг в Египте: страшно знойное лето не благоприятствовало, дескать, нападению на Иерусалим, окруженный пустыней, а Египет в отличие от Иерусалима был страной плодородной, обильной водой.

Неприступные крепости-твердыни имелись в трех городах, в том числе в Дамьетте, которую называли «ключом к Египту» — через нее открывался путь к остальным городам.

Арабский историк Ибн ал-Фурат приводит слова предводителя крестоносцев: «Именно благодаря ресурсам этой богатой страны сумел Саладин завоевать Сирию — Палестину. Если мы захватим Египет, легко отвоюем Иерусалим вместе с другими владениями».

Войска крестоносцев этнически были пестрыми: французы, англичане, немцы, итальянцы. Поход возглавляли король Иерусалима Иоанн и австрийский герцог Леопольд.

Летом к крестоносцам прибыл папский легат Пела-

гиус, дабы укрепить дух братства и единства между крестоносцами разных национальностей.

Осада Дамьетты затянулась.

В начале 1219 г. султан Египта ал-Камил, племянник Саладина, вступает в мирные переговоры с крестоносцами. Он предлагает им вернуть Иерусалимское королевство, за исключением нескольких крепостей на пути из Палестины в Египет, выплатить определенную дань в качестве компенсации за них и мир на тридцать лет. Взамен крестоносцы обязывались отойти от Египта.

Король Иерусалима согласился принять эти заманчивые предложения — ведь конечной целью крестового похода было именно восстановление Иерусалимского королевства, но кардинал Пелагиус категорически отверг предложение о мире. Он активно вмешивался в военные дела, считая, что крестоносцы подвластны римской церкви, а не королю Иерусалима.

Назревал конфликт между ним и предводителями похода.

Прибывшие в большом количестве из Италии вспомогательные силы признавали лишь волю кардинала. На его стороне были и монахи-рыцари — тамплиеры и госпитальеры. А когда они «обнаружили» вдруг рукопись на арабском языке, предсказывавшую падение Дамьетты, авторитет кардинала Пелагиуса утвердился окончательно.

Ал-Камил призвал на помощь своего младшего брата — султана Дамаска ал-Муаззама. Отправляясь в Египет, он разрушил попутно стены Иерусалима и лучшие крепости Сирии. Защищать их все равно было невозможно: в Сирии оставалось совсем мало войска, а кроме того, султан Дамаска трезво рассудил, что, даже если крестоносцы займут эти крепости, они не сразу их восстановят, и мусульмане окажутся в более выгодном положении. Было это в марте 1219 г.

Весть о действиях ал-Муаззама быстро дошла до Дамьетты и привела крестоносцев, увлеченных наступлением, в замешательство.

Сначала поле боя оставил австрийский герцог, весной он уехал домой. Его примеру последовали другие. Кардинал Пелагиус умолял покидавших крестоносцев потерпеть хотя бы до осени, щедро обещал индульгенции для отпущения не только их собственных грехов,

но и грехов их ближайших родственников, которые могли быть совершены в будущем.

Но и у мусульман дела обстояли не лучше. Султан Египта ничем не смог помочь осажденным жителям Дамьетты, где уже начался голод. Чтобы приободрить население Египта, по улицам Каира провели закованных в кандалы пленных. Затем отобрали двух из них и направили парламентариями в лагерь крестоносцев.

Ал-Камил, кроме того, что предлагал крестоносцам раньше, соглашался теперь взять на себя расходы по восстановлению Иерусалима и разрушенных его братом крепостей, отдать заложниками двадцать мусульман знатного происхождения, освободить всех пленных христиан, которые нашлись бы в живых где-либо на землях Египта и Сирии.

Однако кардинал Пелагиус по-прежнему упорствовал и не шел на заключение мира, доказывая всем, кто ему возражал, что это уловка мусульман, что они хотят внести раздор в ряды крестоносцев, расколоть их, после чего снова без труда захватят Иерусалим, главные крепости которого уже разрушены. Дальновидный кардинал настоял на своем, и крестоносцы с удвоенной энергией атаквали врага.

В ноябре 1219 г. Дамьетта пала.

Настал черед Каира. В это самое время и прибыли в Дамьетту послы царя Грузии Георгия-Лаша. Кардинал Пелагиус от имени папы римского призвал его направить войска на помощь крестоносцам.

Упомянутый выше Жак де Витри, вероятно, познакомился с послами Георгия-Лаша именно в Дамьетте. Он так характеризует грузин в своей книге «История Иерусалима»: «Они весьма отважны и мужественны в бою, крепкого телосложения, победоносные, несметные числом воинов. Сарацины их очень боятся. Часто нападая на персов, мидийцев, ассирийцев, с которыми соседствуют, окруженные безбожными, нехристианскими народами, чинят им урон. Имя им — георгианы, ибо у них особенно почитается св. Георгий, они считают его своим покровителем и знаменосцем в борьбе с нехристианами и славят более всех других святых. Всякий раз, когда они прибывают в святой город поклониться гробу господню, вступают в Иерусалим с раскрытыми знаменами и никому не платят дани. Сарацины не осме-

ливаются нападать на них, ибо, вернувшись домой, они могут в отместку напасть на живущих по соседству мусульман. Их благородные женщины, подобно амазонкам, воюют с оружием в руках бок о бок с рыцарями...»

Дальше Жак де Витри рассказывает, что разрушение Иерусалима сильно встревожило грузин и они пригрозили султану Дамаска.

Грузинские послы сообщили своему царю о призыве папы.

По словам И. А. Джавахишвили, план военной помощи крестоносцам пришелся по сердцу Георгию-Лаша, и он охотно согласился выступить в поход. Ведь в Иерусалиме были грузинские монастыри.

Венецианский историк Марино Сануто передает, что грузины радостно встретили весть о взятии крестоносцами Дамьетты и решили оказать им самую большую помощь — взять Дамаск.

Это явилось бы роковым ударом по наследникам Саладина. Султану Дамаска ал-Муаззаму, отправившемуся в Египет на помощь брату, пришлось бы вернуться назад защищать Дамаск, что ослабило бы оставшиеся против крестоносцев силы мусульман. Если же султан не вернулся бы в Дамаск, последствия для него и всех мусульман оказались бы еще печальнее.

Георгий-Лаша планировал смелую военную операцию. Дальний поход требовал серьезной подготовки. Определенный опыт в этом смысле у грузинского войска уже имелся. Всего лет за десять перед этим был совершен победоносный поход в глубь Хорасана, куда, по словам одного из историков царицы Тамар, «никто из грузин не ходил походом — ни царь, ни князь. Оказать им противодействие не мог в Персии ни один султан: ни хорасанский, ни иракский и ни кто-либо другой». Только тяжесть захваченной добычи вынудила грузинское войско прекратить свое «победное продвижение», которое по сравнению с возможным походом Георгия-Лаша показалось бы незначительным.

Тем временем ал-Камил, спасая Египет, призвал на помощь своего второго брата — ал-Ашрафа, правителя Днарбакра и Хлата, соседа Грузии.

Ал-Ашраф колебался. Его отъезд полностью открывал дорогу к Дамаску грузинскому войску.

Ал-Камил еще раз предложил мир крестоносцам, и те еще раз упустили возможность без войны овладеть Иерусалимом, что и было конечной целью пятого крестового похода.

Кардинал Пелагиус упорствовал. Он ждал вспомогательных военных сил, надеясь, очевидно, повергнуть к своим стопам весь мусульманский мир. Как знать, может, он родился быть военачальником, а не служителем господ бога! Впрочем, он и был фактически военачальником, ибо король Иерусалима после взятия Дамьетты не принимал больше участия в походе.

В конце 1220 г. папа римский обнадежил кардинала Пелагиуса, что германский император торжественно обещает отправить войско на помощь крестоносцам в марте следующего года, а в августе отправиться туда самому.

Кардинал, со своей стороны, сообщил папе, что грузины-христиане, искусные в военном деле, готовятся к крестовому походу против сарацинов.

Приведенная в книге Жака де Витри характеристика грузин показывает, какие большие надежды возлагали предводители пятого крестового похода на военные силы христианской Грузии.

Но все смешало и изменило появление в 1220 г. на грузинской земле монголов.

Кардинал Пелагиус с нетерпением ждал помощи с запада и с востока. Но император Германии, обещавший помощь, запаздывал, а войска Георгия-Лаша были обескровлены в войне с монголами.

В конце лета 1221 г. ал-Камил при энергичной поддержке своих братьев ал-Муаззама и ал-Ашрафа нанес поражение уже обессиленному врагу, и в сентябре они отвоевали Дамьетту.

«Аллах даровал мусульманам неожиданную победу», — пишет арабский историк Ибн ал-Асир. Вершиной их надежд было возвращение Дамьетты ценой потери Сирии — Палестины, но милость Аллаха превзошла всякие ожидания.

Так закончился пятый крестовый поход.

Вину за поражение крестоносцы свалили на кардинала Пелагиуса. Руководители похода упрекали его в том, что он не воспользовался взятием Дамьетты а, присвоив себе права главнокомандующего, думал не о

восстановлении Иерусалимского королевства, а о завоевании Египта.

Но кто знает, что стали бы говорить противники кардинала, если бы сорокатысячное грузинское войско ввязалось в войну на стороне крестоносцев. Тогда и Георгий-Лаша воистину смело мог бы взглянуть в глаза своему славному прапрадеду Давиду Строителю и занять в истории Грузии место среди самых достойных.

И тогда бы нам не показался преувеличением искренний панегирик некоего французского рыцаря, который незадолго до этих событий уподобил Георгия-Лаша Александру Македонскому.

В письмах царицы Русудан и Иванэ Мхаргрдзели к папе вновь поднимался вопрос о помощи крестоносцам, но в самой Европе организация очередного похода затянулась, а тем временем в Грузию вторгся хорезмшах Джелал ад-Дин, а потом опять монголы, и судьба страны резко изменилась.

И Русудан уже самой пришлось просить помощи у папы римского, но в ответ она получала лишь молитвы. Никому не было дела до Грузии.

Уходила в историю эпоха крестовых походов.

ЛЕГЕНДЫ И ИЛЛЮЗИИ

В 1223 г. царица Грузии Русудан писала папе римскому: «При нашествии монголов мы не проявили никакой осторожности, ибо полагали, что они христиане, и лишь после убедились, что они не были христианами».

Как понять слова царицы? Как попытку найти достойную причину оправдать неожиданное поражение, или в Грузии действительно не знали, кто такие монголы и каковы их намерения?

Правильнее предположить второе. Не одни грузины оказались жертвами столь рокового заблуждения. Монголов считали христианами и в соседней Армении, и во владениях крестоносцев — Сирии — Палестине, и в Европе.

Армянский историк Киракос Гандзакечи передает, что о монголах распространились ложные слухи, будто они христианской веры и идут покарать мусульман за

притеснение христиан и намерены биться плечом к плечу с крестоносцами, дабы освободить «святые места». Говорили также, будто у них имеются полевые церкви и чудотворный крест.

Некто Филипп, глава одного католического ордена в Палестине, сообщил в Рим, что христианство распространено на всем монгольском Востоке.

Все эти слухи содержали определенную долю правды. В XII—XIII вв. в Центральной Азии, Монголии и Китае жило большое число христиан-несторианцев, потомков переселенцев из Ирана и Византии. Христианство было господствующей религией в двух главных монгольских племенах — у найманов и кераитов. Это послужило основой для возникновения легенды о пресвитере Иоанне.

В 1145 г. известный баварский летописец Оттон Фрейзингенский, ссылаясь на рассказ Гуго, епископа Джабалы (город в Северной Сирии), писал, что за несколько лет до того царь несториан пресвитер Иоанн из далекой восточной страны двинулся походом против мусульман, сразил их и направился дальше на запад, чтобы оказать помощь Иерусалимскому королевству, но не сумел пересечь Тигр и повернул назад. Отголоском какого исторического события явилось это сообщение?

В 1141 г. неподалеку от Самарканда каракитаи во главе с Елюй Даши одолели войска сельджукского султана Санджара — лучшие силы мусульманского мира (около ста тысяч), испытанные в войнах с крестоносцами и греками, вооруженные, как теперь говорят, по последнему слову военной техники. Такого грандиозного и кровопролитного сражения еще не знала история мусульманских народов. Погибло тридцать тысяч воинов Санджара. Большое число эмиров и даже его супруга оказались в плену. Санджар — выдающаяся личность своей эпохи, его называли последним «великим сельджуком». И вот после девятнадцати победоносных войн такое поражение! Люди перестали трепетать при его имени, а придворный историк написал: «О повелитель, сорок лет твой меч воздет был над врагами для возмездия, и если ныне тебя постигло бедствие, то такова воля провидения, ибо один Аллах непобедим и вечен!»

Это событие и должно было стать источником легенды о пресвитере Иоанне.

Время и расстояние от Самарканда до Сирии искажали факт, придали реальному событию иную окраску, и добрая весть окрылила европейцев.

Возможно, Гуго несколько преувеличил дошедшие до Сирии слухи, стремясь усилить впечатление и подбить европейских королей и правителей на второй крестовый поход, который уже готовился, и можно представить, как желанен был в этой ситуации могучий союзник на Востоке!

Кем был Елюй Даши — тюрком или монголом? Исповедовал ли христианство? Откуда взялось в европейской хронике имя Иоанн?

Много проведено исследований, много высказано соображений, но вопросы эти пока что остаются без ответа.

Появление в XIII в. монгольских орд снова всполошило весь христианский мир и оживило легенду о пресвитере Иоанне, снова вздохнули с надеждой крестоносцы. Писали, что поход монголов возглавлял «царь Давид, именуемый попом Иоанном». А кое-кто считал царя Давида сыном пресвитера Иоанна. Действительность и фантазия причудливо переплелись.

Согласно европейской хронике тех времен, кардинал Пелагиус сообщал «из-за моря» папе римскому, с одной стороны, о готовности грузин принять участие в крестовом походе, а с другой — о поражении, которое нанесено султану «Персии» царем Давидом, прозванным попом Иоанном, и о завоевании им всей «Персии» (за двадцать четыре дня!). Кардинал заверял папу, будто могущественный христианский царь Давид находится уже в десяти днях пути от Багдада и спешит к Иерусалиму.

Упомянутая в этом сообщении «Персия» должна означать Хорезмийское государство, завоевание которого монголами вызвало на Западе, видимо, такой же резонанс, как лет сто назад поражение Санджара от каракитаев.

Откуда взялось имя царя Давида в легенде о пресвитере Иоанне? Можно допустить, что столетие спустя и грузинский царь Давид-Строитель обрел место в фантазии крестоносцев. Допустить можно, но дока-

зять не так-то просто. Не говоря уже обо всем другом, как понять тогда послание венгерского короля папе римскому, в котором говорится о вторжении в 1223 г. на русскую землю «царя Давида» и истреблении русских и половцев. Ясно, что здесь речь идет об известной битве на реке Калке.

Как видим, этот «царь Давид» похож скорее на Чингисхана.

Чингисхану и в голову не приходило освобождать Иерусалим, но в начале монгольского нашествия на какое-то время создавалось впечатление, будто монголы выступают именно против мусульман. Вот почему европейцам из их далека во главе монгольских орд мерещились потомки пресвитера Иоанна.

Страстная надежда на грядущий союз монголов с католической Европой против мусульманского мира вдохнула жизнь в эту мифическую версию.

Арабский историк Ибн ал-Асир пишет, что за короткий период два бедствия постигли мусульман: нашествие монголов с востока и крестоносцев с запада. Ибн ал-Асир обрушивает проклятия и на монголов и на крестоносцев, горестно сетуя: «Лучше было вовсе не родиться или отправиться на тот свет раньше, чем довелось увидеть все то, что вижу». Он приводит множество фактов неслыханной жестокости и варварства монголов.

Друг Ибн ал-Асира, видный ученый Якут, чудом ускользнувший от монголов, описывает цветущий Хорасан, уподобляя его раю, а затем рассказывает о том, что стало после нашествия: монголы разрушили дворцы, стерли их с лица земли, как строчки с листа бумаги, и по ночам в развалинах перекликались филины, а в пустынных залах стонал им в ответ самум. Сам дьявол оплакал бы эту страшную картину.

В 1236 г. монголы снова двинулись на запад. Правителей мусульманских стран охватила паника. Султан Рума предложил крестоносцам союз. Мусульмане ждали помощи от христианской Европы!

В 1238 г. в Европу прибыло посольство ордена асасинов. Глава этого ордена, державший в страхе и Восток и Запад, на этот раз просил помощи у королей Франции и Англии! Он предупреждал, что силы мусульман не смогут противостоять волне монгольских

людоедов: западным странам не миновать разрушения и гибели.

Как передает Мэтью Парижский, когда послы ассасинов предстали перед английским королем и обратились к нему с вышесказанным, винчестерский епископ взял в руки крест и возгласил: «Пусть эти псы едят друг друга и истребятся! А когда мы отправимся воевать против врагов Христовых, уничтожим оставшихся и очистим землю, дабы все народы подчинились одной церкви — католической — и имели одного пастыря».

Очень скоро и европейцам дано было узнать монголов, испытать ужас и смятение. Трудно проверить, так ли это, но хроники рассказывают, будто в Польше монголы набили в мешки двести тысяч ушей убитых как наглядное доказательство своих побед.

Монгольское нашествие представлялось скорее кактаклизмом слепых сил природы, чем событием из истории человечества.

В невероятно короткий срок пересекли они обширное пространство от Китая до Германии и всюду, где утверждались, устанавливали кровавый режим террора и насилия.

А легенды и иллюзии на их счет потеряли, конечно, всякое основание как в Европе, так и в Азии.

«Я ТВОЙ АССАСИН...»

Из грузинских источников хорошо известно, какую роковую роль сыграл Джелал ад-Дин в истории Грузии.

По всеобщему признанию, Джелал ад-Дин был талантливым военачальником и отважным воином. «Славный, знатный государь, не ведающий страха в бою» — так характеризует грузинский летописец лютого врага Грузии, принесшего ей столько бедствий.

Огнем и мечом прошлись монголы по родине Джелал ад-Дина — богатому и могущественному Хорезму. Молодой хорезмшах не примирился с судьбой и еще десять лет продолжал воевать с монголами — уже в Индии и в Иране, воевал самозабвенно, чиня им большой урон.

По словам английского ориенталиста Э. Брауна, в мрачную пору разгула орд Чингисхана, когда небо Ира-

на застлал дым от пылавших городов, а землю пропитала кровь его сыновей, Джелал ад-Дин сверкнул ярким, но бесполезным метеором.

Отважному хорезмшаху не хватило, к сожалению, дальновидности и рассудительности. Ослепленный мусульманским фанатизмом, он не нашел общего языка ни с христианами, ни с братьями по вере. Оторванный от разоренной монголами родной страны, гонимый судьбой беглец, он посягал на чужие короны, лишенный своего трона, и разорял чужие страны, оставляя всюду за собой кровавый след. В конце концов истаяло его войско и, хотя он ослабил противников, обессилел и сам.

Такой неблагоприятной политикой Джелал ад-Дин проторил дорогу своим неусыпным врагам — монголам: они легко овладевали опустошенными хорезмшахом землями.

В сочинении Жамтаагмцереги приведены слова Джелал ад-Дина, в которых лаконично определена программа его бессмысленной борьбы: «Нас одолели татары*, а мы одолеем другие народы». И действительно, сбитые с пути, растерянные хорезмийцы свою злость на монголов вымещали на персах, армянах и грузинах.

Было в Иране маленькое государство, которое со дня появления там Джелал ад-Дина и до самой его гибели стремилось обрести в беглом хорезмшахе союзника против монголов. Это — государство ассасинов с центром в известной уже читателю Аламутской крепости. Молва об ассасинах давно уже не сходила с уст людей и на Востоке и на Западе. Повелитель Аламута не мог похвастаться числом своих воинов — это верно, но он владел самыми неприступными крепостями в горах, откуда в ближние и дальние страны направлялись не знавшие страха фидаи совершать такие дерзкие убийства, что малочисленность ассасинов ничего не значила.

Ассасины с самого начала встретили монголов враждебно, поняв, что их свирепые полчища ничто не остановит — ни нож переодетого ассасина, ни скалы, ни крепости. С тех пор как пала империя сельджуков, у ассасинов не было более опасного врага, чем монголы. Му-

* В Грузии монголов называли татарами.

сульманский мир, раздробленный на мелкие княжества, примирился с существованием независимого государства ассасинов. Теперь нашествие монголов ставило под угрозу даже неприступный Аламут.

Это и определило благожелательное отношение ассасинов к Джелал ад-Дину, который считался самым ярким и достойным противником монголов. Однако хорезмийцы и тут замутили воду, и, если бы не выдержка ассасинов, разгорелась бы еще одна война между антимонгольскими силами.

Орхан в истории Грузии был довольно известной фигурой — один из военачальников хорезмийских войск, участвовавший в Гарнисской битве в 1225 г. Года через два, когда до хорезмийцев дошел слух, что грузины расправились с их отрядом, оставленным в Тбилиси, Орхана направили туда во главе пятитысячного войска. Он-то и оказался жертвой ассасинов, о чем повествуют секретарь-биограф Джелал ад-Дина Мухаммед Несеви и армянский историк Киракос Гандзакеци. Орхан разграбил владения ассасинов в Кухистане. Ассасины, не желая обострять отношения, обратились с жалобой к самому хорезмшаху. Тот почему-то переправил посла ассасинов к тому же Орхану.

Взбешенный жалобой ассасинов, Орхан предпочел угрозу переговорам, вытащил ножи, спрятанные в голенищах сапог, за пазухой, за кушаком, и заорал: «Видишь ножи?! Есть у нас и мечи, еще острее и смертоноснее, ничего вы с нами не поделаете!»

Посол вернулся назад ни с чем.

Став правителем Ганджи, Орхан не щадил не только христиан, но и мусульман. И без того ограбленное, разоренное население обложил непосильными поборами, но в Аламуте ему уже вынесли смертный приговор.

Три переодетых ассасина остановили Орхана на улице. Размахивая перед ним бумагой с жалобой, они громко твердили: «Требуем справедливости, требуем справедливости!» Орхан спросил, на кого они жалуются. Ассасины обступили его, выхватили ножи и мигом прикончили.

«Так погиб злодей от руки злодеев», — с удовлетворением заключает Киракос Гандзакеци. Если бы ассасины убили даже сто Орханов, и тогда не заслужили

бы одобрения народа, целое столетие терроризируемого ими и прекрасно осведомленного об их злодеяниях.

Убийцы Орхана, размахивая окровавленными ножами, пронеслись по улицам Ганджи, громко восславляя своего повелителя Ала ад-Дина. Приблизиться к ним никто не рискнул, издали пускали в них стрелы и в конце концов побили камнями.

Как сообщает Ибн ал-Асир, разъяренный Джелал ад-Дин напал на владения ассасинов и предал их огню.

И на этот раз ассасины мести предпочли дипломатию. Их посол прибыл для переговоров к везиру хорезмшаха.

Мухаммед Несеви пишет, что в один злополучный для посла ассасинов день, выпив сверх меры на пиру, он разоткровенничался и сказал везиру: «И в твоём войске скрываются наши люди, так ловко маскируются, что не отличишь их от своих».

Тогда везир стал умолять посла указать ему этих людей, обещая не наказывать. Посол призвал переодетых ассасинов. Один из них признался везиру: «Я мог убить тебя тогда-то и там-то, да тебя спасло то, что у меня не было приказа».

Везир, весь дрожа, сорвал с себя одежду и, полуголый, отчаянно воскликнул: «Почему? Из-за чего? Что нужно от меня вашему правителю? Что я такого совершил, что Ала ад-Дин жаждет моей крови? Я раб его, как и раб моего султана. Вот я в ваших руках, убейте, если хотите!»

О случившемся доложили Джелал ад-Дину. Легко представить себе его ярость. Он тут же повелел везиру бросить в огонь всех пятерых ассасинов. Везир вынужден был выполнить повеление хорезмшаха. Огонь не устрашил самоотверженных фанатиков, они до последнего вздоха славили своего повелителя.

И на этот раз возмездия со стороны ассасинов не последовало. Очередной посол, направленный к хорезмшаху, потребовал лишь денежного возмещения «урона». Жизнь пяти ассасинов обошлась хорезмийцам в 50 тысяч динаров.

Миновало время. Джелал ад-Дин воевал с монголами в Хорасане. К нему снова прибыл посол из Аламута в сопровождении девяти ассасинов. Они предлагали рассчитаться с его врагами.

Приближенные посоветовали хорезмшаху принять помощь ассасинов. Но Джелал ад-Дин не внял совету и заявил послу: «Вам не хуже других известно, кто наш враг и противник, а кто друг и союзник. Вам никто не мешает сделать то, что вы предлагаете сделать. Мне вам указывать незачем. Я не могу обязывать вас сделать подобное. Нам достаточно наших острых мечей и наших храбрых воинов».

Спустя некоторое время хорезмийцы ограбили торговый караван ассасинов и лишили жизни 60 караванщиков, оправдываясь тем, что, по их предположению, среди них находились монгольские соглядатаи. Ассасины не стали мстить хорезмийцам, а Джелал ад-Дин, со своей стороны, ограничился извинением перед аламутскими послами и вернул лишь малую толику награбленного добра.

Как видим, во всех случаях хорезмийцы вызывали конфликты, а ассасины, стараясь не портить отношения с Джелал ад-Дином, на смерть обрекли одного лишь Орхана. Даже в 1230 г., когда хорезмшах оказался в очень тяжелом положении, его посла, упомянутого выше Мухаммеда Несеви, приняли в Аламуте с подобающим почетом, а отправляя назад, преподнесли ему в дар четыреста овец.

«Проклятые мулиды», как называли ассасинов в мусульманском мире, оказались куда более мудрыми политиками, чем кровавый Джелал ад-Дин, который, изображая знаменосца ислама, в действительности делал все, чтобы раздробить и ослабить силы мусульман. В этом он действительно преуспел. Но дни его были сочтены. Однако монголы очень скоро навсегда покончили и с ассасинами.

* * *

В романе «Талисман» Вальтер Скотт рассказывает о том, как нанес оскорбление английскому знамени один из предводителей третьего крестового похода — итальянец Конрад Монферратский. Английский король Ричард Львиное Сердце готов был сразиться с Конрадом, однако ему помешали друзья, сказав, что не пристало венценосцу унижать себя поединком с простым маркизом. Тогда Ричарда выручил шотландский

рыцарь: он вызвал на бой Конрада и тяжело ранил его. Ричард Львиное Сердце сделал все возможное для спасения Конрада. Но тут неожиданно для всех в Конрада вонзил свой острый меч гроссмейстер ордена тамплиеров, один из участников замышлявшегося против Ричарда заговора, боявшийся, как бы обреченный на смерть маркиз во время причастия вместе со своими грехами не выложил и чужие.

Приведенный эпизод — плод творческой фантазии Вальтера Скотта. В действительности Конрада Монферратского убили ассасины. Два переодетых ассасина шесть месяцев жили среди крестоносцев и так правдоподобно изображали христианских монахов, что ни у кого не вызвали ни малейшего подозрения. Все доверяли им. Доверял и Конрад Монферратский. А ассасины с присущим им терпением выжидали удобного случая.

29 апреля 1192 г. на улице города Тира на Конрада напали два молодых человека в белом и ранили его ножами. Один ассасин тут же был убит, второй бежал и укрылся в церкви, куда через несколько минут внесли умиравшего Конрада. Ассасин выскочил из укрытия и нанес своей жертве удар, на этот раз смертельный.

Задание «горного старца», повелителя ассасинов, было выполнено.

Всех интересовал вопрос: подстрекал ли кто-нибудь повелителя ассасинов убить Конрада? Определенного ответа нет и по сей день. Особую остроту этому историческому детективу придает то, что подозрение в убийстве падает и на английского короля Ричарда Львиное Сердце, и на египетского султана Саладина — на две самые выдающиеся фигуры эпохи крестовых походов.

Примечательно, что арабские источники обвиняют Саладина, а европейские — Ричарда, что еще больше запутало тайну убийства.

По некоторым арабским источникам, Саладин преподнес повелителю ассасинов огромное количество золота, прося убить Ричарда и Конрада. «Горный старец» рассудил, что уничтожение обоих предводителей крестоносцев не в меру усилит египетского султана, который отнюдь не благоволил к ассасинам, и решил убрать одного Конрада.

Ибн ал-Асир отмечает, что версия, обвиняющая в убийстве Ричарда, имела хождение среди франков.

Имя английского короля было скомпрометировано ассасинами: убийца Конрада заявил на допросе, что за спиной «горного старца» стоял Ричард.

По мнению известного английского ориенталиста Б. Льюиса, если бы даже повелитель ассасинов действовал по чужой воле, весьма сомнительно, чтобы это стало известно фидаям — простым исполнителям его приказа. Б. Льюис полагает, что вместе с заданием фидаяу выдавалась «легенда», которую сочиняли, чтобы сбить противников с толку, посеять подозрение. А в данном случае почву под «легендой» укрепляло то, что Ричард Львиное Сердце и Конрад Монферратский были соперниками, и естественно напрашивался вывод: смерть Конрада выгодна именно Ричарду.

У «горного старца» была настолько дурная репутация на Западе, что, желая навлечь на человека подозрение в самом худшем, достаточно было увязать с ним имя повелителя ассасинов. То же самое наблюдалось и в мусульманском мире.

Сторонники Ричарда Львиное Сердце попытались рассеять подозрения в его виновности и распространили в Европе письмо «горного старца», в котором тот уверял правителей и народы христианских стран в непричастности Ричарда к убийству, утверждая, что он сам свел с Конрадом счеты. По сей день не установлено, подлинным ли было письмо или фальшивым.

Однако и ассасины не сумели помочь английскому королю: пересуды вокруг имени Ричарда приняли слишком большой размах. Столетием позже во Франции была написана историческая поэма, в которой рассказывалось, как готовил Ричард своих «ассасинов» из молодых англичан. Обвинение (или навет?) в убийстве Конрада по сию пору не снято с Ричарда. Вероятно, поэтому переименовал историческую действительность Вальтер Скотт — чтобы ничего не пятнало образ его любимого героя.

* * *

Нет ничего удивительного в том, что хронисты часто упоминают ассасинов, — странно то, что они вошли в поэзию трубадуров.

Трубадуры и ассасины! Что общего между ними, певцами земных утех и «ангелами смерти», как совместились лирический стих и наводящий ужас орден далекого мусульманского мира?

Поэзия трубадуров возникла в XI—XII вв. во Франции, в Провансе. На сегодняшний день известно около пятисот трубадуров. Среди них пять королей, множество феодалов, несколько духовных лиц, купцы, ремесленники, придворные.

Главная тема поэзии трубадуров — любовь. Знание «канонов» любви было обязательным для влюбленного, а тем более для трубадура, который сам складывал любовные стихи, сам сочинял мелодию к ним и сам же их исполнял.

Трубадуры считали, что любовь облагораживает и возвышает душу человека, наделяет влюбленного поэтическим даром. Не может быть поэтом тот, кто не влюблен, и, наоборот, влюбленный неизбежно становится поэтом.

Объект любви трубадуров — почти всегда дама, замужняя женщина: это отражает естественный протест человеческого чувства против аристократических браков, заключавшихся не по любви, а на основе имущественных или сословных интересов.

Трубадуры воспевали платоническую или безответную любовь.

В стихотворении одного из них читаем: «Я благословляю любовь, заставившую меня выбрать ту, что отвергает меня. Если бы в ее сердце зародилось ответное чувство, мне не суждено было бы лить слезы, я не ведал бы ни вздохов, ни печали, ни надежды, ни отчаяния, ни мольбы».

Идеальная любовь предполагала страдания и несуществимые мечты. Трубадуры поднимали возлюбленную на недостижимую взору высоту и молились ей, как божеству.

Подобное представление о любви породило в поэзии трубадуров гиперболические образы и чувства.

«Когда до меня долетает свежий ветерок из вашего края, то кажется — райский ветер ласкает меня», — с восторгом признается своей возлюбленной трубадур Бернарт де Вентадорн. Любовь заменяет ему все чувства, но прекрасная дама в знак расположения дарует

ему всего лишь улыбку да изредка, как высшую награду, поцелуй.

И в конце концов любовь трубадура принимает окраску вассального служения. «Я ваш подданный, моя повелительница! — восклицает Бернарт де Вентадорн, — я навеки посвятил себя служению вам и навеки связан этой клятвой... Я — ваша вещь, можете продать меня или подарить кому-нибудь».

От этих строк всего один шаг до появления в стихах образа ассасина, и он сделан несколькими трубадурами. Устанавливается невероятная с первого взгляда аналогия между лириками и убийцами.

Вот как обращается к своей возлюбленной трубадур Эмерик де Пегион: «У тебя больше власти надо мной, чем у „горного старца“ над ассасинами, за тридцать земель идущими убивать его заклятого врага».

Возлюбленная сравнивается с грозным повелителем ассасинов, а сам поэт — с ассасином!

У других можно прочесть примерно то же самое.

Бернар де Бондей: «Я буду служить моей любви без раздумий и колебаний, преданно, как служит своему повелителю ассасин».

Анонимный поэт обращается к даме сердца: «Я твой ассасин; надеюсь, что, выполняя твое повеление, заслужу место в раю».

Жиро де Борне: «Моя любовь — ассасин, безжалостно убивающий меня». Кстати сказать, эта строчка принадлежит поэту так называемого «ясного стиля». Были поэты и «темного стиля», украшавшие стихи туманными намеками, неясными метафорами и иносказаниями. И то, что поэт «ясного стиля» обращается к образу ассасина, показывает, как хорошо их знали европейцы.

Все эти стихи написаны на рубеже XII—XIII вв. Именно тогда ассасины приобрели особую известность в Европе, так как французский король публично заявил, что «горный старец» направил из Сирии ассасинов убить его (якобы по наущению Ричарда Львиное Сердце).

«Я твой ассасин!» — клялся поэт возлюбленной, и слушателю уже была очевидна сила и цена его любви. Более убедительной аналогии для выражения самоотверженной любви трубадура не смогли бы сыскать,

ведь слепая покорность ассасина «горному старцу» ни в какое сравнение не шла с вассальной службой рыцаря феодалу или королю.

Ассасин, по представлению европейцев, был фанатиком, опьяненным гашишем; трубадура же опьяняла любовь.

Так украсил провансальскую лирику восточный орнамент.

«Горный старец», наверное, и представления не имел о поэзии трубадуров, и ему даже во сне не приснилось бы, что его имя связывают с красивейшими женщинами Европы.

Примечательно, что с ассасинами и с трубадурами покончили почти одновременно: с ассасинами — монголы, а с трубадурами...

В 1209 г. коалиция северофранцузских баронов нацелила удар на Прованс — якобы для искоренения распространившейся там «ереси», для борьбы с «недопустимым безбожием», а в действительности для того, чтобы захватить плодородные земли. И пятидесятитысячное войско, ведомое неким Симоном де Монфор, вступило в Прованс.

Война длилась почти двадцать лет. Прованс захлебнулся в крови. Были разрушены города, сожжены замки — поэтические центры трубадуров. Победил Север. В Провансе утвердилась инквизиция, надолго подавившая всякое проявление свободной мысли.

Трубадуры бежали в Испанию и Италию. Их поэзию не смогли искоренить, но радостная песня влюбленного оборвалась почти всюду. Ее сменила политическая поэзия. Некоторые трубадуры перешли на сторону насильников, а один из них сам стал инквизитом и преследовал бывших собратьев.

Большая часть трубадуров восстала против фанатиков, грабителей, разоривших их родину — прекрасный Прованс. Гонимые трубадуры прозвали католическое духовенство «волками в овечьей шкуре».

Иная месть влюбленным поэтам была, конечно, недоступна — ведь единственным их оружием были стих и песня...

«И было жестокое сражение, в котором отважно бились грузины, удивив татар»,— пишет Жамтаагмцереги.

В битве 16 апреля 1277 г. между войсками египетского султана и ильхана* Ирана на стороне монголов сражалось три тысячи грузин. Египетский султан напал на врага неожиданно «на заре». Монголы были разбиты. Воины-грузины посчитали для себя позором бежать с поля брани и почти все полегли. «Несвойственно было грузину показывать врагу спину»,— сказано в этой летописи.

Безрассудная отвага грузин поразила даже монголов. Сами монголы потеряли семь тысяч человек. Когда Абага-хан (ильхан Ирана) оглядел поле битвы после страшного кровопролития, он пришел в такое смятение, что слезы выступили у него на глазах. В этом бою грузины разделили горечь поражения монголов, как разделяли радость победы при взятии Аламута и Багдада.

В Грузии в то время хозяйничали монголы. Народ продолжал оказывать им сопротивление, не прекращались восстания, но до освобождения из-под ига было еще далеко.

Для бесконечных войн монголам уже не хватало собственных сил, и они пополняли войска за счет завоеванных стран. И грузинам приходилось воевать вместе с ними. Одно их утешало: с помощью монголов они надеялись вернуть захваченные египетским султаном грузинские монастыри в Палестине. А мусульманский Египет был первейшим и злейшим врагом ильханов Ирана. Интересы грузин и монголов совпадали.

В борьбе с Египтом монголы искали союзников.

По сведению итальянского историка Дж. Соранцо, в том же, 1277 г. в Европу прибыли послы Абага-хана — братья Иоанн и Якоб («подданные татар, грузины по происхождению и христиане по вероисповеданию»,— отмечается в латинской хронике той поры).

Цель посольства — заключить военный союз между монголами и Западной Европой, организовать своего

* И л ь х а н ы — монгольские правители Ирана.

рода общий «крестовый поход» против мусульманского Египта. Два совершенно чуждых друг другу мира пытались найти общий язык, поскольку порознь не могли одолеть общего врага.

Монголы не были ни мусульманами, ни христианами, но их первому нашествию подверглись в основном мусульманские страны, и это породило большие надежды в христианском мире и создало почву для легенд и иллюзий. Короткий рейд монголов в сторону Западной Европы оказался первым и последним. Теперь они были далеко, и, поскольку не представляли прямой угрозы Англии или Франции, в Западной Европе к ним не испытывали больше страха.

А вот мусульманский Египет все больше земель отвоевывал у крестоносцев в Сирии — Палестине.

Патриархи Антиохии и Иерусалима настойчиво добивались помощи от папы римского. Папа, со своей стороны, призвал правителей Западной Европы к новому крестовому походу и одновременно направил посла в столицу монголов Каракорум, предлагая великому хану... перейти в католичество!

Мусульманские правители Сирии и Египта с тревогой следили за ходом событий, умоляя папу римского не доверять монголам, этим исчадиям ада, опустошившим мир, подобно чуме.

Тревога их естественна: уже обрисовались контуры антимусульманской коалиции.

В 1258 г. монголы во главе с Хулагу-ханом заняли Багдад. Во взятии Багдада принимали участие и грузины. Их вели царь Давид (сын Георгия-Лаша) и «вся грузинская знать».

Монголы посадили багдадского халифа, духовного повелителя мусульман, в мешок и растоптали копытами своих коней.

Столицу халифата залили кровью. «Порубили мечами несметное число людей», — пишет Жамтаагмцерели. По словам Рашид ад-Дина, монголы «предавали огню сырое и сухое». Однако багдадских христиан не убивали и не грабили. Христианам покровительствовала старшая жена Хулагу-хана, христианка-несторианка.

«И татары и грузины взяли добычу огромную», — читаем мы в сочинении Жамтаагмцерели. «Иные набивали ножны червонным золотом и затыкали их руко-

ятью меча, отломив лезвие, иные потрошили трупы багдадцев и тоже набивали их червонным золотом, драгоценными камнями и утаскивали за городские стены будто бы своих покойников».

В начале 1260 г. против мусульман выступили Хулагу-хан, царь киликийских армян Хетум и его зять Бозмунд, правитель Антиохии. Союзники взяли Алеппо и Дамаск, прошли через всю Сирию — Иорданию и подступили к Египту. Судьба Египта висела на волоске, но Хулагу-хана вызвали в Каракорум, и египетский султан Бейбарс (кыпчак по происхождению) разбил уже истаявшие в боях войска монголов. Затем он отвоевал Алеппо и Дамаск, а в 1268 г. завладел и Антиохией, где до основания разрушил церкви, истребил и взял в плен до 100 тысяч человек. Каждому воину досталось по пленному, и на невольничьих рынках упали цены. Юношей продавали по 12 дирхемов, девушек — по 5.

Одно из главных владений крестоносцев — Антиохийское княжество — закончило свое существование. Эта катастрофа встревожила как папу римского, так и ильхана Ирана Абага-хана. Между ними завязывается оживленная переписка.

В 1271 г. находившийся в Палестине наследник английского трона Эдуард отправляет к Абага-хану посла, предлагая совершить совместный поход против мамлюкского Египта. Однако у монголов не оказалось на этот раз достаточного войска. Правда, они перешли Евфрат и атаковали Алеппо, но султан Бейбарс тотчас двинулся против них из Дамаска, и монголы отступили.

Тогда папа римский направил посольство к Абага-хану, которого в Европе считали единственным союзником, могущим оказать эффективную помощь в борьбе с мусульманским Египтом, хотя военная сила монголов уже не была столь значительна, как при Хулагу-хане.

Со своей стороны, и ильханы Ирана мечтали прибавить к рукам Сирию — Палестину, но война с мамлюкскими султанами Египта, последними защитниками ислама, была крайне непопулярна среди мусульманских подданных ильханов. Вот почему ильханы должны были опираться на христианских союзников, в частности на крестоносцев, Киликийскую Армению и Грузию. Этим объясняется покровительство христианам Хулагу-хана и его наследников, особенно со стороны

его старшего сына — Абага-хана. Есть даже сведение, что Абага-хан был крещен в христианской церкви по настоянию своей жены Деспины, дочери византийского императора. Грузинский летописец говорит об Абага-хане: «Человек добрый, щедрый, сердечный, смиренный и справедливый, милостивый и милосердный к бедным...»

Осенью 1276 г. послы-грузины Иоанн и Якоб отвезли папе римскому ответ Абага-хана. Кроме того, послы уполномочены были устно сообщить папе о желании великого монгольского хана Кубилая направить в его государство миссионеров распространять христианство.

Иоанн и Якоб не случайно были выбраны послами: они хорошо знали европейские и восточные языки, а возможно, даже были католиками и потому более других подходили для поездки в католическую Европу.

Весной 1277 г. они прибыли к французскому королю. Их приняли с почестями и поместили в Сен-Денском монастыре. Иоанн и Якоб провели там несколько дней и приняли участие в пасхальных торжествах. Тогда-то все и убедились, что послы иранского ильхана — истинные христиане. Правда, французский летописец сомневается, «действительно были они послами или же шпионами».

Из Франции Иоанн и Якоб отправились в Англию.

В трудных условиях приходилось вести дипломатические переговоры грузинским послам Абага-хана. Позади остались большие крестовые походы, папа римский утратил былой авторитет. Королям Франции и Англии и у себя дома хватало дел и забот.

К тому же участие в последнем крестовом походе оставило у французского короля Филиппа III слишком горькие воспоминания: в Тунисе чума унесла его отца Людовика IX, сам Филипп еле пересек взбаламученное зимними штормами Средиземное море, жена его умерла, родив мертвого ребенка. Возвратившееся во Францию поредевшее войско напоминало траурную процессию. Филипп привез на родину тела отца, брата, жены и ребенка.

Безрадостными были и воспоминания английского короля Эдварда I о Палестине. Со своим малочисленным войском он предпринял там несколько бесплодных рейдов против мусульман (это был последний эпизод

восьмого крестового похода), пока наконец понял, что зря терял время. А когда решил возвратиться в Англию, на него в собственном шатре напал подосланный египетским султаном ассасин и тяжело ранил. Кинжал был отравлен, и от верной смерти будущего короля Англии спасла супруга Элеонора, высосав из раны яд.

А монголы надеялись именно на него. Абага-хан через своих послов выражал сожаление, что из-за пассивности монголов поход Эдуарда I в Палестину закончился неудачей, и предлагал вновь объединиться для захвата Иерусалима.

Но призыв послов Абага-хана не нашел реального отклика в Англии. Эдуард, так же как и Филипп, горячо ратовал за освобождение Иерусалима, но слова оставались словами. Грузинские послы осмотрели Париж и Лондон, после чего уехали в Рим и оттуда письма папы отвезли Абага-хану.

Года через два Абага-хан умер. Умер внезапно: почувствовав себя плохо во время пира, он вышел в сад на свежий воздух и вдруг закричал, что над ним кружится огромная черная птица. Он позвал слуг, приказал пустить стрелы в эту страшную птицу. Ошалелые слуги готовы были выполнить повеление, но никакой птицы вокруг не было. Они все еще пытались найти невидимую птицу, когда Абага-хан рухнул без чувств и больше не очнулся.

...В 1291 г. крестоносцы сдали последнюю твердыню на «святой земле». Так завершилась история крестовых походов, длившаяся почти два столетия. Вскоре на землях Сирии — Палестины не осталось ни одного крестоносца. Мамлюкский Египет торжествовал победу.

Дипломатические отношения монголов с Западной Европой закончились тем, что Эдуард I отправил сыну и наследнику Абага-хана Аргун-хану в дар соколов, а тот подарил английскому королю леопарда.

Дальнейшая судьба Иоанна и Якоба неизвестна.

ДЭМЕТРЕ ТБИЛЕЛИ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Все было непривычным и необычным в чужом краю: и природа, и люди, и их нравы. Грузин Дэмэтре Тбилели оторопело наблюдал за тем, как обходились здесь с

усопшим: покойника не сожгли и не предали земле, а с праздничным шумом вынесли на голую равнину, бросили там на растерзание хищным зверям и птицам. А сами возвратились домой, словно ничего особенного и не случилось...

Путешественники прошли Иран и добрались до Индии. «В этой стране,— писал об Индии Одорико Порденоне,— живут язычники, поклоняются они огню, змеям и деревьям; правят же всем сарацины, которые покорили эту землю силой оружия».

Из Индии путешественники намеревались отправиться в Китай. Впереди была длинная дорога — их ждали новые страны и народы, много неведомого и диковинного.

О личности Дэметре Тбилели и его судьбе ничего не найти в грузинских источниках, но о нем рассказывают европейские путешественники Одорико Порденоне и Журден де Северак. Сочинения их пользовались в средневековой Европе огромной популярностью, их размножали, переписывали не только на языке оригинала — латинском, но и в переводах на итальянский и французский. Ими зачитывались так же, как «Божественной комедией» Данте и «Декамероном» Боккаччо.

Кстати сказать, Журден де Северак побывал и в Грузии. Он пишет, что «Георгия» во всех отношениях похожа на его страну, все люди там веры Христовой, отважные, смелые.

В 1320 г. на юг Ирана, в Ормуз, вместе с Журденом приехали францисканские миссионеры Томазо Толентино, Джакомо из Падуи, Пьетро из Сиены, Дэметре Тбилели (т. е. тбилисский), грузин, сведущий в языках, как отмечает сам Журден.

Кем были эти францисканские миссионеры, что искали они в Индии, в Китае, как оказался среди них грузин?

Орден францисканцев возник в 1223 г. Его основатель, Франциск Ассизский, по всеобщему признанию, был восторженным мечтателем, человеком бескорыстным и благородным. Единственное дошедшее до нас стихотворение Франциска считается украшением итальянской поэзии. В нем он называет своими братьями и сестрами солнце и луну, ветер и звезды, жизнь и смерть. Франциск призывал к отказу от мирских со-

блазнов, проповедовал братство, дружбу между людьми. Он искренне верил, что, если волки в человеческих шкурах станут внимать и следовать слову божьему, они тотчас обратятся в невинных агнцев и откажутся от своих добытых несправедливым путем богатств.

Сын богатого купца, Франциск Ассизский сознательно жил в страшной бедности. Нищета была для него символом свободы. Его называли «вторым Христом», что отражено на страницах «Божественной комедии» Данте. Как говорит гениальный итальянский поэт, Франциск женился на «госпоже нищете», которую одиннадцать столетий назад лишили супруга (т. е. Иисуса Христа) и которой не суждена была любовь до появления Франциска. Поэт описал и то, как проповедовал Франциск христианскую веру «перед лицом надменного султана». Известен такой эпизод из его жизни: когда в 1219 г. крестоносцы осаждали Дамьетту, Франциск Ассизский явился к египетскому султану ал-Камилу. Его приняли за посла крестоносцев и оказали должные почести, но когда гость стал разоблачать «заблуждения» мусульман, его чуть не прикончили. Спасло его лишь великодушие самого «надменного султана», который терпеливо выслушал проповедь Франциска и дал ему возможность вернуться в лагерь крестоносцев.

Для римской церкви идеи Франциска были опаснее и страшнее чумы, ведь он отвергал любое богатство, следовательно, и богатство самой церкви. Несмотря на это, папа римский все же разрешил Франциску проповедь, но при этом держал его под неусыпным наблюдением. Некоторое время спустя возник орден францисканцев, который после смерти Франциска римская церковь взяла под свой контроль. Однако среди миссионеров еще долго жили заветы Франциска — любить его «госпожу нищету». Последователи Франциска кроме нищеты почитали свободу, из-за чего часто навлекали на себя недовольство папы.

Томазо Толентино, немолодой спутник Дэматре Тбилели, принадлежал к так называемому спиритуалистическому течению, строго следовавшему заповеди жить в абсолютной бедности, заповеди, направленной против высших слоев францисканского ордена. Спиритуалы подрывали авторитет папы римского, и мятежных чле-

нов ордена подвергли суровым карам, после чего большая часть их покаялась в грехе. Только четверо не смирились и не отступили. Среди них был и Томазо Толентино. Строптивых монахов упрятали в глухих монастырях Апеннинских гор, а через 12 лет выслали в Киликию. Армянский царь Киликии радушно принял монахов и сам вступил в орден францисканцев. Но римская церковь не прекращала гонений на спиритуалов. Толентино и его единомышленников бесконечно допрашивали. Инквизиция выдвинула против них новое обвинение — связь с вождем народного восстания в Ломбардии. В конце концов Толентино отправился в путешествие на Восток, но и там находился под слежкой ордена и агентов папы.

Францисканский орден с самого начала получил монополию на распространение христианства в странах Востока. В католических монастырях Сирии — Палестины очень серьезно относились к подготовке миссионеров, тщательно обучали их восточным языкам, знакомили с религиями Востока, учили ездить верхом и владеть оружием. Их направляли послами к монгольским ханам, египетским султанам, багдадским халифам, эмирам мусульманской Сирии. К францисканскому ордену принадлежали Плапо Карпини, легат римского папы при монголах, и Гильом де Рубрук, посол французского короля к монголам. Их сочинения для историков — весьма ценные, интересные источники.

Биографы Одорико Порденоне утверждают, что он крестил двадцать тысяч сарацинов. Исследователи считают эту цифру плодом досужей фантазии — в сочинениях самого Одорико на это нет и намека. Из его рассказа явствует, что он куда больше был увлечен путешествием и описанием неведомых стран, чем проповедью христианской веры. (Примечательно, что Одорико первым из европейцев побывал в Тибете, куда вплоть до XX столетия европейцам вообще не было доступа.)

В Грузии миссионеры-католики появились в 30-х годах XIII в. Царица Русудан просила помощи у папы римского, чтобы освободить страну от монголов, а из Рима вместо воинов присылали монахов, видя в монголах скорее союзника в борьбе против мусульман, чем врага. Они основали в Тбилиси монастырь. Учили

грузинский язык, познакомились с культурой, способствовали установлению контактов Грузии с Западной Европой.

Дэметре, судя по всему, еще в Тбилиси перешел в католичество, а позже в качестве переводчика сопровождал отправившихся дальше на Восток монахов-францисканцев.

Из Ормуза путешественники направились в Китай, но ураган отнес их корабль в другую сторону, и им пришлось высадиться в индийском городе Тхане.

Одорико пишет, что город расположен удачно. В изобилии имелись хлеб и вино. Миссионеры остановились в доме одного христианина (их в городе было немного), дожидаясь того часа, когда можно будет продолжить путь. Но случай изменил их судьбу.

Однажды хозяин дома стал бранить жену, а потом хорошенько поколотил ее. Наутро женщина побежала к кадию жаловаться, а тот потребовал привести свидетеля. Женщина без колебаний назвала своих постояльцев. Их срочно потребовали к кадию.

Как передают Одорико и Журден, между миссионерами и мусульманским судьей разгорелся религиозный спор. Миссионеры бесстрашно отстаивали свою веру. Кадий раскричался и спросил: «А о пророке Мухаммеде что вы скажете?!» Путешественники попытались уйти от ответа, но кадий не унимался. Деваться было некуда, и Томазо Толентино, отбросив дипломатию, коротко отрезал, что Мухаммед — отродье дьявола и место ему вместе со всеми мусульманами в аду.

Богословский диспут на этом закончился. Миссионеров связали и бросили на городской площади под палящим солнцем. Они молились и стойко переносили ниспосланное им испытание. Затем по приказу кадия и с согласия мелика (правителя города) развели костер и публично сожгли «неверных». Произошло это 9 апреля 1321 г. в городе Тхане, которым за несколько лет до появления там миссионеров завладел мусульманский султан Дели, чем и объясняется трагедия с францисканцами: мусульманские правители относились к христианам более жестоко и нетерпимо, чем индуистские.

Одорико и Журден, как истинные сыновья своей эпохи, пространно описывают «чудо», якобы совершенное миссионерами, уверяя, будто бы те живыми и невреди-

мыми вышли из огня, после чего им отрубили головы за стенами города, а ночью мученики-миссионеры, размахивая сверкающими мечами, явились мелику во сне. Мелик завopil и пронулся. Но явь оказалась страшнее сна. Мелика призвал к себе делийский султан и спросил, почему он так жестоко покарал миссионеров. Мелик ответил: «Я казнил их за то, что они пытались погрязнуть нашу веру и бранили посланника Аллаха». Султан гневно сказал: «Злобная собака, ты же видел, что господь невредимыми вывел их из огня, как же ты осмелился преступить его волю?» И мелика по приказу султана изрубили на куски. Узнав об этом, кадий спасся бегством, скрылся за пределами султанских владений.

Для нас, конечно, несущественно, какая версия гибели миссионеров соответствует истине: сожгли ли их на городской площади, или же им отрубили головы за стенами города после их «чудесного» спасения. А Одорико и Журден расправились в своих сочинениях с меликом Тханы и кадием. Сочинили небылицу, утоляя жажду мщения и надеясь, что церковь причислит миссионеров к лику святых.

Когда Журден де Северак прибыл в Тхану, там еще не улеглись страсти, вызванные ужасной кончиной Дэметре Тбилели и его спутников-итальянцев, поэтому и сам Журден был на волоске от гибели. «Остался я в этом городе один-одинешенек,— рассказывает он,— и два с половиной года скитался по близлежащим краям, но так и не сподобился мученического венца».

Миссионер угодил сначала к пиратам, где перенес тяжкие страдания, потом мусульмане бросили его в темницу. «Надо мной измывались, меня проклинали, поносили, я жил все это время как последний бродяга-нищий, носил лохмотья».

Вслед за ним в Тхану вскоре приехал и Одорико Порденоне. Он откопал кости погибших собратьев, завернул в дорогую ткань и увез с собой.

После многих приключений Журден и Одорико благополучно возвратились на родину: Журден — в 1329 г., а Одорико — в 1330-м.

Так в далекой Индии нашел свой конец грузинский путешественник Дэметре Тбилели.

Если бы его жизнь не оборвалась так внезапно, то

и он повидал бы Индию, Китай, Цейлон и Суматру, а вернувшись на родину, в родную Грузию, вспоминал бы виденное и слышанное в сказочных краях, изложил бы на бумаге свои впечатления и книга его достойно заняла бы место рядом с книгами Одорико Порденоне и Журдена де Северака, которые и ныне вызывают неослабный интерес исследователей и читателей.

ЧЕТЫРЕ ЧУДА

Известный грузинский историк Вахушти Багратиони пишет: «А был тот шейх в Ардебиле во времена Тимура, и поведали о его диковинных делах Тимуру, и прибыл Тимур взглянуть на него. И сотворил тот шейх четыре дьявольских чуда, поразился Тимур и молвил: проси, одарю чем пожелаешь».

О каком шейхе, «слуге дьявола», идет речь и какими чудесами поразил он Тамерлана так, что тот, потрясенный, отдал ему в вечное владение Ардебиль?

Немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий говорит в своей книге «Подробное описание голыштинского посольства в Московию и Персию»:

Когда шейх Сефи прославился на весь Восток своим учением и святостью, его пожелал увидеть Тимур. Он тайно загадал три желанья, дабы испытать, действительно ли Сефи святой и истинно ли его учение. Задумал Тимур следующее: первое — Сефи не должен был выйти ему навстречу, второе — плов, которым его угостит шейх, следовало приготовить не на овечьем молоке, а на молоке дикой козы, третье — яд, который поднесет он шейху, не должен отравить его.

Решив подвергнуть шейха Сефи такой суровой проверке, Тимур тронулся в путь. Когда он приблизился к жилищу шейха, тот не вышел встречать гостя. Тимур открыл дверь, переступил порог. Сефи встал и сказал: «Перед государем следует встать, извини, что не вышел встретить тебя, но ты сам пожелал этого для испытания». Первый экзамен был сдан.

Сефи усадил Тимура против распахнутой двери, чтобы тот мог видеть, как дикие козы несутся из пустыни к его дому, словно подгоняемые неведомой силой. Перед домом козы покорно остановились, чтобы

их подоили. Успешно выдержал шейх-телепат и второй экзамен.

Оставалось самое сложное, а главное, самое опасное испытание. Сефи беспечно заметил Тимуру, что теперь надо лишь выпить яд. Он надел белую рубашу, принял яд и закружился в пляске, стараясь хорошенько пропотеть. Наконец, устав, он снял с себя рубашу, выжал в чашу позеленевший от яда пот и обратился к Тимуру: «Вот твой яд, он не причинил мне никакого вреда...»

Такие чудеса не только Тимура, самого дьявола изумили бы. Тимур уверовал в учение Сефи и пожаловал ему город Ардебиль с окрестными деревнями, а кроме того, несколько сот пленных турок в придачу, чтобы шейх обратил их в свою веру.

Адам Олеарий слышал эту историю от персидских ученых людей и отнесся к ней с сомнением. Он говорит, что персы рассказывают о чудесах, которые будто бы совершил шейх Сефи, желая приписать ему нечто божественное.

Скептицизм немецкого ученого вполне обоснован. Можно сквозь пальцы смотреть на возможность совершения подобных чудес, но сама встреча Тимура с шейхом Сефи (Сефи ад-Дином) — сущая небылица: шейх скончался в 1334 г., за два года до рождения Тимура (1336).

Как знать, может быть, Вахушти Багратиони считал четвертым чудом воскресение Сефи из мертвых и его встречу с Тимуром — сам Сефи совершил ведь три...

Сефи ад-Дин был действительно примечательной личностью, и это подтверждается не легендами, а его современником, известным государственным деятелем и историком Рашид ад-Дином.

В одном из писем к Сефи Рашид ад-Дин уведомляет, что он ежегодно будет преподносить ему пшеницу, вино, масло, сахар, мед и прочее, чтобы шейх мог подобающим образом принимать ардебильскую знать в день рождения пророка Мухаммеда, и просит его лишь об одном: в конце праздника читать хутбу на имя своего благодетеля.

Сохранилось еще одно письмо, в котором Рашид ад-Дин советует своему сыну, правителю Ардебилля, уважительно относиться ко всем горожанам, и особенно к

шейху Сефи ад-Дину, «столпу истины и кусту розы в саду преданности», дабы угодить его святейшеству и заслужить его благоволение и благодарность. Как видим, шейх Сефи пользовался почетом у своих современников.

Интересно отметить, что дед Сефи, Котб ад-Дин, едва не отправился на тот свет от грузинского меча. В начале XIII в. султан Ардебиля варварски разорил и опустошил город Ани. «Двенадцать тысяч человек, словно овец, прирезали в церквах». Царица Тамар тут же направила в Ардебиль свое войско.

Дед шейха Котб ад-Дин, оказывается, бежал со всей семьей от «неверных», вступивших на мусульманскую землю, и укрылся в Ардебиле. Однако, на его беду, и враг направлялся туда же.

Беженец со своими домочадцами спрятался в подвале одного дома. К вечеру он выбрался на улицу узнать, что там творится. Грузины еще были в городе. Какой-то воин ударил Котб ад-Дина мечом по шее и тяжело ранил, но тот чудом выжил.

Внуку этого Котб ад-Дина наследовал Садр ад-Дин. Ему тоже приписывают множество чудес. Он-то и был, кстати, современником Тамерлана, и правдоподобнее предполагать, что именно он совершил «четыре чуда», а не шейх Сефи. Садр ад-Дин вернул самой большой мечети города Ардебиля ее двери, увезенные грузинами в качестве трофея, и это, пожалуй, самое значительное из его «чудесных дел».

Короче говоря, «чудотворство» было у них в роду!

Небольшое феодальное владение ардебильских Сефевидов в течение XV столетия все разрасталось, пока не превратилось в государство Сефевидов. В создании этого государства активно участвовало семь кызылбашских племен, вышедших из Малой и Средней Азии. На языке тюрков «кызылбаш» значит «красноголовый». Кызылбашы были шиитами и носили красные тюрбаны с двенадцатью складками в знак почитания двенадцати имамов (четвертого халифа Али и его потомков). Сначала красные тюрбаны носили лишь сефевидские духовные лица из рода Сефевидов, а затем они стали отличительным признаком всех воинов-кызылбашей.

Надо подчеркнуть, что кызылбашское государство

не было национальным государством персов. Адам Олеарий говорит, что при дворе Сефевидов был принят турецкий язык, персидская речь слышалась редко.

Известный французский путешественник Жан Шарден пишет, что в сефевидском Иране имели распространение три языка: арабский — язык богословов и ученых, персидский — язык поэтов, любителей изящного слога, и простого люда, т. е. персов, и турецкий — язык придворных и военных. Слова Жана Шардена требуют уточнения.

По наблюдениям другого французского путешественника — Жана Тевено, турецкий язык сефевидского двора настолько отличался от турецкого Османской Турции, что по праву мог считаться другим языком. То же самое имел в виду Сулхан-Саба Орбелиани, выдающийся грузинский лексикограф и дипломат, когда во время своего пребывания в Европе говорил, что знает «кызылбашский татарский язык». «Татарским» в Грузии, как известно, называли турецкий, а также любой язык тюркской группы. Сочетание «кызылбашский татарский» очень метко определяет язык, принятый при дворе Сефевидов, — один из тюркских языков.

Первым сефевидским шахом Ирана был шах Исмаил (1501—1524). По описаниям итальянских путешественников он был очень красив и привлекателен, словно женщина, но при этом статным, крепким, отважным воином и несравненным стрелком из лука. Вместе с тем, по их же словам, «со времен Нерона, кажется, не было такого кровожадного тирана».

Шах Исмаил объявил государственной религией шиизм. И с тех пор шиитский Иран оказался противопоставленным суннитской Турции. С самого начала XVI в. разгорается война между Ираном и Турцией, которая с короткими перерывами длится почти полтора столетия. И чаще всего ареной их войны было Закавказье.

А началось-то все с каких-то трех-четырёх чудес и безобидного кружения-пляски шейха Сефи, положившего основу династии Сефевидов, которая принесла неисчислимые бедствия соседним странам, и в том числе Грузии.

«Отвернулся бог от Константина, и убил он и отца и брата» — так начинается грузинский историк XVII в. Парсадан Горгиджанидзе эпизод, в котором описывает преступление царевича Константина и возмездие за него, — одну из самых драматических страниц грузинской истории.

О преступлении Константина рассказывают как грузинские, так и иностранные источники, но особую ценность имеют свидетельства находившихся тогда в Кахети русских послов М. Татищева и А. Иванова.

В начале мая 1604 г. Борис Годунов направил в Грузию посольство. В конце июня, будучи в Астрахани, послы впервые услышали о предполагавшемся преступлении. По словам русских послов, начальнику Астраханской крепости сообщали из Дагестана, будто бы шах Аббас отправил в Кахети Константина-мирзу, повелев убить царя Александра. И якобы Константин, верный шаху, выполнил его поручение — собственноручно убил своего отца, после чего кызылбаши объявили его царем Кахети.

Ничего подобного в 1604 г. не происходило. Константин действительно убьет своего отца и займет кахетинский престол, но это случится в марте 1605 г., и русские послы станут очевидцами этого страшного события. До ужасной трагедии еще девять месяцев, а за пределами Грузии распространялся о ней слух как об уже случившейся.

Возможно, в Исфахане еще не было плана убийства царя Александра и замысел его только вызревал в душе шаха, но слух, достигший Астрахани, точь-в-точь соответствовал трагедии, которая разыгралась спустя девять месяцев.

Вскоре русские послы выяснили, что в апреле 1604 г. Александр с шеститысячным войском прибыл к шаху Аббасу, осадившему Эреван (шла ирано-турецкая война). Большую часть кахетинского войска шах отправил обратно в Кахети, повелев остаться лишь Александру и сопровождавшим его князьям и дворянам.

Так было в действительности. Однако слух, дошедший до русских послов, куда более точно отражал сложившиеся взаимоотношения иранского шаха и кахе-

тинского царя: ненависть одного и недоверие к нему второго, прикрываемые притворной дружбой и любовью.

За что же возненавидел шах царя Александра?

Прежде всего за то, что правитель Кахети русскую ориентацию явно предпочитал иранской. Еще в 1587 г. Александр со своими сыновьями и знатью поклялся в верности русскому царю. Кроме того, царь Кахети на протяжении многих лет ухитрялся держаться в стороне от ирано-турецких конфликтов. Он заверял Османскую Турцию в своей покорности, но глядел при этом вперед: заботясь о будущем, отправил своего малолетнего сына Константина заложником ко двору шаха Аббаса. Персидский историк Искандер Мунши отмечает, что царь Александр «был матерым волком по хитрости и изворотливости».

Атмосфера была тревожной. Слухи, оказавшиеся ложными в 1604 г., с ошеломляющей точностью оправдались через год.

Это не было предсказанием, которое, сбывшись в одном случае из ста, повергает всех в изумление. Это было лишь предчувствием, подсказанным всем ходом событий.

В сентябре 1604 г. Татищев и Иванов уже находились в Кахети и дожидались царя Александра.

Кахетинским царством правил наследник престола сын Александра царевич Георгий. Он попросил послов выделить из их охраны небольшой отряд, чтобы припугнуть турок, делавших набеги из Ганджи на Кахети. Послы предоставили в его распоряжение сорок стрельцов. 7 октября царевич выступил против турецкого отряда. Схватка произошла в одном дне пути от Загема. Османы разбежались при первом же ружейном залпе. Грузины преследовали их, многих взяли в плен и освободили соотечественников из османского плена.

1 января 1605 г. царевич Георгий пригласил русских послов в свою резиденцию и присягнул в верности русскому царю. Церемония происходила втайне, чтобы не подвергать опасности жизнь царя Александра, находившегося у шаха Аббаса.

Царевич Георгий заявил тогда послам, что будет хорошо, если русское правительство возведет в Кахети укрепления и будет держать там своих «ратных лю-

дей». По его мнению, даже небольшое войско заставило бы призадуматься и персов и турок. Он обещал содержание русских отрядов взять на себя, снабжать их припасами и пропитанием, уверяя, что в Кахети много хлеба и вина, стадам и отарам нет числа, шелк вывозится на продажу в другие страны, а таких скакунов, как в Кахети, нигде больше не сыщешь. Царевич объяснял послам, что именно на богатство Грузии зарились иранские и турецкие правители, из-за него стремились они завладеть страной и грузинским царям приходится вести бесконечные войны или заключать мир и выплачивать дань. Царевич Георгий говорил, что русский царь не должен позволять неверным разорять Грузию, разрушать христианские храмы.

Одним словом, наследник кахетинского трона показал себя таким же преданным единой России, как и царь Александр. Но как бы тайно ни велись переговоры с русскими послами, о них наверняка стало известно шаху Аббасу: за каждой стеной царского дворца таился соглядатай. Правитель Ирана с подозрением следил за русско-грузинскими отношениями.

Шах Аббас разрешил наконец царю Александру вернуться к себе в Кахети и отправил с ним четырех кызылбашских ханов с войском, а также царевича Константина. Кызылбашские ханы должны были проводить царя Александра до границы с Кахети, а затем идти походом на Ганджу, которая оставалась еще в руках у турок. Константину же надлежало собрать в Кахети войско и отправиться завоевывать Шемаху. Такова была официальная версия.

8 марта 1605 г. царь Александр прибыл в Загем. Кызылбашаи раскинули лагерь на границе с Кахети, неподалеку от реки Иори.

По Кахети прошел слух, будто шах Аббас велел Константину обманом схватить царевича Георгия и убить его. Послы сообщили наследнику о слухах, советуя быть начеку, не приближаться к кызылбашам даже на ружейный выстрел. Но царевич отнесся к предостережению равнодушно, сказав, что хорошо знает кызылбашей и нисколько их не боится.

Георгий распустил свое войско и отправился в Загем. Вскоре и русские послы направились туда же. Переговоры должны были начаться 12 марта, но перед

самой встречей к Татищеву явились посланцы царя Александра и сообщили: «Рано утром к царю пришел царевич Константин, а вместе с ним, незваными, кызылбашские ханы в сопровождении войска. Не знаем, что они замыслили, что у них на уме. Расположились они в том самом шатре, где царь Александр намеревался принять Ваше посольство. У нас нет возможности изгнать непрошенных гостей, да и не осмеливаемся. Если соизволите отправиться туда, дабы сказать несколько слов в их присутствии, а потом позавтракать вместе с царем, то извольте последовать с нами, а если не угодно идти сейчас, то придется отложить встречу на завтра».

Вдруг послышались выстрелы, крики — кричали, что кызылбаши напали на грузин...

Послы тотчас отправили переводчика Каменева к царевичу Константину передать от их имени, чтобы он не допускал кровопролития. Но было уже поздно.

Константин заявил Каменеву: «За наши грехи покарало нас провидение. Отца моего Александра и брата моего Георгия больше нет. Случившегося ничем не исправишь. Такова, видно, была их судьба».

По словам Каменева, перед Константином стоял кызылбаш с отрубленной головой царя Кахети в руках. Вместе с царем и царевичем были убиты епископ Марткоби и его брат, а также несколько князей и дворян.

Каменев рассказал послам, что сын царевича Георгия, отрок Иэсе, пал в ноги Константину и, плача, умолял не убивать его. А главное, о чем сообщил Каменев: кызылбаши объявили царем Кахети Константина.

Рассказ послов дополняет персидский историк Искандер Мунши. По его словам, Константин направился в Кахети вместе с ширванскими эмирами собрать там войско, чтобы идти походом на Ширван и отвоевать его у османов. А царь Кахети Александр намеренно тянул время. Царевич же Георгий не желал, чтобы в соседней с Кахети провинции обосновался его омусульманившийся брат. Кызылбашским эмирам стало ясно, что Александр и Георгий выжидают: кто победит в иранотурецкой войне, того и поддержат.

Персидский историк так описывает эти события: Константин явился к отцу вместе с кызылбашскими ха-

нами, призвал туда своего брата и стал кричать на них, требуя похода на Ширван. Александр под каким-то предлогом оставил Константина и направился к себе. Георгий тоже покинул брата. Константин не стерпел оскорбления, последовал за Георгием и начал бранить его. Тот остановился и ответил ему. Тогда Константин «вытащил проливающий кровь меч из ножен мести», ударил и в мгновение ока обезглавил Георгия. После этого вместе с кызылбашами он бросился к отцу и заговорил с ним по-грузински. Царь Александр стал отчитывать сына, а узнав, что Георгий убит, поднял крик, призывая грузинских князей, но кызылбаша прикончили и его...

Далеко было первому убийце из рода человеческого до Константина! Один грузинский хронист замечает: Каин одного только брата убил, а Константин — и брата и отца.

Ужас охватил население Кахети.

По приказу Константина царя Александра и царевича Георгия похоронили в Алавердском храме, а их отрубленные головы убийца отослал в дар шаху, своему воспитателю и наставнику. Немного позже Константин гордо заявит русским послам: «Я слуга шаха, а шах в своих письмах называет меня своим сыном».

В беседе с русскими послами он пытается оправдать себя, говоря, что и он, подобно своим дедам-прадедам, исповедовал христианскую веру и не по своей воле омусульманился, что отец семи лет отправил его заложником к шаху в Иран, где его воспитали в «басурманской вере», и бог спросит за это с отца, воздаст ему.

Татищев и Иванов всячески старались выяснить, был ли замешан шах Аббас в трагедии, разыгравшейся 12 марта.

Константин уверял послов, что царевич Георгий обманывал и шаха, и великого государя России: женатый на дочери турецкого паша, он вел тайную переписку с турецким военачальником, намереваясь отдать Грузию Османской империи, а Александр, его отец, не давал войска для похода на Ширван. И оба они якобы замыслили убить его, а он опередил их.

Всю вину за оба убийства Константин брал на себя, чтобы тень подозрения не пала на шаха Аббаса,

оберегая имя и авторитет наставника. Такое же рвение проявляет Искандер Мунши, пытаясь представить своего повелителя благородным и безупречным.

Если верить персидскому историку, шах Аббас был недоволен поступком Константина, считая, что «если убийство старого отца и можно было бы оправдать по соображениям веры, то оно все равно не может быть одобрено ни богом, ни людьми».

И историк тут же добавляет, что шах пожаловал Константину Ширван и не отдал Кахети, его якобы Константин пытался занять самовольно.

А вот что говорят грузинские историки Бери Эгнатшвили, Вахушти Багратиони и Парсадан Горгиджанидзе о том, какими словами напутствовал шах Константина:

«Иди и убей отца своего и брата своего и владей Кахети».

«Иди и убей обоих, и владей Кахети, и насаждай там ислам».

«Я очень сердит на твоего отца, захвати Ширван, убей отца, и я пожалую тебе Кахети».

Последнее свидетельство особенно интересно: оно принадлежит грузинскому историку, преданному сефевидскому государству.

Как утверждал армянский историк Аракел Даврижеци, шах Аббас сказал царевичу Константину: «Возьми с собой сколько нужно воинов из нашего войска — я предоставляю их тебе — и возвращайся к себе на родину, найди способ убить отца своего Александра и брата Георгия, с тем чтобы воцариться вместо отца своего и править царством отцов своих. Но пока как при наших, так и там, среди грузин, не говори о причине отъезда: мол, еду на родину, чтобы там остаться, а отговаривайся следующей мнимой причиной и тверди каждому: посылает меня шах с этим войском в поход на Шемаху, чтобы занять ее».

Итак, грузинские и армянские источники сходятся на том, что виновником трагедии 12 марта был шах Аббас. Константин же лишь слепое орудие в его руках. Омусульманенный царевич превосходно исполнил постыдную роль убийцы отца и брата.

Татищев и Иванов продолжали доискиваться до истины. В конце концов им удалось найти очевидца этого

кровавого события. Напив одного из кызылбашей, сопровождавших Константина, некоего Махмад-бега, они разузнали все доподлинно и подробно. Когда послы спросили его, действительно ли по приказу шаха Константин убил отца и брата, Махмад-бег изумленно воскликнул: «Да разве может сын убить отца и занять его трон без ведома шаха? Где это слыхано! Никогда такого не бывало!»

И пьяный кызылбаш выложил тайну своего господина. В ночь перед убийством Константин был растерян и чем-то сильно встревожен. Наконец он не выдержал и открылся ему: «Не знаю, как быть, что придумать. Убью отца — бог меня покарает, а если не убью — шах убьет меня».

Дорого поплатились царь Кахети и наследник трона за свое легковерие. Рапустив войско и оставшись в Загеме с небольшой свитой, они допустили роковую ошибку. Чем объясняется такой непонятный и неоправданный шаг? Видимо, их уверенностью, что на этот раз у шаха Ирана не было злодейских намерений; тяжелое бремя войны с Турцией, покровительство России Александру и популярность кахетинского царя в своей стране должны были, думалось им, внушить шаху осторожность, а сам Константин не посмел бы решиться на что-либо без ведома шаха. Но Александр и Георгий просчитались. Как говорит видный грузинский ученый Н. А. Бердзенишвили, «то, что представлялось закономерным и правильным осторожному царю Александру, было неприемлемым для решительного шаха Аббаса».

В самом деле, разве был бы шах Аббас шахом Аббасом, если бы он не рисковал!

Правитель маленькой страны, царь Александр день и ночь снедаем был одной думой: как уберечь царство между двумя драконами — Ираном и Турцией. А шах Аббас был правителем огромного государства, и аппетит у него был соответствующий. Его политика могла выдержать любую авантюру.

Шах считал, что Александр срывал ему поход на Ширван, что он явно изменил Ирану и призывал в Грузию русских. И сефевидскому государю надоели хитрость и изворотливость «матерого волка». Настала пора одним ударом меча рассечь запутанный дипломатический узел. И шах Аббас не колебался. Нет сомне-

ния, что он предпочел видеть на троне Кахети вместо Александра его сына мусульманина Константина, преданного Ирану и шаху, вскормленного и воспитанного им, его верного раба.

Однако в конечном итоге просчитался и шах Аббас. В Кахети не желали видеть на троне Константина-мирзу (как называли грузинского царевича при дворе шаха). На него было совершено покушение, правда неудачное. Во время похода на Ширван на Константина ночью напали заговорщики, но не застали его в постели, как предполагали. Грузины повернули назад, отказавшись участвовать в походе, и Константин не сумел завершить удачно начатое выступление.

По утверждению Искандера Мунши, грузины направили шаху арзу*, в которой жаловались на Константина и просили возвести на кахетинский трон внука царя Александра Теймураза, также выросшего при дворе шаха. Шах Аббас понял, что хорошие отношения между мусульманином Константином и грузинами-христианами нереальны, что его правление в Кахети вызовет лишь восстание и смуту. Константин проиграл, и поддержка его шахом принесла бы лишь вред сефевидскому государству.

Искандер Мунши пишет, что Константин нанял войско на деньги, занятые у ардебильских купцов, и без согласия и дозволения шаха отправился мстить кахетинцам.

Поход против родины оказался его последним походом. Об этом походе кроме персидских и грузинских хронистов рассказывает один джюльфийский купец. Рассказ был записан в 1628 г. в Венеции (запись обнаружена М. Тамарашвили во время работы в архиве Ватикана).

Вот что он пишет. Константин захотел жениться на вдове своего брата Давида царице Кетеван и пригрозил ей, что убьет ее, если она не согласится на брак. Кетеван все же ответила ему отказом. Константин обратился за помощью к шаху Аббасу и получил тридцатитысячное войско с условием, что отправится воевать в Грузию, покончит с царицей и отдаст Сефевидам Кахетинское царство.

Царице Кетеван сообщили о походе на Кахети. Вой-

* Арза — прошение, жалоба.

ско у нее было небольшое, поэтому она «ум предпочла силе» — решила одолеть Константина хитростью. Призвав двести отборных воинов, Кетеван от имени грузинской знати отправила с ними Константину письмо, в нем князя, якобы возмущенные тем, что ими повелевает женщина, выражали готовность присягнуть Константину — их «законному» царю.

Константин уже подступил к границам Кахети, когда гонец вручил ему послание грузинских вельмож. Преисполнившись радужных надежд, он поспешил в путь, оставив свое войско. С малой свитой подъехал он к отряду из двухсот отборных кахетинских воинов, громко выражая свою радость и благодаря за преданность. Довольный, он говорил им, что теперь обратит в мусульманство все Кахетинское царство и навсегда покончит со всякой смутой и волнениями. Он уже собирался обнять будущих подданных, как вдруг один из них проткнул ему горло длинным копьём. Константин попытался повернуть коня, но тут второй всадник взмахнул мечом и разрубил его надвое.

С рассказом купца из Джульфы в определенной мере совпадает рассказ Парсадана Горгиджанидзе.

С отцеубийцей и изменником родины рассчитались его же способом. Лучшей смерти он и не заслуживал.

Есть еще одна версия гибели Константина. Его якобы опознали князя Давид Джандиери, Тамаз и Бебур Вачнадзе. Ударили его копьём и сбросили с коня. Распластанный на земле, Константин узнал их и взмолился: «Не убивайте меня, я в ваших руках». Много милостей сулил он, но его не послушали, ударили мечом и разрубили пополам.

Долго щадила судьба злодея, но вот отвернулась от него, как отвернулся его благодетель шах Аббас.

Константина убили 12 октября 1605 г. Парсадан Горгиджанидзе сообщает: «Об этом событии написали шаху Аббасу, и он очень огорчился, но вслух молвил лицемерно: „Отцеубийца и худшего достоин“».

Оба историка — Искандер Мунши и Парсадан Горгиджанидзе — отмечают, что Константин после убийства отца жил всего шесть месяцев, и приводят строки из персидского стиха:

Не станет царем отцеубийца,
а если и станет, то не протянет больше шести месяцев

Персидский историк не называет автора этих строк, а Парсадан говорит, что это древнее изречение, которое сбылось еще раз.

Приведенные ими строки принадлежат перу гениального азербайджанского поэта Низами Ганджеви.

Персидские хроники содержат рассказ о прославленном астрономе и математике, внуке и наследнике Тамерлана Улугбеке, которого убил его собственный сын Абдул-Латиф, еще раньше спровадивший на тот свет родного брата.

Полгода спустя рука providения настигла отцеубийцу. В ночь перед смертью Абдул-Латифу приснилось, будто ему преподнесли на подносе отрубленную голову: взглянул он на голову и видит — это его голова на подносе! Он пробудился от ужаса. Решив погадать и узнать, какая судьба его ждет, он схватил книгу Низами, раскрыл наугад и наткнулся на строки: «Не станет царем отцеубийца!..»

Слова мудрого поэта оказались вещими не только для Абдул-Латифа, но и для Константина — и он не протянул больше шести месяцев. И в Самарканде и в Кахети одна участь ждала убийц.

Сбылись строки Низами, сбылись еще раз... Они выражают не фатализм или веру в неизбежное вмешательство отца небесного в дела смертных, дабы упорядочить их, они говорят об оптимистической вере поэта в добро и справедливость.

МАРИУЧА

«Растоптал, согнал с земли, угнал в плен, разорил и опустошил...» — так описывает Вахушти Багратиони вторжение шаха Аббаса в Кахети в 1616 г. Эта лаконичная фраза вместила неисчислимые бедствия, кровь и слезы, безмерные страдания и муки народа, память о которых сохранится навеки.

Даже по словам персидского историка Искандера Мунши, со дня возникновения ислама ни один край не подвергался такому бесчеловечному разорению и опустошению, ничьи дома не разрушались и ни один народ не истреблялся так, как кахетинские христиане. Историк приводит цифры этой неслыханной трагедии:

число убитых превышало семьдесят тысяч, а захваченных в плен юношей и девушек, по описи,— более ста тысяч.

Горькой была участь угнанных в Иран грузин. «Избранные» пополняли кызылбашские гаремы и войско. Удел остальных был намного горше.

Необычна история одной маленькой грузинки, известной в Грузии под именем Тинатин Циба. От какой грузинской фамилии сохранилась усеченная форма «Циба» или «Зиба», установить трудно, ибо в книге итальянского путешественника Пьетро делла Валле, который рассказывает о Тинатин, написано Ziba. Известно лишь, что она из знатного кахетинского рода.

Итальянский путешественник приехал в столицу Сефевидов Исфахан в начале 1617 г. со своей супругой, сирийской христианкой Маани. В том же году они познакомились и подружились с тремя грузинками, сестрами алавердского митрополита.

Сестры попросили Пьетро делла Валле, доброго христианина, приютить маленькую грузинку, отец которой погиб в бою с кызылбашами во время вторжения шаха Аббаса в Кахети, а мать — после насильственного переселения в Иран. Девочка осталась сиротой в чужом краю. Сестры митрополита приходились ей дальними родственницами, но сами они оказались в тяжелой нужде и, лишены всяких средств к существованию и прав, не могли воспитывать ее. А Пьетро делла Валле, неофициальный посланник папы римского, считался гостем шаха Аббаса, и поселившуюся у него девочку не посмели бы забрать в гарем шаха или знатного кызылбаша.

Пьетро с супругой охотно согласились взять ребенка. Госпожа Маани стала называть ее Мариуча, «панчула» (панчулой итальянцы называют девочку от 7 до 12 лет). Мариуче было тогда всего семь лет.

Росла Мариуча в семье Пьетро делла Валле как приемная дочь, окруженная заботой и любовью. Ее няня-грузинка, по словам Пьетро, чудесная девушка по имени Маринэ, воспитанная при дворе грузинского царя, умела читать и писать на родном языке. В доме итальянца была и экономка, тоже грузинка, Мзистандари. Пьетро с супругой очень дорожили ею из-за ее доброго нрава и скромного поведения. Еще больше до-

рога была она Мариуче, потому что носила имя ее матери и, надо думать, заменяла ей мать, ведь супруга Пьетро всего на двенадцать лет была старше Мариучи и годилась ей скорее в подруги, чем в матери.

Спустя некоторое время Мзистандари нашла своих сыновей и переехала к ним, а Маринэ вышла замуж за переселенного в Иран грузина.

В конце 1621 г. итальянского путешественника постигло безмерное горе. Когда семья находилась в Минаби, окруженном болотами городке на юге Ирана, рядом с Бендер-Аббасом, Маани и ее брат Абдула заболели малярией. Слегла и Мариуча.

Маани умирала. Одинок сидел Пьетро у постели умирающей, глядя, как прямо на глазах таяла любимая женщина. Тяжело было одному, хотелось, чтобы кто-то разделил с ним его горе. Он позвал Абдулу и Мариучу. Обессиленный лихорадкой, Абдула не смог подняться, а Мариуча, преодолевая слабость, встала и, еле держась на ногах, подошла к Маани. Горько рыдая, Пьетро читал молитву, Мариуча держала горящую свечу, госпожа Маани прощалась с жизнью. Было это 30 декабря.

Умирая, молодая женщина вручила судьбу одиннадцатилетней приемной дочери супругу, и Пьетро поклялся не покидать Мариучу. С честью выполнит он клятву, данную Маани...

Через полгода Мариуче пришлось сделать выбор, который определял ее будущее.

Стоял июнь 1622 г. Пьетро делла Валле уже пять лет жил в Иране и знал о нашествии шаха Аббаса на Грузию, о разорении Кахети. Ему было известно и то, что в Ширазе держат заложницей царицу Кетеван, мать кахетинского царя Теймураза. Она твердо держалась своей веры, своего языка и обычаев и была из-за этого фактически лишена свободы. Непонятно, кто она — переселенка или узница, замечает итальянский путешественник. Пьетро пытался установить связь с грузинской царицей, познакомиться с кем-либо из ее окружения, пробить стены невидимой крепости, в которой была заточена почетная пленница шаха Аббаса.

Судьба улыбнулась Пьетро. Гуляя однажды по улицам Шираза, он забрел в лавку портного заказать себе платье. Вместе с ним туда зашел степенного вида

человек, который стал беседовать с хозяином лавки по-турецки и по-персидски, но Пьетро по его высокой каракулевой шапке и длинной бороде сразу признал в нем грузинского священника и решил, что это тот единственный священник, который был при царице Кетеван. Портной подтвердил его догадку. Позже он узнал, что священника звали Георгием. Его можно было считать скорее придворным, поскольку он был стольником и моурави * царицы.

Итальянец догнал священника на улице и остановил. В уличной суতোлке он не стал с ним долго разговаривать, зная, что персы следят за слугами и приближенными царицы Кетеван, но дал ему понять, что он тоже христианин и хотел бы встретиться с ним в другое время и в другой обстановке. Грузинский священник также вежливо ответил иноземцу, что не возражает.

Рано утром 27 июня священник пришел к Пьетро. Хозяин пригласил гостя к столу, но тот отказался: у грузин начался пост, и к тому же гость, торопясь к нему, не успел еще совершить утренней молитвы. Он пробыл у нового знакомого довольно долго, много всякого порассказав о Грузии и грузинах, подтвердил то, что уже слышал Пьетро, а именно казнь царя Луарсаба и оскотление сыновей Теймураза — Левана и Александра, о чем царица Кетеван, их бабушка, еще не знала. От нее скрывали эту страшную весть, не желая наносить новые раны ее истерзанной бедрами и долгим пленом душе.

Священник сообщил, что при царице в Ширазе находилось около двадцати человек, мужчин и женщин, все грузины-христиане. У них было много книг, крестов, икон. Часть икон удалось вывезти из Грузии, часть собрали в Иране, покупая у мусульман, награбивших их в Грузии и Ормузе, или получая в дар.

Самого Георгия хан Шираза, грузин Имам Кули-хан Ундиладзе, несколько раз направлял в Исфahan как искусного садовника. (Пьетро делла Валле отмечает, кстати, что грузины более искусны в разведении садов и виноградников, чем персы.)

Итальянец рассказал гостю о себе: кто он, откуда,

* Моурави — военачальник, управитель.

с какой целью путешествует по Востоку. В заключение он просил передать нижайший поклон царице Кетеван, сказав, что хорошо знает, сколько страданий вместе со всем грузинским народом она приняла от мусульман, и что не пожалеет не только своего ничтожного влияния, но и жизни, если понадобится ей послужить. Пьетро просил передать царице, что в Италию он возвратится через Константинополь, где, вероятно, встретится с ее сыном, царем Теймуразом, который находился в Османской Турции. И добавил, что мечтает хоть краем глаза увидеть Грузию.

В конце беседы Пьетро делла Валле попросил священника передать царице, что у него живет Тинатин Зиба, ее соотечественница и подданная, дочь именитых родителей, которых ее величество знает лучше его.

К этому времени вернулась Мариуча. Она заговорила со священником на родном языке, рассказала обо всем, что приключилось с ней в Иране.

Пьетро делла Валле и священник Георгий договорились в самое ближайшее время представить Мариучу царице Кетеван.

Прошло больше месяца, а священника словно земля поглотила. Оказалось, хан Ширази брал его с собой за город в свой военный лагерь. Возвратившись, он тут же навестил итальянца и сообщил ему, что царица с нетерпением ждет Мариучу.

Легко представить, как тепло встретила многострадальная царица осиротевшую девочку, думая, наверное, о том, сколько в Иране таких сирот, закинутых злой судьбой из Грузии.

Царица Кетеван знала не только, чья она дочь, но и о заслугах ее предков перед Грузией. Она подробно расспросила Мариучу о ее воспитателе, о друзьях-грузинах Пьетро делла Валле, живших в Исфahanе. И сама поведала ей о своих страданиях и о бедах, выпавших на долю Грузии.

Пьетро делла Валле отмечает, что царица вела с девочкой очень серьезный разговор, хотя той было всего 12 лет.

После беседы царица распорядилась отвести Мариучу в сад погулять до обеда.

Среди приглашенных к обеду была родственница царицы, принявшая мусульманство и следовавшая

предписаниям новой веры. Тут же были ее дети: дочь, обрученная по приказу шаха не то с черкесом, не то с грузином, перешедшим в ислам, и сын, ровесник Мариучи, воспитанник царицы Кетеван, постоянно находившийся при ней.

За обедом между братом и сестрой вспыхнул спор из-за религии. Девушка бесцеремонно восторгалась исламом.

В доме Пьетро делла Валле велись беседы о вере, и Мариуча, приученная свободно высказывать свои мысли, смело ввязалась в спор на стороне мальчика. Как вспоминает итальянец, «Мариуча высмеяла ислам в тех словах и выражениях, что распространены были среди здешних христиан». Кетеван много смеялась над этим «религиозным диспутом» и выразила удовлетворение воспитанием своей маленькой гостьи.

Царица еще несколько раз принимала Мариучу, обращаясь с ней радушно и ласково.

Пьетро, видимо, собирался оставить девочку у грузинской царицы, но Мариуча иначе решила свою судьбу.

Пьетро делла Валле отправлялся в Индию, а оттуда должен был вернуться на родину. Когда царица спросила Мариучу, поедет ли она со своим воспитателем или же останется с ней, та горячо поблагодарила ее, сказав, что не знает лучшей участи, чем быть при царице, но пока они христиане, им не жить среди неверных. Конечно, нелегко будет привыкнуть к жизни на чужбине, но зато она окажется среди христиан. И она почтительно просила царицу позволить ей поехать в Рим со своим благодетелем.

Царица Кетеван была восхищена ее разумными речами и одобрила ее, понимая, что осиротевшей грузинке лучше быть свободной в далекой Италии, чем жить в иранском плену, хотя бы даже и со своими соотечественниками. Какое покровительство могла оказать девочке и всем своим подданным в Ширазе лишенная власти и прав царица?

«Мариуча оказала мне большую честь, предпочтя остаться со мной, а не с царицей», — пишет Пьетро делла Валле.

За день до отъезда из Шираза Пьетро преподнес царице через Мариучу золоченый медальон, на одной

стороне которого изображено было усупение богородицы, а на другой — св. Джироламо со львом.

Царице подарок очень понравился, и она в ответ послала ему два латинских молитвенника, купленных ею у кызылбашей. На полях одного из них была пометка, сделанная рукой царицы.

Пьетро делла Валле писал: «Я храню эти книги среди самых дорогих мне предметов в память о столь достойной и славной женщине, как царица Кетеван».

Настал час разлуки. Никто из них не знал тогда, что через два года жестокая смерть оборвет жизнь пленницы.

Пьетро и Мариуча покинули Шираз в сентябре 1622 г., а в ноябре были уже в Гомбруне (Бендер-Аббасе), откуда собирались ехать морем в Индию, но тут выяснилось, что женщина не имеет права без разрешения покидать сефевидское государство, даже вместе с отцом или мужем.

И Пьетро делла Валле пустился на хитрость: одел Мариучу в мужское платье, накрутил ей на голову кызылбашскую чалму, опоясал мечом. Девочка была довольно высокой и в сумерках сошла за юного спутника Пьетро. Портовые служащие ничего не заподозрили.

Поездив по Индии, Пьетро делла Валле со своей спутницей отправились в Италию.

В 1625 г. в Басре они узнали о мученической смерти царицы Кетеван.

В 1626 г. в марте, они прибыли в Рим.

Пьетро Беллори, биограф итальянского путешественника, сообщает, что Пьетро делла Валле похоронил в своей фамильной усыпальнице останки любимой Маани, которые четыре года возил с собой по суше и воде. Потом он явился к папе, и тот принял его с почестями, подобавшими писателям и воинам.

Пьетро делла Валле рассказал папе о путешествии и преподнес ему свою рукопись «Информация о Грузии», где описывались бедствия маленькой христианской страны. Он сказал папе, что грузины ведут постоянную борьбу с самыми сильными врагами христиан — турками и персами и не раз побеждали их. И поэтому римская церковь должна быть благодарна стране, достойной помощи и поддержки.

Пьетро так и не смог побывать в Грузии. Но он никогда не забывал страну, полюбившуюся ему благодаря близкому общению с грузинами в Иране. Он пишет, что, хотя и не был в этой стране, знает по рассказам очевидцев, что она очень красива и напоминает самые живописные уголки Ломбардии.

...Пьетро делла Валле долго и тяжело переживал потерю любимой Маани, но жизнь продолжалась, время залечило рану. Маленькая Мариуча превратилась в прелестную девушку и стала его женой.

Многочисленное потомство (а у них было четырнадцать детей) озарило радостью их жизнь.

В 1652 г. в возрасте 66 лет Пьетро делла Валле скончался.

Через десять лет его жену навестил Пьетро Беллори. Тинатин передала гостю портреты, написанные ее мужем: один — госпожи Маани, другой — ее собственный, где она изображена в грузинском платье. Он же приводит список сочинений итальянского путешественника, где упоминается и «История синьоры Марии Тинатин ди Зиба, второй супруги Пьетро делла Валле», которая была написана в 1644 г.

Современники называли Пьетро делла Валле, объездившего множество стран, «римским Улиссом» (Одиссеем). Известный английский историк Эдуард Гиббон, автор книги «История упадка и разрушения Римской империи», не отличающийся щедростью на похвалы, говорит: «Никто из путешественников не изучил и не описал так хорошо Иран, как делла Валле».

«Путешествия» Пьетро делла Валле были переведены на французский, немецкий, английский и голландский языки. Европейский читатель глазами итальянского путешественника видел восточные страны и знакомился с судьбой переселенных в Иран грузин, с историей Мариучи, царицы Кетеван и священника Георгия...

ГДЕ ЗАТЕРЯЛАСЬ ВАША ДОЧЬ...

В Грузии есть предание, в котором всеильное чувство любви к родине освещено под непривычным углом.

Шаху Аббасу для его гарема доставили красивую девушку из картлийской деревни Каралети. Крестьян-

ская дочь очень понравилась сефевидскому повелителю, но она не прельстилась великолепием и роскошью гарема. Когда ее уложили в мягкую шелковую постель, ей стало не по себе, и она мечтательно сказала: «Эх, полежать бы сейчас на сеннике в Каралети!»

В начале нашего века грузинский писатель Антон Пурцеладзе записал: «В Каралети и сейчас можно услышать про эту девушку. Говорят, ее звали Тика Мазандарашвили. Она так и не свыклась с роскошью, и шах отправил ее в деревню к родителям».

Разумеется, в предании не проводится мысль о том, что человек привычную бедность предпочитает непривычному богатству. Для иллюстрации такого парадокса незачем было отправлять каралетскую девушку в Исфахан — и поблизости нашлись бы дворцы с их роскошью, во владениях грузинской знати Цицишвили, Эристави, Амилахвари...

Для грузинки из Каралети родина не была отвлеченным понятием, она воплощалась в ее деревне, ее доме, в ее сеннике, который был ей дороже шелковой постели на чужбине. Простая крестьянка не могла разделить латинскую мудрость: где хорошо, там и родина.

Как ни странно, но это предание перекликается со стихотворением Уильяма Коллинза о юной грузинке и шахе Аббасе.

Пастушка-грузинка, напевая, плела в поле венки. Ее услышал шах Аббас, заблудившийся во время охоты. Он подошел к ней. Пленный красотой девушки, шах увез ее с собой; однако богатство и беспечная жизнь не ослепили пастушку, не стерли воспоминания о прежней тихой жизни, и поэтому она часто уходила в горы — помечтать о родном крае. Иной раз и шах Аббас, отложив в сторону все государственные дела, сопровождал девушку и вместе с ней наслаждался природой.

Каким бы наивным и нелепым ни казалось нам сочинение Уильяма Коллинза, у него есть бесспорное достоинство: в нем главное — любовь к родине, тоска по ней. А пастушка в этом стихотворении напоминает нам каралетскую девушку.

Грузинскому читателю Коллинза трудно представить себе шаха Аббаса на лоне природы, охваченного роман-

тическими чувствами: слишком хорошо знаком ему образ этого вероломного и беспощадного правителя Ирана. Но фантазия Коллинза, видимо, имеет под собой почву. Возможно, английский поэт читал сочинения Пьетро делла Валле или Жана Шардена и по-своему переосмыслил прочитанное.

Вообще, шах Аббас и грузинки — любимая тема европейских авторов того времени. Пьетро делла Валле пишет, что в гареме у шаха чаще всего слышалась грузинская речь и отпрыски шаха первые слова произносили по-грузински.

«Сказать по правде, грузинки — самые красивые женщины во всей Азии, — писал Пьетро делла Валле своему постоянному адресату в Рим, некоему Марио Скипано. — Смуглым персиянкам не сравниться с ними. Грузинки высокие — женщины такого роста, как моя тетя синьора Фаустина Альберини, обычны среди них, почти все они черноволосые, с большими чарующими глазами, белолычие и розовощекие, вероятно, благодаря соку Бахуса, с которым хорошо знакомы, и их родина в этом смысле не уступает Германии...»

Немного позже французский путешественник Жан-Батист Тавернье отмечал, что редко можно встретить перса, начиная от шаха и кончая последним его подданным, у которого кто-нибудь из родителей не был бы грузином или в крайнем случае в жилах которого не текла бы грузинская кровь. Пусть это преувеличение, но оно отражает действительность.

В 1617 г. Пьетро делла Валле познакомился в Исфахане с сестрами алавердского митрополита — дальними родственницами царя Теймураза. Когда весной 1614 г. шах Аббас внезапно вторгся в Кахети, сестры то ли не успели укрыться в Западной Грузии вместе с царем и придворной знатью, то ли и не пытались этого сделать, поскольку кызылбаши забрали в плен самого митрополита. Сестры последовали за пленным братом в Исфахан. Они увезли с собой все, что могли увести из своего состояния, и с большой свитой прибыли в столицу Сефевидов.

До поры до времени сестрам митрополита оказывали при дворе, где они часто бывали, должный почет и внимание, но потом обстоятельства изменили их судьбу. Царь Теймураз в Грузии не прекращал борьбы

с кызылбашиами, истреблял их беспощадно. Кроме того, алавердскому митрополиту удалось вырваться из плена. А когда шах Аббас потребовал от сестер перейти в ислам, те решительно отказались, чем привели шаха в ярость. Их тут же лишили и почета, и внимания, и свободы, запретив куда-либо отлучаться. Сестры прожили все, что захватили из Грузии, и бедствовали со своей поредевшей свитой, нуждаясь в куске хлеба. В беде им помогли католические миссионеры.

Так обходилась судьба с богатыми и знатными женщинами, каково же было угнанным в Иран беднякам!

Много личин было у смерти на чужбине: голод, болезнь, пытки.

В 1615 г. в окрестностях Цицамури царь Теймураз наголову разбил полководца шаха Аббаса Али Кули-хана. Грузинский историк Парсадан Горгиджанидзе пишет: «И было сказано: с тех пор как существует страна, грузины не одерживали такой победы».

Эта славная победа дорого обошлась грузинам. Мечь шаха Аббаса была стократной. Немецкий путешественник Адам Олеарий сообщает, что бежавшего с поля битвы Али Кули-хана шах подверг позорному наказанию: заставил потерпевшего поражение военачальника целый день ходить в женском платье по военному лагерю. Затем шах публично поклялся продать в рабство всех жителей Грузии по абазу (двугривенному) за каждого.

По выражению персидского историка, из ножен мщения был выхвачен меч, дабы покарать «неверных».

Настал черный для Грузии 1616 год.

Силы были неравные. «И что натворили кызылбаши в Грузии, ни уста ни в состоянии рассказать, ни язык выразить,— говорит армянский историк Аракел Даврижеци и обращается к читателю:— Ты сам представь себе это и пойми!»

Кызылбаши не могли сосчитать пленных. Адам Олеарий рассказывает, как один воин поднял руку с двумя абазами и обратился к своему повелителю: «Эй, шах Аббас, продай мне парочку грузинок!» Шах сразу вспомнил данную им перед походом клятву и повелел немедленно отдать смелому кызылбашу двух самых красивых девушек за два абазы.

Страшно представить себе: грузинок, которых Пьет-

ро дела Валле называет красивейшими женщинами во всей Азии, продавали дешевле скота!

Но и бедам приходит конец.

Уже в 1631 г. царь Теймураз, как рассказывает итальянский миссионер Джусто Прато, отправил одному персидскому вельможе в благодарность за услугу четырех прекрасных горянок. Но вельможа сей был разочарован и велел передать царю, что он хотел грузинок, а горянок и у него немало.

Надо думать, не раз сожалел «любитель» грузинок, что миновало то время, когда персы бесчинствовали в Кахети. Черный для Грузии 1616 год отошел в прошлое. Самоотверженная борьба грузинского народа развеяла сладостные мечты кызылбашей.

«НУ ГАТАТРЕБИ!»

В лексиконе грузинского ученого и писателя Сулхан-Сабы Орбелиани дается любопытное пояснение слов «Ну гататрдеби» («Не отатаривайся»): «Египетский голубь, небольшая птичка, похожая на горлинку, живет в Мисре и Ширазе, увидев путника, выкрикивает по-грузински: „Ну гататрдеби!“ По этой причине татары называют ее „гяур-куши“ — „неверная птица“».

Трудно сказать, в самом ли деле существовала такая необычная птица, говорившая с заброшенными на чужбину грузинами на их родном языке, но в каждой легенде есть доля правды. «Гяур-куши», вероятно, и в самом деле выкрикивала что-то созвучное священному завету предков: «Ну гататрдеби» («Не отатаривайся») — ты грузин и грузином умри.

Судя по грузинским хроникам, «отатариваться» значило принять ислам. Но, переходя в мусульманство, изменив веру, грузин переставал быть не только христианином, но и грузином, т. е. лишался своей национальности. Этого требовал Аллах, этого требовал его посланник пророк Мухаммед, этого требовала и «тьень Аллаха» на земле, именуемая то шахом Тахмаспом, то шахом Аббасом...

Ислам просто разрешал национальный вопрос: население всего многонационального мира он разделял на мусульман и гяуров — на «правоверных» и «неверных».

Пьетро делла Валле передает такой эпизод. В 1618 г. он вместе с шахским двором направлялся в сторону Казвина. Ночью им повстречалась большая группа знатных грузин. Супруга Пьетро Маани ехала в паланкине европейского образца, чем привлекла внимание грузин. Светила яркая луна. Все окружили паланкин Маани — не только мужчины, но и их жены, ехавшие, как принято в Грузии, верхом. Грузинки, лица которых не покрывала чадра, хотя они и находились во владениях мусульман, поздоровались с Маани и заговорили с ней по-грузински. Супруга Пьетро знала, откуда они родом, и сердечно ответила им, а потом показала свой крест. При виде креста грузинки воскликнули: «Картвели! Картвели!» («Грузинка! Грузинка!»)

Пьетро делла Валле поясняет итальянскому читателю слово «картвели» (итальянцы называют грузин «джорджано») и тут же добавляет, что для самих грузин слово «картвели» равнозначно слову «христианин» и даже «добрый христианин». Поэтому, узнав, что Маани христианка, они приняли ее за грузинку. Он сообщает также, что грузины всех мусульман называют татарами, из какой бы страны они ни были.

К обступившим паланкин грузинам подошел и Пьетро. Грузинские вельможи отнеслись исключительно дружелюбно к итальянскому путешественнику, который дал им понять, что он тоже христианин, и к тому же из Рима. Радость грузин была понятной: где-то на казвинской дороге столкнуться с путешественниками из Рима, с единоверцами, чуть ли не соплеменниками.

Дальше они последовали вместе. Рядом с Пьетро ехал рослый грузин в богатой одежде. Прижав к груди руку итальянца, он проникновенно говорил ему что-то по-грузински. Пьетро не понимал слов, но по жестике, глядя на него, догадался, что тот выражал ему свою благосклонность, и это очень растрогало итальянца. Он, видимо, так и не узнал, кто были эти грузины и с какой целью прибыли ко двору Сефевидов.

В Иране итальянскому путешественнику на каждом шагу встречались грузины — мужчины и женщины, дети и старики, князья, дворяне, священники и крестьяне.

«В данное время костяк войска Ирана составляют грузины», — писал Пьетро делла Валле. Число их до-

стигало тридцати тысяч. Незначительная часть их с детства росла в мусульманской вере, большинство же переходило в ислам в зрелом возрасте. Одни меняли веру из корыстных соображений, другие — из честолюбия, но большинство — из нужды, спасая себя и семью от голода.

В сефевидских войсках грузинам платили щедро, их высоко ценили, зато они несли бремя постоянной военной службы: до самой смерти им суждено было рубить мечом на благо сефевидской державы.

Воины-грузины, по словам Пьетро делла Валле, теряли свою родину — страну куда более прекрасную, чем Иран, теряли веру предков, свою землю и достояние, родных и близких: одни во время нашествия бежали в безопасные места, других убивали, третьих угоняли в Иран. «Все это больно ранит душу каждого благородного человека», — заключает итальянский путешественник.

От наблюдательного глаза Пьетро делла Валле не ускользнуло, что принятие грузинами чужой веры было формальным, чисто внешним актом. «Они становятся, — говорит он, — для окружающих вроде бы мусульманами, служат иранскому шаху, а что таят в душе, одному богу ведомо, но мне известно, что многие из них не изменяют христианской вере».

Таким образом, до полного «отатаривания» дело не доходило. Если грузин облачался в кызылбашский халат, то это еще не значило, что он действительно отказывался от своей веры и нации. Не так-то легко забывал грузин родной язык и родную землю, в душе он оставался христианином, т. е. грузином. Примеров тому в грузинской истории XVII—XVIII вв. предостаточно.

В те годы в Иране находился один известный грузин, упомянутый у Пьетро делла Валле как «господин Мераб». Возможно, именно беседа с ним показала итальянскому путешественнику, чего стоило «отатаривание».

В свое время М. Тамарашвили высказал соображение, что упомянутый в книге Пьетро делла Валле «господин Мераб» («синьор Мехраб») — это моурави Георгий Саакадзе. Видимо, грузины называли Георгия Саакадзе «господином Моурави». Итальянский путешест-

венник перевел первое слово, а «моурави» счел именем собственным, поскольку оно было похоже на знакомое ему грузинское имя. Кстати сказать, и в других европейских источниках Георгия Саакадзе называют искаженной формой слова «моурави» — «Мауро», «Морао», «Мурад», «Мехру».

С «господином Мерабом» Пьетро делла Валле познакомился 20 сентября 1620 г. в Исфахане в церкви кармелитов, куда тот пришел послушать обедню.

Как передает Пьетро, «господин Мераб» в зрелые годы служил царю Луарсабу. Шах захватил все владения находившегося у него в плену царя, а управлять ими поставил двоюродного брата Луарсаба хана Симона, выросшего в мусульманской вере и назначенного в 1619 г. вали (наместником) Картли.

Итальянский путешественник пишет, что, хотя «господин Мераб» упорно держится христианской веры, шах все равно относится к нему хорошо, не лишает своей милости и в настоящее время «господину Мерабу» подчиняются находящиеся в Тбилиси и Гори войска. Эти слова не оставляют сомнения в том, что «господин Мераб» — это Георгий Саакадзе, ведь шах именно его назначил в 1619 г. «бекилом и руководителем» Симона. И в грузинской хронике мы читаем: «А Моурави был тогда очень возвеличен шахом, и ему всецело подчинились кызылбаши, и находились при нем многие».

Искандер Мунши также отмечает, и не раз, что «Моурав-бег» считался преданным Ирану, надежным человеком, снискал своей верной службой большой почет при дворе и пользовался особым доверием шаха.

Пьетро делла Валле доказывает, что «господин Мераб» твердо придерживался христианского вероисповедания, а Искандер Мунши, описывая события 1624 г., говорит, что вот уже больше десяти лет, как «Моурав-бег» принял мусульманство.

В словах персидского историка трудно усомниться: полководцем сефевидского войска не мог стать человек, не принявший ислам.

Но и Пьетро делла Валле, как показали события, был прав.

Впоследствии Искандер Мунши писал, что грузинский «Моурав-бег» только временно, в силу обстоятельств, признавал ислам, а от христианской веры не от-

ступал и снова установил союз с единовѣрными грузинами. Нельзя сказать, что персидский историк оказался очень проникательным, делая такой вывод: Марткобское восстание показало всем — и шаху Аббасу, и тем, кто его возносил, — что прославленный герой лишь выжидал подходящего часа открыто перечеркнуть свою вынужденную службу заклятому врагу грузинского народа.

Петро делла Валле значительно раньше заметил то, чего не видел дальновидный шах Аббас. Глаз друга оказался более проникательным, и, очевидно, он имел в виду именно Георгия Саакадзе, Великого Моурави, когда писал, что грузины в Иране только внешне омусульманены, а что у них на душе, один бог ведает.

...1624 год. Шаху Аббасу сообщили из Картли, что грузины установили связь с царем Теймуразом, находившимся в Турции, вооружаются и надо ожидать восстания.

Искандер Мунши пишет: «Шах решил направить в те края кого-нибудь мудрого и толкового, дабы выяснить, каково там истинное положение, истребить смутьянов и сделать все на пользу могущественному государству».

Шах Аббас остановил свой выбор на самом любимом военачальнике — спасаларе Карчига-хане. За год до этого возглавляемое им войско кызылбашей взяло Багдад, и восхищенный победой шах Аббас сказал ему: «Мой дорогой ага! Ты добыл мне победу, значительнее которой я и у Аллаха не мог бы выпросить. Иди сядь на моего коня, я сам прислужу тебе». Карчига-хана такая честь привела в трепет, и он молвил: «Я не достоин этого, повелитель, не забывай, что я твой раб, не унижай себя!» Ответ спасалара вызвал всеобщее одобрение, но шах заупрямился: «Я так желаю, мне так угодно!» Карчига-хану ничего не оставалось, как подчиниться. Он сел на коня шаха Аббаса, а великий правитель сефевидского государства зашагал рядом. Так прошел он семь шагов, и его примеру последовали вельможи.

«Очень храбрый, жизнерадостный, дальновидный, справедливый, стойкий в бою» — так характеризует Карчига-хана персидский историк.

По приказу шаха Аббаса вместе с Карчига-ханом

в Грузию должен был отправиться Георгий Саакадзе, так как он хорошо знал страну, преданно служил шаху и, по глубокому убеждению последнего, сделал бы все необходимое в интересах сефевидского государства. Карчига-хану и Георгию Саакадзе было поручено выселить всех жителей Картли и Кахети.

Огромное войско кызылбашей вели два самых доверенных военачальника шаха Аббаса, и разве мог он вообразить, что в один злосчастный миг навсегда потеряет их обоих.

...Великий Моурави с такой силой ударил копьем взобравшегося на коня Карчига-хана, что острие его, войдя в один бок, вышло из другого.

Сигнал к всеобщему восстанию был дан. Первой жертвой восстания оказался сам прославленный спасатель шаха Аббаса. Одним ударом обезглавлено было войско кызылбашей.

Искандер Мунши свидетельствует: «И высокородные и худародные разбежались в великом страхе. Лагерь кызылбашей был рассеян, опустошен, грузинам досталось несметное количество добра и оружия».

А вот как описывает это грузинский поэт:

Прошлись по ним мечом, овладели добычей и кричали
вслед обращенным в бегство:
если посмеете пройти здесь еще раз,
поступим с вами еще хуже, жизни не будете рады,
идите, жалуйтесь шаху Аббасу, скорее бегите
к нему в Казвин.

Историк XIX в. Теймураз Багратиони отмечает: «Победа эта одержана была в году 1625-м от рождества Христова, 24-го дня месяца марта, под утро на благовещение».

Очень много написано о событиях 1625 г., но есть один документ, совершенно незнакомый грузинскому читателю. В личном архиве М. Тамарашвили хранится реляция на итальянском языке, составленная в Риме в 1628 г., которая содержит рассказ Никифора Ирбаха (Николоза Чолокашвили-Ирубакидзе), посла царя Теймураза, направленного им в Европу. Сообщение Никифора Ирбаха очень ценно: оно принадлежит доверенному лицу царя Теймураза, очевидцу и, главное, записано непосредственно по следам событий.

Никифор Ирбах сообщает, что после победоносного восстания народ хотел объявить царем Моурави, но тот отказался, говоря, что страна должна иметь законного царя, и ради всеобщего блага призвал Теймураза, бывшего в изгнании, возвратиться на родину. Тем временем распространился слух, будто бы Моурави готовит царю Теймуразу западню, намерен убить его и завладеть царством. Слух достиг царя вместе с посланием, заключавшим просьбу Моурави, но царь-беженец не внял молве и сказал: «Если так угодно господу богу, да будет его воля, а я хотя бы еще раз порадуюсь родному небу, под которым впервые взглянул на мир». (Через год такое же подозрение по отношению к царю Теймуразу посеют в душе Георгия Саакадзе, и, как пишет Иосеб Тбилели, «злослычники разведут их, а вред от этого — царству».)

Слухи о коварстве Георгия Саакадзе оказались, конечно, ложными. Теймураза приняли в Грузии торжественно, с большими почестями. К храму его сопровождала многочисленная свита, три архиепископа и народ. На Теймураза возложили корону и царю Картли и Кахети присягнули в верности. Теймураз отнесся к Моурави сердечно, простил былую обиду и не лишил почета, считая его вторым человеком в государстве.

Никифор Ирбах замечает, что Теймураз сильно горевал из-за гибели своей матери, царицы Кетеван, но победоносное восстание несколько утешило его.

Да, действительно странно последовали друг за другом эти два события: мученическая смерть царицы осенью 1624 г. и Марткобское восстание весной следующего года.

Шах Аббас велел подвергнуть царицу пыткам в Ширазе, не сомневаясь, что дни Грузии сочтены. Но Марткобское восстание доказало сефевидскому государю, что не иссякло мужество грузинского народа и меч его разит с прежней силой.

В поэме Теймураза «Мученичество царицы Кетеван» есть такие строки:

Они пытали святую двенадцатого сентября,
а через семь месяцев произошло чудо великое,
освободила себя Грузия, которую одиннадцать лет
поедали кызылбаши,
и в марте восторжествовало в ней христианство.

Грузия, на протяжении одиннадцати лет (с весны 1614 до весны 1625 г.) терзаемая, «поедаемая» кызыл-башами, сбросила ненавистное ярмо. И подвигом своим народ обязан был Великому Моурави — Георгию Саакадзе.

В поэме царя-поэта Арчила «Спор Теймураза с Руставели» Теймураз говорит:

Моурави совершил это невероятное дело,
я сумел потому, что духом был крепче стали.
Это не под силу было другим, а он содеял
много славных дел.
Воистину было так, не выдуманно.

По словам Никифора Ирбаха, шах Аббас и все кызылбаши ни к кому не испытывали такой ненависти, как к Георгию Саакадзе. Ошеломленный поражением, охваченный яростью, шах громогласно клялся отдать полцарства тому, кто доставит ему в Исфахан пленного Моурави.

Искандер Мунши, придворный летописец Сефевидов, упоминая Георгия Саакадзе, раздражается проклятиями, называя его «злосчастливым», «неблагодарным», «вероломным», «злодеем» и «предателем».

В 1625 г. жителям Картли и Кахети грозило выселение в далекие края, а на их земле волей шаха должно было пустить корни чужое племя, но события перечеркнули план, подготовленный в Исфахане.

Летом того же года произошла Марабдинская битва. Грузины потерпели, по словам одного историка, «блестящее поражение», но если бы шах Аббас читал Плутарха, непременно повторил бы горестные слова царя Пирра: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска».

Турецкий историк XVII в. Ибрахим Фечевид уверяет, что шах Аббас за сорок лет своего правления не понес таких потерь: «Стараниями Моурави и в боях с Моурави погибли, простились с миром семь знатных ханов, равных которым не сыскать было в стране кызылбашей» (в числе семи Ибрахим Фечевид называет Амиргун-хана, Карчига-хана и Юсуф-хана, видимо как самых прославленных военачальников).

По мнению Никифора Ирбаха, измотанный непрерывными войнами то с Османской империей, то с Индией, шах Аббас стремился наладить отношения с гру-

зинским царем, потому что знал, как отважен его народ. В конце концов он добился примирения с Грузией и признал Теймураза христианским царем Картли и Кахети.

1625 год был для Грузии кровавым, но в ее историю он вписан золотыми буквами как год беспримерного мужества грузинского народа, доказавшего, что его нельзя ни «отатарить», ни истребить.

«ВОЗДАТЬ ХВАЛУ ШИРАЗСКОМУ ХАНУ...»

В своей поэме «Мученичество царицы Кетеван» Теймураз пишет: «Воздать хвалу ширазскому хану не в силах и мудрецы...»

Восхваляемый Теймуразом хан Ширази — это принявший ислам грузин Имам Кули-хан Ундиладзе, бегларбег* провинции Фарс, один из выдающихся деятелей сефевидского Ирана времен шаха Аббаса. Обладая огромной властью и авторитетом, он фактически был вторым человеком в государстве.

О самом шахе Аббасе в поэме Теймураза сказано, что он «могущественный и жестокий государь, губитель христиан, проливающий кровь невинных, занявший место Ирода».

«Воздать хвалу ширазскому хану не в силах и мудрецы...»

Немного странно звучит в трагической поэме, поражающей своей искренностью, похвала Имам Кули-хану, первейшему вельможе, полководцу шаха Аббаса, правителю города, где бесчеловечно замучили мать Теймураза, царицу Кетеван.

Объяснить хвалу хану Ширази только тем, что он был грузином, разумеется, нельзя. Приведенная строка имеет свою историю и свое оправдание.

Имам Кули-хан — сын первого иранского куллар-агасы**, видного государственного деятеля Аллаверды-хана. Именно Аллаверды-хан положил начало воз-

* Бегларбег — правитель области, соединявший в своих руках административную власть и командование местными феодальными ополчениями Сефевидов.

** Куллар-агасы — начальник конного корпуса гуламов (рабов).

вышению рода Ундиладзе. По преданию, кызылбаши ребенком похитили его из Грузии и продали за тридцать цехинов, или три тумана. Он переходил из рук в руки и наконец попал к шаху Тахмаспу. Способный молодой человек быстро выдвинулся при дворе Сефевидов и, между прочим, сыграл большую роль в утверждении на иранском троне шаха Аббаса. В дальнейшем он стал главнокомандующим, и в Иране не было равного ему по отваге, уму и военному таланту. Шах Аббас всячески проявлял свое расположение к нему и называл отцом. После смерти Аллаверды-хана шах пожаловал должность бегларбега Фарса его сыну Имам Кули-хану. Эта должность не была наследственной: Имам Кули-хан только своими личными достоинствами мог завоевать милость шаха.

«Воздать хвалу ширазскому хану не в силах и мудрецы...»

Хану Шираза «воздают хвалу» и зарубежные авторы. Англичанин Томас Херберт пишет о нем: «Этот человек, грузин по происхождению, мусульманин по вере,— один из тетрархов, которые управляют империей шаха Аббаса. Его владения простираются почти на четыреста миль во всех направлениях». Затем Томас Херберт перечисляет титулы Имам Кули-хана и заканчивает: «Великий бегларбег, глава двенадцати султанов, 50 тысяч воинов, сподвижник шаха Аббаса и роза восхищения».

Пьетро делла Валле отмечает, что Имам Кули-хан — бегларбег Фарса, самой обширной провинции Ирана, территория которой превосходит Португалию, а по своей мощи и положению не уступает многим европейским государствам. А хан Шираза, без сомнения, самая видная фигура во всем Иране после шаха Аббаса, он почитает христиан и дружит с европейцами. Как пример всевластия Имам Кули-хана Пьетро делла Валле приводит тот факт, что в его владениях вволю вкушали прославленное ширазское вино, хотя мусульманам вообще запрещалось пить.

И Томас Херберт и Пьетро делла Валле лично знали Имам Кули-хана Ундиладзе.

По словам католических миссионеров, подданные почитали хана Шираза, грузина. В сефевидском государстве не найти было более или менее видного че-

ловека, который бы не испытал на себе его редкой щедрости.

Француз Жан-Батист Тавернье сообщает, что Имам Кули-хан пользовался любовью всего населения, был окружен самыми отважными военачальниками. Он награждал и воинов и ученых, радушно принимал иностранных гостей, способствовал расцвету наук и искусства. По его почину в Ширазе было основано учебное заведение, построены караван-сарай как в самом городе, так и на главных дорогах провинции. Благоустраивались дороги, и, сокращая расстояния, прорубались горы, их соединяли поражающие смелой конструкцией мосты, подобно аркам нависающие над пропастями и реками.

Хан Шираза был очень щедр, в своих расходах он почти не уступал государю сефевидской державы. И шах Аббас дружески упрекнул его однажды: «Ты бы хоть на пятак в день тратил меньше меня, чтобы была какая-нибудь да разница между расходами шаха и его хана».

Адам Олеарий пишет, что Имам Кули-хан обладал огромным состоянием и был при этом «благотворителем», а в бою — отважен, как и подобает истинному рыцарю. Особенно прославился Имам Кули-хан в 1622 г., когда под его началом и при поддержке английских военных кораблей была взята португальская крепость на острове Ормуз в Персидском заливе. Отныне Иран получил возможность морским путем вывозить в Западную Европу шелк, избавившись от таможенной пошлины Османской Турции.

...Семь лет уже томилась в Ширазе царица Кетеван пленницей шаха Аббаса. Как передают католические миссионеры, она почти не покидала своего дворца, разве что когда навещала Имам Кули-хана.

В 1624 г. шах Аббас повелел Имам Кули-хану: «Если царица Кетеван не перейдет в ислам, предай ее пыткам, убей в мучениях». Теймураз рассказывает в своей поэме:

Когда Имам Кули-хан услышал об этом страшном поручении,
ужаснулся и сказал: «Как дерзну потребовать это

от царицы, матери Теймураза!

— Хотя и в безвыходном она положении,
знаю, не изменит своей вере, не перейдет в ислам».

Хан Ширази передал шаху через посланца: «Царица в преклонных годах и теперь уж не перейдет в мусульманскую веру, да и что это даст, какая Вам надобность, оставьте ее в покое, смерть ее ляжет на Вас позором».

Видимо, в душе Имам Кули-хана тлела искорка надежды, что он уговорит шаха отказаться от своего бесчеловечного решения. Ведь удавалось же, казалось бы, невозможное: когда шах Аббас решил казнить детей Теймураза, он спас их, ласковыми речами повлиял на шаха. Дважды удалось спасти их. Правда, в конце концов шах все же погубил их, не сумел им помочь хан Ширази...

На этот раз заступничество хана Ширази не дало результатов. Жестокий приговор был вынесен.

Три месяца Имам Кули-хан держал приказ в тайне от Кетеван, прекрасно сознавая, какую опасную игру он ведет, но, оказавшись между двух огней, не находил выхода.

Как мне решиться, как сообщить ей, мне порученной?

А если не исполню приказа —

какой ответ держать перед шахом?

Три месяца медлил хан Ширази, но настал час, когда пришлось объявить царице волю шаха.

«Знаю, не примет она мусульманства», — твердил себе хан Ширази и все же уговаривал царицу подчиниться требованию шаха Аббаса. Он заклинал ее судьбой царя Теймураза, уверял, что от нее зависит будущее ее сына, что этой малой уступкой она облегчит и страдания родины. «Прими веру мусульманскую, разве мы уже не грузины, если придерживаемся веры Мухаммеда? — говорил он и почтительно убеждал: — Не подобает тебе идти на пытки».

Однако царица была непреклонна, готовая к пыткам и смерти. «Благодарна тебе очень, хвалю за доброту и человеколюбие, за то, что радеешь за меня, но невозможно мне отступить от Христа, владыки моего», — сказала она Имам Кули-хану.

Зря надеялся ширазский хан повлиять на судьбу. «Утомился он упрашивать царицу, но не вняла она ему», — сообщает Теймураз Багратиони.

Настал час, Кетеван вознесла к небу свою последнюю молитву:

Дай моему сыну Теймуразу победу над врагом,
а тем, кто опишет мой мучения, уготовь место в раю.

Через семь-восемь месяцев мечта царицы сбылась. Героическое выступление грузинского народа весной 1625 г. возвратило Теймуразу трон Кахетино-Картлийского царства, а иноземцы, свидетели мученической смерти царицы, поведали об этом всей Европе.

Пытку Кетеван опишет и сам Теймураз:

Я, преступник и грешник, скорблю, что не был рядом
и не распяли меня справа от нее, и оттого лью слезы.

...В конце февраля 1627 г. в Ширазе остановилось английское посольство, направлявшееся в Исфахан. Член посольства Томас Херберт описал роскошный прием, устроенный Имам Кули-ханом. Стол накрыт был в просторном зале с двадцатью золочеными колоннами, стены украшала роспись, изображавшая взятие Ормуза.

Сам хан Ширазы появился в зале, когда пир подходил уже к концу, в сопровождении тридцати вооруженных воинов, в великолепных одеждах, с соколами на руках. Хан торжественно выпил за здоровье английского короля.

Самое же интересное в рассказе Томаса Херберта то, что справа от Имам Кули-хана сидел Теймураз — «злосчастный царь Грузии, отважный человек, опытный в ратном деле и твердый в христианской вере».

Каким образом оказался Теймураз в городе, где за три года до этого предали мученической смерти царицу Кетеван?

После разрыва с Георгием Саакадзе Теймураз предпочел пойти на примирение с Ираном, и шах одобрительно отнесся к этому: упорное сопротивление грузинского народа убедило его, что не стереть ему Грузию с лица земли. События 1625 г. нанесли весьма ощутимый удар сефевидскому Ирану, находившемуся в зените своего могущества: от Арабистана до Индии развевались знамена шаха Аббаса, но победы над Ормузом, Кандагаром, Багдадом омрачились тенью Марткоби и Марабды.

Вести переговоры с Теймуразом шах поручил брату Имам Кули-хана — Дауд-хану Ундиладзе. Между ними завязывается переписка, они неоднократно встречаются, и, наконец, Дауд-хан сообщает в Исфахан, что «Теймураз ступил на путь покорности», после чего шах признал его христианским царем Картли и Кахети.

Как много значило для шаха Аббаса примирение с Теймуразом, видно из того, что он за оказанную службу назначил Дауд-хана бегларбегом Ганджи.

Шах Аббас решительно настаивал, чтобы Теймураз в знак полного раскаяния прибыл в Иран. Теймураз выполнил требование шаха, но избежал встречи с ним. Шах Аббас удовлетворился тем, что грузинский царь, «ступивший на путь покорности», поехал в Шираз — к первейшему сановнику его государства. Это компромиссное решение шаха было заслугой Имам Кули-хана.

Пока шах Аббас был жив, братья Ундиладзе пользовались огромным влиянием и властью, но со смертью шаха судьба их резко изменилась...

Армянский историк Закарий Канакерци сообщает, что шах Аббас завещал своему внуку, который стал шахом, отстранить от власти всех влиятельных лиц, чтобы не терпеть от них ущерба для своей власти. Завет деда, видимо, запал в душу внука. Гуляя как-то по саду, он окинул взглядом тополя и сказал: «Слишком высоко поднялись и разрослись эти деревья, надо срубить их и посадить молодые». Сопровождавший его придворный сразу уразумел смысл сказанного и подтвердил: «Да, государь, ты прекрасно изволил сказать: вот моя голова, поступай, как говоришь!» — и, пав на колени, склонил голову, подставляя шею: «Я твой раб, руби мне голову!» Но шах Сефи успокоил охваченного страхом придворного: «Ты не то дерево, которое следует срубить».

Само собой разумеется, что братья Ундиладзе не могли не показаться шаху Сефи теми высокими «деревьями, что поднялись слишком высоко». Их неограниченная власть грозила подорвать власть шаха. Вступившему на трон Сефи не было и двадцати лет, и он, естественно, боялся, что братья Ундиладзе затмят его.

Первый удар был нанесен Дауд-хану.

Вот что повествует Искандер Мунши. Осенью 1630 г. на Багдад напали турки. Шах Сефи двинулся туда с

войском. Его сопровождал Дауд-хан. Несколько человек из каджарской знати подали шаху арзу, жалуясь, что бегларбег Ганджи притесняет их. Шах Сефи не замедлил выразить Дауд-хану свое неудовольствие, но тот продолжал вести себя «непочтительно и высокомерно».

Однажды ночью во время «райского меджлиса» шах снова стал корить и поучать Дауд-хана. Бегларбег не смолчал, и шах в гневе приказал вывести его из меджлиса и наказать. Как сообщает английский автор, за высокомерный разговор с шахом Дауд-хан получил палочные удары по пяткам.

Оскорбленный Дауд-хан спустя некоторое время отправился в Ганджу, думая о мести. Вслед за ним шах Сефи послал в Ганджу соглядатая, дабы не спускать глаз с Дауд-хана, а при удобном случае убить его. Узнав об этом, Дауд-хан установил связь с «любимым и верным» царем Теймуразом, надеясь с его помощью отомстить шаху Сефи и каджарской знати. Через верных людей он сообщил царю, что прибудет в Кахети со всем своим каджарским окружением, и просил встретить их с вооруженными людьми и уничтожить всех до единого.

Царь Теймураз и Дауд-хан перебили каджаров на берегу реки Иори, а в октябре 1632 г. напали на Ганджу и Карабах и опустошили их.

Вероятно, они надеялись, что Имам Кули-хан тоже выступит против шаха. По словам итальянского миссионера Пьетро Авитабиле, шаху Сефи сообщили из Тбилиси, что, если он намерен овладеть Грузией, непременно должен убрать хана Ширази, так как грузины сильно надеются на его помощь.

Шах Сефи предложил Имам Кули-хану немедленно прибыть в Казвин. Хан Ширази ответил, что Фарс граничит с враждебными Ирану соседями, поэтому оставлять провинцию без присмотра неразумно — это может нанести вред и государству, и могуществу шаха.

Тогда шах Сефи напомнил ему, что государством правит он и, какая бы ни приключилась беда, ответственность ляжет на него — шаха Ирана. А если Имам Кули-хан не явится к нему, то он сам явится с войском в Шираз и покарает за неслыханную дерзость.

На угрозу шаха Имам Кули-хан высокомерно отве-

тил, что он сумеет постоять за себя, а крепости Фарса — самые неприступные в Иране.

Опасность гражданской войны напугала шаха: хан Шираза мог прибегнуть к помощи Португалии, отдав ей Ормуз. И в Грузии в это время создалась опасная ситуация. Теймураз и Дауд-хан явно шли против Ирана. Тревожная обстановка заставила шаха Сефи изменить тактику. Щедрыми посулами и подарками он привлек на свою сторону друзей Имам Кули-хана, и те убедили хана покориться.

Трудно сказать, чем бы закончилось восстание ширазского хана. Вряд ли победой. Скорее всего поражением. Он не сделал решительного шага, предпочел отступить, но это, увы, не спасло его.

В начале 1633 г. хан Шираза прибыл к шаху в Казвин с многочисленной свитой и большим войском, достаточным, как ему казалось, для его безопасности. «Не разумел Имам Кули-хан, что, где царит вероломство, там сила ничего не стоит», — замечает итальянский историк Бартоломео Ферро.

Жители Казвина встречали хана Шираза, как самого шаха. Это поразило и неприятно задело шаха Сефи. «Что видят мои глаза! Кто шах Ирана — я или ты? Почему народ принимает тебя с такой любовью?» Имам Кули-хан ответил: «Только лишенный ума позволит себе дерзость равнять меня с Вами. Оказывая мне почет, они тем самым поклоняются Вам, поскольку всем известно, как безмерно ваше благоволение ко мне».

Шах как будто удовлетворился ответом хана Шираза, но про себя уже решил его судьбу.

С Имам Кули-ханом расправились в тот же день. Хан находился в гареме, когда ему сообщили приговор шаха. Он выслушал его спокойно, мужественно и лишь сказал палачу: «Что ж, воля шаха. Об одном прошу — не проливайте крови на глазах у несчастных женщин, не пугайте их».

Последнее желание хана было исполнено.

Лишили жизни и трех его сыновей. Остальным детям Имам Кули-хана выжгли глаза.

Тела казненных трое суток валялись на площади. Возле них сидела старая мать хана и, наверно, по-грузински причитала, оплакивая своего сына и внуков.

Только узнав об этом, шах Сефи распорядился пре-

дать тела земле. Обширные владения ширазского хана были раздроблены и розданы. Все состояние его растащили.

Дауд-хану пришлось покинуть Грузию. Он нашел прибежище в Турции, где и провел остаток жизни. А Теймураз еще раз лишился своего царства. Обо всем этом повествуют католические миссионеры.

«Воздать хвалу ширазскому хану не в силах и мудрецы...»

Имам Кули-хан Ундиладзе разделил участь многих избранных. И не был он в истории Востока, и не только Востока, ни первым, ни последним.

И СМЕРТЬ ВЕРОЛОМНАЯ

Грузинская народная поэзия сохранила противоречивый и красочный образ арагвийского эристава * Зураба. В стихах и песнях о нем любовь соседствует с ненавистью, в них щедро разлиты темные краски, но они не затемняют странной, таинственной притягательности образа Зураба.

Взволнованно звучат строки о жестокости и необузданности Зураба Эристави:

В Рошки плач объял матерей, плачут в каменных домах Бло:
не губи нас, Зураб, бога ради! Кто же опасется от твоего
меча?

Но не помогут слезы матерей, и библейским проклятием зазвучит стих неизвестного горца-хевсура:

Горе изведай, Зураб, пусть тебя унесет река крови!

Как знать, может, этому же горцу принадлежит и восторженная, проникнутая лиризмом строка:

В Сапурцле прибыл Зураб, тростник с берега морского...

Стихотворец любит и восхищается обреченным на смерть героем, статным, как тростник у Базалетского озера. Возможно, и ореол вероломной смерти сыграл тут свою роль, оттеснив обиду на задний план.

Настали последние минуты Зураба Эристави, никому он больше не изменит, никого не предаст и не разорит...

* Э р и с т а в — военачальник области в Грузии.

«...Возникла вражда между государем Теймуразом и Зурабом Эристави», — пишет Вахушти Багратиони.

Вот пролог этого трагического конфликта, приведшего к гибели эристава.

Самоотверженная борьба грузинского народа не позволила шаху Аббасу осуществить свой замысел: уничтожить Грузию. Картлийско-Кахетинским царством правил христианский царь Теймураз, а принявший ислам сын Баграта Симон «сидел в Тбилиси, управляя Сомхити и Сабаратиано (владениями Бараташвили)». Георгий Саакадзе бежал в Турцию.

Среди князей главенствовал Зураб Эристави — зять Теймураза. Он был недоволен тем, что один царь занимал два трона — картлийский и кахетинский, он предпочитал, чтобы Кахетинским царством правил Теймураз, Картлийским — Симон, а он бы «управлял» ими обоими. Кроме того, Зураб был возмущен тем, что царь Теймураз отдал владения Мухран-батони, укрывшегося в Турции вместе с Георгием Саакадзе, своему сыну Датуна, в то время как он сам, арагвийский эристав, рассчитывал завладеть ими после победы в Базалетском бою.

Согласно грузинским источникам, в возникшем конфликте повинен был не столько Теймураз, сколько Зураб.

В изданной в 1704 г. книге Бартоломео Ферро «История театинских миссионеров», написанной по реляциям католических миссионеров, живших в Грузии, мы находим новые сведения о Зурабе Эристави. Бартоломео Ферро считает, что виновником разлада между Зурабом и Теймуразом был последний. Став царем Кахети и Картли, он будто бы считал зазорным для себя иметь зятем одного из своих подданных, не жаловал Зураба и в конце концов решил избавиться от него. Вероятно, именно это и имеет в виду Теймураз в поэме Арчила, когда говорит:

Прошло время, и начали ссорить меня с Зурабом.

Удивляюсь, как не понял он, что обманывают его.

Зятем был он мне, я считал его своим сыном и помнил
о своем долге.

Легко верящий слухам не вызывает у меня доверия.

По мнению Бартоломео Ферро, Зураб решил опередить Теймураза и отобрать у него Картлийское цар-

ство, на которое куда больше прав было у Симона — потомка картлийской ветви династии Багратионов. Зураб легко получил поддержку картлийских феодалов и, когда Теймураз находился в Кахети, объявил царем Картли Симона. Узнав об этом, Теймураз устремился в Картли — восстановить свои права и порядок. Картлийская знать оказалась на стороне Симона, и Теймуразу пришлось вернуться в Кахети за войском. Но было уже поздно. Стараниями Зураба Симон прочно утвердился на картлийском троне. Теймураз махнул рукой, без борьбы уступил Картлийское царство сопернику, но «злоба грызла его», — замечает Бартоломео Ферро.

Зураб достиг своей цели. Симон, благодарный Зурабу, довольный тем, что восстановил свои законные права на картлийский престол без жертв и кровопролития, называл его отцом, пожаловал ему владения Мухранбатони и был во всем послушен, шагу не ступал без его ведома.

Зураб Эривани добился того, что не под силу было самому шаху Аббасу.

До братоубийственной войны дело, к счастью, не дошло, но Зураб все же отдал на разграбление своему войску — в награду за верность — занятый без боя город Гори.

Бартоломео Ферро рассказывает.

Среди ограбленных оказались миссионеры-августинцы, которых года за два до этого поселил в Гори царь Теймураз. Они решили обратиться к Зурабу с жалобой через посредничество театинского миссионера Джакомо ди Стефано. Тот немедленно отправился в Душети — резиденцию арагвийского эривани. Явился прямо во дворец и попросил аудиенции. Джакомо был хорошо известен, и его тут же приняли.

Зураб встретил гостя церемонно, но не стал ни о чем спрашивать, а сказал, предвосхищая просьбу: «Я знаю, из-за чего ты утруждаешь себя. Ты пришел просить за твоих друзей патеров, у которых мои воины отобрали имущество. Прости меня, но на этот раз не могу удовлетворить твою просьбу: воины уже поделили добычу между собой, и я ничего не могу поделать. Если бы они забрали добро у тебя, бедного монаха, я считал бы это преступлением, но речь идет об имуществе бо-

гатых людей, им ничего не стоит снова нажать его. Они скоро получают деньги из Индии».

Несмотря на категорический отказ, Джакомо не пал духом. Он почтительно упрекнул Зураба: «Ты верно изволил заметить, что я явился сюда по этому делу. Я весьма признателен за доброе отношение, которое ты изволил выказать мне, говоря, что никому не позволил бы отбирать у меня имущество, а если бы кто и посмел, то вернул бы мне все назад. Но ты забыл, что имущество это принадлежит тому, перед кем я всего лишь тля. Разве церковная утварь, предназначенная для богослужения, не принадлежит господу богу? Во имя твоего же блага прошу: больше моего добра цени и уважай добро того, кто сотворил мир и даровал жизнь нам обоим. Богово следует вернуть богу!»

Затем Джакомо напомнил Зурабу историю царя Валтасара, который пил вино из золотых и серебряных сосудов, похищенных из Иерусалимского храма, и как показалась вдруг огненная рука, написавшая на стене дворца три таинственных слова: «мене, текел, упарсин». Эти слова предвещали конец царства Валтасара, и всевышний в ту же ночь покарал царя смертью за ограбление его храма.

Весьма сомнительно, помнил ли Зураб библейскую легенду, которую, наверное, знал в детстве, и не таким уж он был слабонервным, чтобы дать запугать себя сказкой, но, по утверждению итальянского историка, монолог Джакомо привел Зураба в такое умиление, что он тут же распорядился принести награбленные вещи. Отобрав сосуды, необходимые для богослужения, Зураб дал их гостю со словами: «Видишь, твои слова убедили меня, и я возвращаю то, что принадлежит богу. Да поможет вам бог пользоваться ими!»

Бартоломео Ферро описывает визит еще одного служителя бога к арагвийскому эриваву. Это был монах по имени Зебеде, направлявшийся из Мегрелии в Иерусалим и по пути оказавшийся в Картли. Он скорбел из-за того, что христианской страной Картли правит мусульманин (царь Симон).

«Зураб-бег! Хорошенько поразмысли, что ты натворил и что творишь! — так начал свою речь Зебеде. — Отатарившемуся царю станут следовать его подданные, и безбожная вера распространится по всему Картли.

Вовремя исправь свою ошибку, не то опустится на твою голову меч господень и покарает тебя, как покарал Валтасара». (Все тем же примером со злополучным Валтасаром запугивали непреклонного арагвийского эристава!)

Эти слова монаха-миссионера так подействовали на Зураба, по словам Бартоломео Ферро, что он тут же покаялся в грехе и решил убить Симона, дабы одним преступлением перечеркнуть другое.

Такова версия итальянского историка.

Но Зураба, надо полагать, куда больше, чем проповедь Зебеде, беспокоило и заставило призадуматься письмо царя Теймураза. По сведениям грузинских летописцев, царь Кахети отправился жаловаться в Исфахан и, уже достигнув границ Ирана, написал Зурабу из Уфадара: «Не подобает зятю быть вероломным с тестем...»

Как сообщает Бартоломео Ферро, Зураб Эристави посоветовал Симону, находившемуся в Тбилиси, поехать в Картли и достойно одарить феодалов, помогавших ему занять трон, так как это укрепит его положение и усилит влияние. Кроме того, по мнению Зураба, Симон должен был непременно покарать тех, кто упорно поддерживал Теймураза, и разделить их владения между своими верными сторонниками.

Совет Зураба показался Симону разумным, и он выехал из Тбилиси в сопровождении малой свиты.

Что угодно мог предположить Симон, только не измену Зураба, выказавшего ему столько любви. Видно, плохо знал он арагвийского эристава, но исправить свою роковую ошибку ему уже не было дано.

В первую же ночь по приказу Зураба Симон, спящий под его «гостеприимным» кровом, был вероломно убит. Произошло это в Цхвилосской крепости.

«Вероломный предатель послал с гонцом голову убитого царя Теймуразу в Кахети, призывая его снова занять отнятый у него же трон Картли», — пишет Бартоломео Ферро.

При виде столь неожиданно преподнесенной ему головы Симона Теймураза охватила глубокая жалость к жестоко убитому молодому царю Картли, и он искренне оплакал своего соперника. «Бедный царь, слезы душаг меня и охватывает безмерная скорбь, когда думаю о

твоей горькой участи: кого любил, тот и предал тебя, и уж не радуется меня, что снова воцарюсь в Картли».

Теймураз призвал картлийских феодалов, обещая простить всех.

Бартоломео Ферро рассказывает о существовавшем в Грузии обычае: царь, призывая к себе повинных в чем-то подданных, в знак их безопасности посылал какую-нибудь свою вещь (меч, кинжал, стрелы). Это было символом царской клятвы, и подданные смело являлись к государю, уверенные, что он великодушно простит каждому его вину.

В соответствии с этим обычаем, Теймураз разослал всем картлийским князьям стрелы из своего колчана, указав место встречи — храм Светицховели в Мцхете.

В назначенный день все явились в древний храм, держа в руках царскую стрелу, и встретились с Теймуразом, прибывшим со своими сторонниками. Картлийские князья по одному подходили к восседавшему на троне царю, возвращая стрелу, и на образе присягали в верности. Теймураз крепко обнимал каждого, показывая тем самым, что прошлые обиды забыты.

Все с нетерпением ждали, как он отнесется к Зурабу Эристави, главному виновнику заговора и измены Теймуразу. При виде Зураба лицо Теймураза омрачилось, он побледнел, но обнял и его, хотя и показал, что в душе все еще возмущен его поступком.

Об этих эпизодах, связанных с царем Теймуразом и Зурабом Эристави, повествует сочинение итальянского историка.

...Теймураз снова владел двумя престолами. Снова под его властью были Сомхити и владения Барташвили, и снова Зураб Эристави выказывал преданность своему тестю, а картлийские феодалы помирились с Теймуразом. Укрепили границы страны и даже решили наказать соседнего правителя, который в свое время усердно помогал шаху Аббасу разорять Кахети. А во главе картлийско-кахетинского войска Теймураз поставил Зураба.

«Вернулся Зураб с победой и явился к государю Теймуразу. И возрадовался государь, возвеселился очень», — сообщается в грузинской летописи.

Казалось бы, все было в порядке, но опять поползли слухи.

Как пишет Парсадан Горгиджанидзе, царю Теймуразу стали нашептывать: «Зураб Эристави убил своего законного господина и Вас непременно убьет, а сам воцарится в Картли и Кахети».

Вот как оправдывает себя Теймураз в поэме Арчила:

Если расскажу тебе все подробно, не будешь думать
обо мне худо,
злые языки причинили мне зло, во имя бога,
не считай меня злодеем...

Так обращается к тени Руставели Теймураз и продолжает:

У языка — ядовитое жало, хуже, чем у аспиды,
я сам испытал это и слышал об этом от других...

За этими строками следует подробное описание губительного действия яда злоязычия:

Стрелой вонзится в ухо — сильнее, чем бьют по наковальне,
замутит чистый взор, чтобы добро представилось злом,
волосы подымет дыбом, до ногтей опалит огнем,
приведет в смятенье того, кто внемлет, даже если он
подобен агнцу.

И, заключая, что злое слово западает в душу и оставляет след, подобно горящему углю, упавшему на подол, когда его вовремя не сбросишь, автор удивляется сам себе:

Коль скоро я понимал это, зачем внимал злым языкам,
опоспособным мягкое сделать тверже камня и расплавить
сталь,
мудрецы с трудом распознают их, что говорить
о простодушных,
злоязычные душат тебя, веревкой обвивая шею.

Яд злоязычия легко достигал цели, поскольку и сам Теймураз был недоволен безмерным возвышением Зураба («Но трудно стерпеть возвышение слуги над господином»). Ядовитое семя попало на благодатную почву.

«Убедили государя Теймураза, и пригласили эристава Зураба в Сапурцле, и убили вероломно за столом», — записал Парсадан Горгиджанидзе.

«Сидел он рядом со мной, я приказал убить его, пролил он кровь свою на моих глазах», — свидетельствует сам царь Теймураз в поэме Арчила.

Итальянский историк говорит, что за пиршественным столом, накрытым в царском шатре, один из придворных, выхватив меч из ножен, страшным ударом рассек Зурабу голову. Арагвийский эристав упал, и над умирающим прокричали: «Изменник! Мой господин Теймураз никогда не помышлял о твоей смерти, хотя ты бесстыдно предал его! Но теперь ты заплатишь за измену Симону собственной смертью!»

Кто знает, дошли ли эти слова до сознания умиравшего Зураба. Беспомощно валялся на земле эристав, прославленный своей отвагой от Дарьяла до Исфахана, израненный, изрубленный, всеми покинутый...

Ярко и выразительно повествует об этом народный стих:

В Сапурцле прибыл Зураб, тростник с берега морского,
постлали ему ковры, чтобы соизволил присесть,
накрыли ему стол, подобный цветнику: —

«Насладись, Зураб, плодами!»

Вероломно обманут тебя, Зураб,— ждут, когда ты уснешь!
Мечом ударил его Барам-батони: «Бейте сына распутницы!»
Моурави-тушинец кинжал вонзил в сердце.

По словам Вахушти, Зураба Эристави убили зимой, надо думать, в начале 1631 г.

Это подтверждается и другими источниками. 12 марта 1631 г. из Рима в Гори прибыли католические миссионеры Арканджело Ламберти и Джузеппе Джудичи. Дня через два они были приняты царем Теймуразом в Сапурцле, где тот ждал встречи с имеретинским царевичем, за которого намеревался отдать свою овдовевшую дочь (бывшую жену Зураба).

Искандер Мунши рассказывает нам эту историю несколько иначе: якобы Зураб, убив Симона, явился к Теймуразу и предложил занять престол Картли, но Теймураз, видя, как вероломен Зураб, не доверился ему и убил, как только представился подходящий случай, а шаху Сефи объяснил это убийство как возмездие за неповиновение шахской власти. Шах проверил слова Теймураза, одобрил его и пожаловал Картлийское царство, за исключением Тбилиси, сыну Теймураза — царевичу Датуна, у которого имелись права на него, как у внука картлийского царя Георгия X (по материнской линии).

Теймураз навсегда избавился от непокорного и веро-

ломного арагвийского эристава, день и ночь помышлявшего об измене ради собственного возвышения.

В Грузии установился мир, говорит Бартоломео Ферро. Царь Теймураз вел мудрую политику, и подданные почитали его своим отцом.

Но трагический конфликт не прошел бесследно для Теймураза. Во сне ли, наяву ли — ему, верно, не раз мерещилась разрубленная голова, потому-то и вложил Арчил в уста Теймураза такие слова:

Боюсь господа, стыжусь людей за содеянное,
пусть не знает покоя сердце и отсохнут руки у меня —
убийцы!

На что мне царство, на что мне владения?
Пусть не на том свете — на этом спросится с меня!

Одинаковый приговор вынесли Зурабу Эристави оба историка — и грузинский и итальянский.

Бери Эгнаташвили пишет: «И свершилось сказанное богом: „Кто возьмется за меч, от меча и погибнет“».

По словам Бартоломео Ферро, так погиб тот, кто восстал на своего господина и предал друга, предатель не достоин был жить, и хотя господь запаздывает иной раз с карой, совсем ее не отменяет.

Мы не можем обвинить этих авторов в пристрастии: и грузин и итальянец не закрывают глаза на злодеяние царя Теймураза.

Измена и вероломство сопутствовали Зурабу Эристави при жизни, и смерть ему выпала вероломная. Может быть, действительно заслуживал такой смерти человек, ослепивший родного брата, безжалостно убивший шестьдесят хевсуров, званных на пир, не раз и не два разорявший Пшав-Хевсурети...

Разве совершивший столько преступлений не заслуживал одной смерти, пусть даже вероломной? Но если это так, о чем же скорбит безвестный стихотворец:

Вряд ли родится воин, подобный Зурабу...

Верно, любовь затеняла ненависть: память народа нелегко поступалась отважным героем битв с кызыл-башами у Марткоби и Марабды, и столько раз проклятого Зураба оплакивают от лица его матери:

Кто убил тебя, сын мой Зураб,
что скопало руки герою?

Кто отнял у тебя власть над Картли и Арагви,
не думала, что кто-либо одолеет тебя...

Эти строчки родились в тех же горах, куда послали гонца оповестить всех о радости — о смерти Зураба Эристави.

Пусть женщины Хевсурети спят спокойно:
в Сапурцле убили Зураба,
не нагрянет больше с войском.

Да, знали: не нападет больше на вольных горцев арагвийский эристав: в Сапурцле он пришел, а уйти оттуда ему уже не пришлось.

Навеки покинул он Душети и Ананури и занял место на страницах истории.

НЕ МЕЧОМ ЕДИНЫМ

В поэме Иэсе Тлашадзе, которая вполне может считаться стихотворной летописью, обращает на себя внимание такая строчка: «Не ведаешь разве, что грузин мечом добывал свой хлеб насущный?»

Автор имеет в виду прежде всего то, что грузину приходилось добывать хлеб насущный, проливая не только пот, но и кровь, защищая от чужеземцев свои пашни и виноградники. Однако эта строка, без сомнения, говорит и о том, что превратности жизни не так уж редко вынуждали грузинский меч служить смертельному врагу. В Тбилисской крепости стоял гарнизон кызылбашей, а грузинские воины сражались во славу сефевидского Ирана, осаждая неприступные крепости Багдада или Кандагара. Одним словом, умелое владение мечом кормило грузин, угнанных в чужие края.

Когда выделяют одну какую-либо исключительную черту народа, скажем отвагу или трудолюбие, она затеняет другие, не менее значимые национальные черты, которые не следует упускать из виду.

Слова грузинского поэта о том, что грузины мечом добывали хлеб, звучат красивым афоризмом, но содержат лишь одну сторону истины. Разве мечом добывал себе хлеб священник Георгий, упомянутый в книге Пьетро делла Валле? Имам Кули-хан Ундиладзе доверял ему уход за знаменитыми ширазскими садами, а иногда посылал его даже в Исфahan присматривать за садами сефевидского шаха. Разве мечом добывал себе хлеб придворный живописец шаха Тахмасапа, о кото-

ром Искандер Мунши писал, что грузин Сиаош-бег достиг в своем деле невиданного успеха? Разве мечом кормили себя крестьяне, переселенные из Грузии в окрестности Шираза? Их виноградники, как говорили, радовали глаз друга и ослепляли недруга.

Во второй половине XVII в. англичанин Джон Фрай по пути из Шираза в Исфахан повстречал «грузин-христиан, земледельцев и виноградарей». Английский путешественник отмечает плодородие разведенных ими на склонах гор виноградников.

И. А. Джавахишвили обратил внимание на то, что один из сортов белого винограда известен европейцам под названием «ширазули» (т. е. ширазский). Правда, этот сорт считается персидским, но грузинский суффикс *-ули* указывает, что слово это грузинского происхождения. Видимо, европейцы восприняли его от грузин, переселенных в Шираз. По словам Адама Олеария, ширазский виноград славился на весь Иран, а вино, изготовленное руками грузинских виноделов, было любимым напитком шаха и придворной знати. Адам Олеарий никогда не был в Ширазе, но, ссылаясь на своего друга, некоего фон Мандело, говорит, что даже в самом Ширазе вино это стоило очень дорого, а уж за его пределами — а оно вывозилось во все уголки Ирана — должно было продаваться еще дороже.

Сефевиды не отказывали себе в запретном напитке, убежденные, что строгие предписания шариата обязательны лишь для простых людей. По словам Адама Олеария, шах Сефи и сам был большой охотник до вина, а из вельмож особенно жаловал тех, кто не уступал ему в пристрастии к нему.

Ни один автор не относит шаха Аббаса к числу поклонников Бахуса, но и он время от времени смачивал горло, хотя особым приказом запретил пить вино всем мусульманским подданным и грозил суровой карой тем, кто не страшился гнева Аллаха.

Одни вельможи пили тайком, другие — открыто, оправдываясь законами гостеприимства, а третьи выпрашивали у шаха Аббаса дозволения пить, ссылаясь на то, что вино прописано лекарем.

...Грузины, славившиеся как виноградари и садоводы, пытали счастье и в торговле. Адам Олеарий пишет, что в столице Сефевидов Исфахане жили купцы

разных национальностей — англичане, голландцы, французы, итальянцы, испанцы, персы, индийцы, турки, евреи, армяне, грузины. Грузинские купцы располагались в пригороде, называвшемся Хасанабадом, и по своим торговым делам часто отправлялись в дальние страны.

Во времена шаха Аббаса особенно прославился некий купец-грузин (имени его Олеарий не называет), который доставил из Венеции в Исфахан несколько индеек. Их в Иране никогда прежде не видели. (Как известно, в Европе индейки появились после открытия Америки. В Англии — в 1524 г., в Германии — в 1534 г. и во Франции — чуть позже. На первых порах эта заморская птица была такой редкой и стоила так дорого, что в Венеции, например, городской совет решал, когда можно было подать на стол «индийского петуха».)

Грузинский купец продавал в Исфахане каждую индейку по одному туману. Разумеется, не всем довелось отведать диковинной птицы. Кому подавали ширазское вино, тот вкушал и деликатес, попавший из Венеции в Исфахан стараниями грузинского купца.

Но что значит какая-то индейка по сравнению с новым видом транспорта, который пытались ввести в Иране грузины?

Вот что рассказывает Пьетро делла Валле.

Воскресным вечером 7 июля 1619 г. на главной площади Исфахана шах Аббас принимал богатые дары из Шираза от Имам Кули-хана. На церемонии присутствовали послы Индии и Турции.

Ширазский хан прислал шаху сорок отборных коней ценной породы, семь верблюдов с вьюками, полными драгоценных камней. Затем следовали четырехколесные, подобные римским коляскам, запряженные лошадьми повозки. На каждой повозке красовалось по две «головки» сахару, такие большие, что они занимали всю повозку. Демонстрируя сахар перед индийским послом, персы как бы намекали, что он имеется не только в Индии. По утверждению Пьетро делла Валле, эти запряженные лошадьми повозки ввели в Иран грузины. Но каким образом?

Можно предположить, что Имам Кули-хан Ундиладзе заимствовал незнакомый, но удобный вид транспорта у европейцев. Как раз в те самые годы готовился

военный союз Ирана с Англией против укрепившихся в Ормузе португальцев. Ширазский хан, «главное орудие» и вдохновитель этого союза, согласно английскому источнику, был в достаточно близких отношениях с англичанами, знаком с их бытом, следствием чего и было, видимо, освоение четырехколесных колясок грузинами, жившими в Ширазе.

На главной площади Исфахана, длина которой равнялась 700 шагам, а ширина — 250, перед шахом Аббасом величественно проплыла вереница необычных повозок.

Однако на изрезанной каналами земле Ирана европейская коляска не получила распространения. Адам Олеарий, посетивший Иран уже при шахе Сефи, отмечал, что там не знали четырехколесного транспорта.

«БЫЛ УНДИЛАДЗЕ ДАВИД...»

«Был Ундиладзе Давид бегларбегом Ганджи», — сообщает Вахушти Багратиони. Давида Ундиладзе, т. е. Дауд-хана, упоминают и другие грузинские историки, но наиболее подробные сведения о нем мы находим в иностранных источниках.

Дауд-хан — сын известного Аллаверды-хана, младший брат хана Ширази Имам Кули-хана. Он был более тесно связан с Грузией, чем его отец и брат. И не случайно Вахушти называет мусульманина Дауд-хана, иранского бегларбега Ганджи, по-грузински — Давид Ундиладзе.

Слава отца и старшего брата ничуть не затмила Дауд-хана. Его политическая карьера сулила ему многое. Еще в 1614 г. сефевидское войско под водительством Дауд-хана нанесло поражение португальцам и завоевало Ирану новую территорию — Гомбрун со всей прибрежной полосой. Шах Аббас вскоре превратил Гомбрун в главный порт Ирана и переименовал в Бендер-Аббас.

В 1618 г., когда турки подошли к Ардебилу, во главе войска ширазского хана стал Дауд-хан, который, по выражению Пьетро делла Валле, «был в сражении удачливее Имам Кули-хана».

Особенно хорошо послужил Дауд-хан сефевидскому

государству в 1626 г. Как передает английский источник, шах Аббас и Имам Кули-хан направили вспомогательные силы на подмогу осажденному турками Багдаду. В это самое время союзники турок курды стали разорять окрестности Тебриза, чтобы вынудить кызылбашей оттянуть часть войск от Багдада и тем самым облегчить положение турок. Легко понять, как важен был в этой ситуации нейтралитет Грузии, что и было обеспечено усилиями Дауд-хана.

Он согласился посредничать между Теймуразом и шахом Аббасом и с честью справился с этим сложным делом: шах Аббас признал своего врага Теймураза царем Картли и Кахети, а Теймураз отказался от турецкой ориентации.

Искандер Мунши пишет: «Поскольку Мухаммед Кули-хан Зияд-оглы был как-то повинен в выступлении грузинского Моурави против шаха Аббаса, тот снял его с высокой должности бегларбега Карабаха и поставил на его место младшего сына Аллаверды-хана — Дауд-хана. И повелел племени каджаров и всему карабахскому войску быть в подчинении у Дауд-хана и предоставил ему полную власть и независимость в той провинции».

Этот же автор сообщает, что между Дауд-ханом и царем Теймуразом установились добрые, близкие отношения. Они встречались время от времени, охотились по нескольку дней в прибрежных рощах Иори и Алазани, потом дружески прощались на границе Грузии с Карабахом. А итальянский историк Бартоломео Ферро говорит, что царь Картли и Кахети и бегларбег Ганджи поклялись друг другу в братстве.

Прошло время, и клятва их блестяще выдержала испытание уже при шахе Сефи. Когда в 1629 г., после смерти шаха Аббаса, на престол Ирана взошел его внук Сефи, он не стал считаться с заслугами тех, кто выдвинулся при шахе Аббасе. Судьба не наделила внука умом и способностями деда, хотя в коварстве и жестокости он не уступал последнему. Карал он без долгих раздумий, не разбирая, кто прав, кто виноват, не щадил ни врага, ни друга.

Он ослепил своего младшего брата и заточил его вместе с царевичами, ослепленными еще Аббасом, в Аламутскую крепость, а немного позже велел сбросить

их с отвесной скалы, сказав, что всё равно никакой пользы от них нет. Казнил он и зятя шаха Аббаса — Иса-хана-корчи-башы.

За ничтожную оплошность шах Сефи собственно-ручно вонзил меч в живот этемад од-доуле (первому везиру), после чего велел палачу отрубить убитому голову. Один из молодых придворных, не выдержав жуткого зрелища, отвернулся. От шаха это не укрылось, и он заметил с издевкой: «Слабое ж, однако, у тебя зрение!» — и приказал выколоть ему глаза.

Некоему Угурлу-хану отрубили голову и преподнесли шаху Сефи. Он тронул палкой мертвую голову и молвил: «А ведь ты был храбрым человеком! Ах, как жаль тебя, как жаль твоих прекрасных усов!»

Поэту, описавшему казнь невинных сановников и якобы даже спевшему свое сочинение на городской площади, по приказанию шаха отрезали сперва нос, потом руки и, наконец, ноги.

Шах Сефи призвал к себе сыновей казненных вельмож и сказал: «Я умертвил ваших отцов, что вы скажете на это?» И один из них бойко ответил: «Что мне отец! Шах мне отец!» И получил в награду состояние отца. Другой же растерялся и ничего не сумел сказать, за что лишился и состояния, и отца, и матери.

В конце концов в кубок шаха подсыпали яду. Яд, однако, не оказал смертельного действия — правитель Ирана проболел два месяца, а когда поправился, тотчас приступил к поискам виновных, обещая доносчикам щедрую награду. Одна из служанок обвинила женщин гарема. Молодой шах и не попытался проверить, так ли это: велел выкопать в саду глубокую яму и живо закопал в ней сорок женщин из своего гарема.

Европейские авторы утверждают, что Иран не знал более жестокого и кровавого шаха, чем Сефи. В управление государством он почти не вмешивался — охотился, предавался разгулу, и подданные, может, и позабыли бы, что у них есть государь, если бы он не напоминал о себе своими злодеяниями.

...Над братьями Ундиладзе сгущались тучи.

Шах Сефи не упускал случая унижить Дауд-хана. Когда несколько человек из каджарской знати пожаловались шаху на Дауд-хана, он, как уже известно читателю, велел выставить его из меджлиса и подверг

наказанию палочными ударами по пяткам, после чего Дауд-хан уехал к себе в Ганджу, затаив обиду и на шаха, и на всю каджарскую знать.

Парсадан Горгиджанидзе тоже пишет о выдворении Дауд-хана из меджлиса, но причиной, по его словам, был Хосро-мирза (Ростом), будущий царь Картли, ближайший советник и «названный отец» молодого шаха.

Вражду между Хосро-мирзой и братьями Ундиладзе породила, вероятно, борьба за влияние при дворе Сефевидов. Кроме того, Ростому, претенденту на картлийский престол, вряд ли была по душе дружба братьев Ундиладзе с царем Картли и Кахети Теймуразом.

О дальнейших событиях повествуют итальянцы Арканджело Ламберти, Пьетро Авитабиле, Джусто Прато, Бартоломео Ферро.

Шах Сефи жаждал укротить братьев Ундиладзе, но, страшась их могущества, действовал очень осторожно. Он шел по пути своего коварного деда. Когда Дауд-хан без дозволения шаха покинул двор и уехал к себе в Ганджу, тот не наказал его, не отстранил от управления Ганджой и Карабахом, а пожаловал новое владение, а именно Тбилиси, но при этом направил начальнику Тбилисской крепости тайный приказ: заточить Дауд-хана, когда он туда прибудет, и задушить его там. Дауд-хан оказался достаточно проницательным и остался в Гандже, а в Тбилиси послал своего наместника.

Видя, что не так-то просто завлечь бегларбега Ганджи в западню, шах Сефи подослал к Дауд-хану убийцу, который должен был одним выстрелом из ружья покончить со своей жертвой. Дауд-хан понял, что ему надо покинуть сефевидское государство, но прежде он решил расправиться с каджарской знатью и попросил царя Теймураза снарядить войско для похода на Ганджу и Карабах.

Тут-то и настал час испытания дружбы Теймураза с Дауд-ханом не только на пиру, но и в беде.

В сентябре 1632 г. Дауд-хан с семьей покинул Ганджу, забрав все свое имущество. Вместе с ним отправилась каджарская знать в сопровождении карабахского войска.

Никто ничего не заподозрил, так как Дауд-хан по несколько раз в год ездил в Грузию и на этот раз сказал, что едет охотиться в иорских рощах.

Теймураз встретил гостей на берегу реки Иори и повел их к своему шатру. Едва все расселись на ковре, грузины окружили их и всех перебили. В суматошной резне чуть не прикончили и самого Дауд-хана. Судьбу каджарской знати разделило и все карабахское войско. Как пишет Искандер Мунши, никто не спасся: в мгновение ока все «испили шербет мученической смерти».

Персидский историк приводит рассказ чудом уцелевшего муллы: «Когда на равнине засверкали мечи грузин, я помчался назад сообщить Дауд-хану об измене, убивают, дескать, твоих людей. Я волновался, говорил ему, чтобы он хоть о себе позаботился, уберется от беды, если может, а Дауд-хан засмеялся и говорит: не волнуйся, мулла, ничего страшного, это просто забава, еще не раз увидишь такое!»

Эти слова Дауд-хана сбылись. Дважды подряд опустошали войны Теймураза Ганджу и Карабах.

Бунт бегларбега Ганджи против шаха был, видимо, настолько неожиданным и невероятным, что весть о нем, поступившая в Иран из Грузии, неузнаваемо искажилась. Агент английской Ост-Индской компании в письме от 27 января 1633 г. сообщал ее президенту: ширазский хан по личному приказу шаха двинул войска против грузин, которые вторглись на территорию Ирана, разорили провинции, нанесли поражение войскам шаха и взяли в плен Дауд-хана!

...Находившиеся в Грузии католические миссионеры хорошо знали Дауд-хана Ундиладзе. Еще до его выступления против шаха, летом 1632 г., в Ганджу отправились Пьетро Авитабиле и Джакомо ди Стефано. Они явились к Дауд-хану с жалобой на какую-то несправедливость кызылбашей, стоявших в Тбилиси. Бегларбег Ганджи принял их сердечно и приказал начальнику Тбилисской крепости помочь миссионерам. Как передают миссионеры, Дауд-хан был очень доволен беседой и несколько раз приглашал их обедать.

Джакомо отвез приказ бегларбега в Тбилиси, а Пьетро остался в Гандже, так как Дауд-хан пожелал, чтобы и там была основана католическая миссия. Он выделил миссионерам хорошее место для постройки церкви и дома.

Пока Джакомо добирался до Тбилиси, стремительно

развернулись новые события: выступление Дауд-хана, отъезд его в Кахети и истребление каджарской знати.

Кызылбаши испугались, что Теймураз и Дауд-хан захватят Тбилисскую крепость, заперли город, и Джакомо пришлось отправиться в Гори.

Среди военной добычи, прибывшей из Ганджи с войском Дауд-хана, миссионеры обнаружили латинские и итальянские книги и решили, что Пьетро погиб. Джакомо явился к Дауд-хану в Кахети разузнать, что произошло после его отъезда. Дауд-хан заверил миссионера, что никто не стал бы убивать слугителя господ бога, а Пьетро, вероятно, укрылся в горах. «Не беспокойся, падре,— сказал Дауд-хан,— немного погодя я снова пойду в поход на Ганджу и обещаю найти вашего друга, верну вам его живым и невредимым».

Во время похода на Ганджу Дауд-хан не забыл своего обещания и разослал людей в окрестные горы на поиски Пьетро. Пропавшего миссионера нашли в какой-то деревушке, где он скрывался в доме армянского священника.

Дауд-хан встретил Пьетро радушно и обещал свое покровительство. Тот сопровождал Дауд-хана из Ганджи в Гори, ел с ним вместе и спал в его палатке. Дауд-хан пожаловал ему коня с богатым убранством.

Миссионеры не знали, как отблагодарить Дауд-хана за его великодушие, благородство и щедрость: помимо всего прочего он помог им и деньгами. Дауд-хан часто беседовал с ними о христианской вере, и в Гори пошла молва, будто он собирается перейти в христианство.

Узнав, что один из миссионеров, некий Каэтано, умел шить, Дауд-хан заказал ему плащ итальянского покроя. Желание его тут же было исполнено. Плащ очень понравился Дауд-хану, он носил его и в хорошую и в плохую погоду. Кое-кто из вельмож насмеялся: не пристало, мол, грузину такое одеяние, но Дауд-хан вежливо заметил: это они заслуживают порицания, отказывая себе в удобных вещах только потому, что они не приняты у нас. Немного спустя он заказал тому же Каэтано шапку и сапоги.

Миссионеры пригласили к себе Дауд-хана на рождество, но не могли решить, как принять грузина-мусульманина — по-персидски или по-европейски. Долго лома-

ли голову и наконец предоставили все решить самому Дауд-хану, а тот сказал им: «В гости приглашаете вы, итальянцы, я буду обедать так, как принято у вас». Дауд-хану по вкусу пришлось их жилище. Он внимательно осмотрел церковь и щедро одарил миссионеров.

В Гори находился посол эрзрумского паши, который от имени турецкого султана предложил Дауд-хану назначить его правителем Ганджи, если он передаст ее Турции. Иначе говоря, Дауд-хану предлагали сменить кызылбашский халат на турецкий, бегларбегу Ганджи превратиться в пашу Ганджи, после чего он, Давид Ундиладзе, как его звали на родине, стал бы вместо персидского Дауд-хана турецким Дауд-пашой.

Неизвестно, что ответил Дауд-хан турецкому послу. Да и что он мог ответить?

Хотя он с войском Теймураза дважды нападал на свои бывшие владения, Ганджу и Карабах, теперь они фактически стали для него недосыгаемы. Шах Сефи уже назначил нового бегларбега, и Дауд-хан лишь силой оружия мог вернуть себе Ганджу и Карабах. Он ждал помощи со стороны старшего брата, а хан Ширази медлил выступать против шаха.

Посол эрзрумского паши не случайно появился в Гори. Весть о выступлении Дауд-хана и царя Теймураза против шаха Сефи обрадовала турок. Врагам кызылбашей уже рисовались заманчивые перспективы. Турция надеялась извлечь пользу из столкновения грузин с персами, и кто знает, как изменился бы ход многолетней ирано-турецкой войны.

Этого самого турецкого посла Дауд-хан взял с собой в гости к миссионерам, показать, как чисто и красиво у них и в церкви и в доме.

А на следующий день после этого посещения Дауд-хан внезапно покинул Гори и вместе с упомянутым послом отправился в Турцию.

«Несчастному Дауд-хану пришлось бежать на чужбину, — пишет Пьетро Авитабиле. — Он оставил нас всех сильно опечаленными».

Что вынудило Дауд-хана укрыться в Турции? Теймураз объясняет это в поэме Арчила «Спор царя Теймураза с Руставели»:

Шах просил меня, обещая многие милости:

«Не воюй против меня, предай мне Дауд-хана,

я осыплю тебя милостями, верь моему слову»,
но я не отдал его убивать — мы были связаны клятвой.

Шах Сефи и царю Теймуразу не собирался прощать истребления каджарской знати, нападения на Ганджу и Карабах и их разорения. Но в первую очередь он, видно, жаждал крови Дауд-хана. В глазах кызылбашей измена Дауд-хана была преступнее измены христианского царя Кахети и Картли, который вот уже двадцать лет не покорялся шаху и не упускал случая нанести сефевидской империи чувствительный удар. Другое дело — Дауд-хан: сын грузина-мусульманина, воспитанный в мусульманской вере, придворный и подданный иранского шаха.

Как знать, возможно, шах Сефи действительно хоть на время закрыл бы глаза на «проступки» Теймураза, если бы заполучил Дауд-хана. Но разве мог Теймураз выдать друга и побратима, разве мог он нарушить каноны рыцарской чести? Над этим при дворе шаха и не задумывались.

Дауд-хан предпочел покинуть Грузию. Так было лучше и для него и для Теймураза.

Борьба с кызылбашами должна была продолжаться из Османской Турции.

Бывший бегларбег Ганджи прибыл в Стамбул как посол царя Теймураза. А шах Сефи выместил злобу на старшем из братьев Ундиладзе — Имам Кули-хане. Он получил прекрасный повод расправиться с безмерно возвысившимся ширазским ханом.

В начале 1633 г. в Казвин приехал Имам Кули-хан, и его, как известно, казнили. Шах Сефи дал волю своим садистским наклонностям: исполнение приговора поручил зятю самого ширазского хана, грузинам по происхождению, Дауд-бегу и Али Кули-бегу.

Английский автор, объясняя казнь Имам Кули-хана, говорит, что, хотя ширазский хан всячески уговаривал своего младшего брата вернуться и покориться шаху, старания его оказались тщетными и разъяренный шах поклялся смертью его самого.

Парсадан Горгиτζанидзе сообщает, что по приказу шаха Сефи детей Дауд-хана подвергли оскотлению, и заключает: «И в Турции не сыскал он почета из-за гордыни, только зря загубил своего брата. Недаром сказано: предавшему господина своего не видеть добра,

разве что не в меру жесток и несправедлив господин». Явно спорно утверждение грузинского историка.

«Так был истреблен блистательный род Аллаверды-хана из-за окаянного Дауда», — замечает Искандер Мунши и, словно бы желая оправдать бесчеловечную месть шаха Сефи, ссылается на стих:

Если один из рода поступает неразумно,
не останется от рода ни малого, ни старого.

Но имена Ундиладзе не канули в море забвения. В Исфахане и поныне высится над рекой Зандеруд каменный мост длиной в триста пятьдесят шагов, который построил на свои средства Аллаверды-хан.

Братья Ундиладзе заняли почетное место в сочинениях Пьетро делла Валле, Адама Олеария, Арканджело Ламберти, Жан-Батиста Тавернье, Бартоломео Ферро, в поэзии Теймураза и Арчила.

Сохранился и портрет Давида Ундиладзе, выполненный побывавшим в Грузии итальянским миссионером Христофором Кастелли. На портрете надпись: «Дауд-хан, брат хана Шираза, благодетель наших патеров в Грузинском царстве».

ТАЙНА ОДНОГО ПОХОДА

В своей грамоте от 1631 г. царь Теймураз I говорит: «Я, ничтожнейший среди царей, царь картлийцев и кахетинцев милостью божьей, а не добрыми делами...»

Откуда такое самоуничижение в словах гордого грузинского царя? И. А. Джавахишвили отмечает, что ни в каких других царских грамотах не встречается подобное умаление собственной личности — грамота Теймураза первая в этом роде. Почему неутомимый борец за независимость своей страны, царь-воин заговорил вдруг подобно иноку? «Я, несовершенный в познаниях, убогий в своих деяниях...» — читаем мы в другой грамоте.

Вероятно, превратности судьбы оставили жестокий след в его душе. Теймуразу было всего двадцать пять лет, когда «зной засушливого лета опалил весеннюю зелень молодости, увяла роза жизни, остались шипы, и

карканье ворона заглушило любовные трели соловья, минула пора утех и радостей, наступила пора скорби и горя», и тяжелая цепь бедствий царя растянулась на долгие годы. В своей поэме Теймураз говорит:

О судьба, почему меня одного обрекла на страдания?
Почему на меня одного обрушились все удары твоего
смертоносного меча?

Действительно, кажется, никого другого судьба «не осыпала» так щедро невзгодами и бедами. Не счесть их, и никто не скажет, какой день был самым черным в жизни Теймураза, какое бедствие самым страшным: разорение родины врагом, взятие заложниками его родных сыновей, чудовищные пытки, которым подвергли его мать, царицу Кетеван, безвременная гибель любимого шурина и друга, царя Луарсаба, от руки палача, кратковременные победы, сменяемые долгими поражениями, бесконечные скитания беглого царя по чужим странам. Кахетинское царство было в руках чужеземца Пейкар-хана, а он, законный царь, искал справедливости у турецкого султана. Чтобы избавиться от одного дракона, он бежал к другому, добываясь помощи,— иного пути не было. С призывом о поддержке Теймураз обращался и к северному царю, однако большое расстояние отделяло Грузию от единой России, и сама Россия не располагала еще такой силой, чтобы активно вмешиваться в дела Закавказья.

«Сама Грузия была мала и раздроблена на части, не прекращалась вражда между ними и соперничество» — горькая правда звучит в этих словах Парсадана Горгиджанидзе.

Зажатой между двумя мусульманскими мирами Грузии некуда было отступать. С одной стороны наступали османы, с другой наседали кызылбаши. По выражению того же Парсадана Горгиджанидзе, грузинам то в одну сторону приходилось замахиваться мечом, то в другую, но легко ли было отбиваться от могущественных государств? В этих условиях одним только мечом невозможно было добиться цели — избавиться от вторжений врага. Нужна была изворотливость.

В бесконечных войнах между Ираном и Турцией много значило, на чьей стороне оказывалась Грузия, и гру-

зинская дипломатия неустанно искала самого разумного выхода из тупика, в который попадала страна.

Жизнь царя Теймураза на чужбине нельзя было назвать царской. Прибывший в Рим посол Грузии Никифор Ирбах отмечал в своей реляции, что царь Теймураз часто сидел на хлебе и воде и, случалось, даже спал на голых досках.

«Сколько бед и невзгод, преследований и гонений претерперл он со стороны безбожника шаха Аббаса!» — со скорбью отмечает один грузинский летописец.

...Но миновало душливное лето. Неустанная борьба грузинского народа принесла плоды: мечом было стерто ненавистное слово «отатаривание». Теймураз вернулся на родину, и его снова благословили на трон Картлийско-Кахетинского царства.

Не смог шах Аббас уничтожить Грузию. А вскоре неподкупный ангел смерти явился к нему и отправил в царство вечной тьмы.

Для Теймураза наступила пора золотой осени. Никто больше не оспаривал у него венца. Никто не вступал с ним больше в борьбу: не было уже на свете Георгия Саакадзе, Зураба Эристави и «отатарившегося» царя Картли Симона.

В поэме Арчила «Спор Теймураза с Руставели» Теймураз гордо произносит:

Всех непокорных и двоедушных я привел в повиновение,
непокорным не дал ничего, верных осыпал милостями.

Правда, оставался еще один претендент на трон Картли — Хосро-мирза, куллар-агасы Ирана, потомок картлийских Багратионов, не думавший отступаться от своих прав. Большим влиянием пользовался при дворе шаха соперник Теймураза, но это пока еще не подрывало добрых отношений Теймураза с сефевидским государем.

Итальянский миссионер Пьетро Авитабиле уверяет, что шах Сефи получил от своего прославленного деда, шаха Аббаса, завет поддерживать с царем Теймуразом добрые отношения.

Шах Сефи последовал завету деда и в знак своего расположения к грузинскому царю даровал ему Сомхити и Сабаратиано (владения Бараташвили). Сообщение Пьетро Авитабиле требует некоторого уточне-

ния. Эти земли и без того были под властью царя Теймураза после убийства царя Симона Зурабом Эристава. Но что и говорить, подтверждение шахом Сефи власти и права Теймураза на них имело определенное значение.

По словам того же Пьетро Авитабиле, шах Сефи, желая укрепить союз с Теймуразом, намеревался вступить в брак с его дочерью и отправил ей ценные подарки в знак обручения. Дочь Теймураза Тинатин, очевидно, была тогда еще мала, и свадьба состоялась лишь несколько лет спустя.

Одним словом, Теймуразу ниоткуда ничто не грозило.

В 1631 г. папа римский, передав слова приветствия «царю Иберии», не поскупился на комплименты: «Слава о Вас и Вашей доблестной победе вышла за пределы Вашего царства, обошла страны Европы и, одолев бурные волны Средиземного моря, достигла Рима...»

Следующий, 1632 год обозначил еще одну веху на жизненном пути Теймураза. В тот год он собственноручно подрубил сук своей судьбы, упустил тяжелой борьбой добытый трон Картлийско-Кахетинского царства.

Вот что говорит он в поэме Арчила:

В Гандже бегларбегом был Дауд-хан Ундиладзе,
отступился он от шаха и обратился ко мне, вступили
мы в союз,
привел он с собой всю каджарскую знать, расположились
они на Иори.
По его просьбе кахетинцы напали на них и истребили.

Отъезд Дауд-хана Ундиладзе из Ганджи в Грузию и истребление каджарской знати на берегу Иори с помощью Теймураза было первым действием драмы, которая началась в сентябре 1632 г. и трагически закончилась для Теймураза в феврале 1633 г.

Искандер Мунши утверждает, будто Дауд-хан убедил Теймураза, что благорасположение шаха Сефи мнимое, неискреннее, что оно должно усыпить бдительность Теймураза, которого шах намерен свергнуть при первом же удобном случае. Да и сам Теймураз понимал, что шах Сефи, ставший шахом благодаря Хосромирзе, рано или поздно постарается отблагодарить свое-

го благодетеля. А тому в качестве высшей награды, разумеется, мерещился трон Картли.

Второе действие драмы разыгралось в октябре — ноябре 1632 г. Теймураз по просьбе Дауд-хана разорил Ганджу и Карабах.

Итальянский историк Бартоломео Ферро передает, что жители Ганджи не успели даже укрыться в окрестных горах — так стремительно налетело грузинское войско на город вслед за вестью о его приближении, как гром вслед за сверкнувшей молнией. Искандер Мунши дополняет картину: «Вопли достигали седьмого неба, жители и воины охвачены были ужасом».

Войско Теймураза всю область предало огню и мечу, захватило несметную добычу — «овец, коров, шелк и много всякого добра». Опустошив район Ганджи, Теймураз через несколько дней отвел войско в свои владения, чтобы с еще большими силами вернуться и закончить разорение Карабаха.

Второе нападение произошло приблизительно через месяц. И на этот раз добыча была так велика, что, по словам Арканджело Ламберти, буйвола, например, захваченного во время похода, продавали по цене двадцати лепешек.

1632 год может считаться вершиной военных успехов царя Теймураза.

Кто бы мог представить себе всего лет десять назад, когда кызылбаши безнаказанно бесчинствовали на растоптанной ими грузинской земле, что царь Теймураз дважды кряду пронесется с войском по одной из главных провинций своего грозного врага!

Это небывалый эпизод в довольно длительной истории взаимоотношений сефевидского Ирана и Грузии.

По словам Парсадана Горгиджанидзе, Теймураз напал на Карабах не один. Бок о бок с ним бился царевич Александр из Имерети со своим войском, Леван Дадзиани с войском из Одиши, князья и дворяне из Месхети. Иначе говоря, выступила почти вся Грузия, как во времена Давида Строителя и царицы Тамар.

К упоенному победой грузинскому царю прямо в Карабах прибыл со своим войском армянский патриарх Гандзасара и сказал ему: «Султан и шах воюют друг с другом, лучшего часа не будет. При тебе войска всех семи областей Грузии, сорок тысяч воинов с ружьями

я тебе дам, отправляйся прямо отсюда в Тебриз, семь дней разоряйте Тебриз и засчитай войску как плату за семь лет службы и, пока шах соберет войско, смени правителей в Азербайджане, посади всюду своих подчиненных, а меня направь к султану, приведу от него войско на подмогу, а если шах пойдет против нас, будем биться с ним, и они не смогут осилить грузин, ибо отступать грузины не станут — далеко бежать до дому — и знают: если отступят и убегут, перебьют их в пути, и потому никто не станет помышлять о бегстве, а будут биться и воевать яростно, и победа достанется вам, благословим тебя на царство и тобой спасется христианский мир и укрепится».

Однако Теймураз не принял заманчивого предложения патриарха, а посвятил его в свои намерения: «Эту зиму проведу в Картли, отправлю дары султану, дам передохнуть войску, а весной с еще большими силами отправлюсь в поход». И тогда патриарх сказал ему с укором: «Не стоило призывать войска Дадиани и царя Имерети, дабы захватить скот,— овец да коров ты бы и в Картли — Кахети добыл, а иранский государь не станет ждать, пока ты снова соберешь такие большие силы, не сегодня завтра нагрянет на тебя с войском и угонит пленных вместо овец и коров».

Но Теймураз не согласился, не внял священнику, говорит Парсадан Горгиджанидзе.

Сведения о взаимоотношении Теймураза с армянской церковью мы находим еще в одном источнике. В личном архиве М. Тамарашвили хранится переписанный из архива Ватикана текст частного письма, отправленного из Армении в Венецию 5 октября 1630 г. В нем сообщается, что у царя Теймураза собрано двадцатитысячное войско, дабы вызволить из кызылбашских рук соседние с Грузией края, что он установил связь с патриархом Эчмиадзина и армянская знать подчиняется царю Картли и Кахети и надеется, что будет восстановлено армянское царство, а Теймураза благословят на царство Грузии и Армении. Таким образом, выясняется, что выступление Теймураза против шаха было заранее продумано и подготовлено.

Почему Теймураз не принял искреннего совета армянского патриарха? Видимо, взятие Тебриза и вторжение в глубь сефевидского государства казалось Тей-

муразу химерой. И. А. Джавахишвили писал: «Ни баснословное число воинов патриарха Гандзасара, ни соблазнительная картина политического будущего не лишили Теймураза трезвой рассудительности, не вскружили ему голову, не дали погрузиться в дурман сладостных грез». Зачем же в таком случае разорял он Ганджу и Карабах? Ведь сефевидского государя одинаково разъярил бы как укол, так и удар.

Бартоломео Ферро считает, что Теймураз, поддерживая Дауд-хана, жаждал разрушить Ганджу и отомстить кызылбашам за то, что они по приказу шаха Аббаса в свое время сровняли с землей столицу Кахети Греми. И действия Теймураза были мстью военачальника, а не трезвым шагом политика, заключает историк.

Выходит, поход Теймураза представляет собой лишь авантюру? Вполне понятно желание отомстить за разорение Кахети или захватить богатую добычу, чтобы хоть в какой-то мере возместить награбленное кызылбашами в Грузии за минувшее десятилетие, но стоило ли то или другое Картлийско-Кахетинского царства? Неужели царь Теймураз не предвидел, что шах Сефи не даст ему передышки до весны и не станет медлить с ответным ударом за Ганджу и Карабах? Неужели радость победы лишила его рассудительности и он самоуверенно вызвал на бой шаха Ирана, надеясь на свои военные силы?

Все было иначе. Походы Теймураза на Ганджу и Карабах воспринимаются совершенно по-иному в свете одной необычной истории — становятся понятными замыслы и действия грузинского царя.

Как сообщает Арканджело Ламберти, после смерти шаха Аббаса в Иране распространился слух, будто старший сын хана Шираза Имам Кули-хана Ундиладзе на самом деле сын шаха Аббаса. Грозный правитель Ирана, очень благоволивший к Имам Кули-хану за исключительный ум и отвагу, решил подарить ему одну из своих жен, для чего повел в гарем и предложил выбрать ту, которая больше всех приглянется. Хан Шираз не заставил себя долго упрашивать. Вскоре выяснилось, что его избранница была беременна от шаха, а шах не ведал об этом. Прошло пять месяцев, и бывшая жена шаха Аббаса родила мальчика, которого ширазский хан признал своим сыном.

Сведения Арканджело Ламберти подтверждаются и другими итальянскими источниками.

По словам Искандера Мунши, об этой истории в Иране судачили все — и простолудины и придворные, но это, говорили, было неправдой.

Трудно сказать, был ли мальчик сыном шаха Аббаса. Никто не мог пролить свет на эту таинственную историю. Но в глазах народа новый претендент на престол имел предпочтение как прямой наследник Аббаса. (Внук его получил трон лишь потому, что из трех сыновей шаха по его же приказу один был умерщвлен, а двое ослеплены.)

По словам персидского историка, Дауд-хан поведал Теймуразу, что в Ширазе у Имам Кули-хана находится истинный наследник иранского трона, который только считается сыном ширазского хана, и что пришла пора восстановить справедливость: предать этот факт гласности. Он уверял Теймуразу, что Имам Кули-хан, правитель Фарса, Бахрейна, Ормуза, Хузистана и Арабистана, выступит с тридцатитысячным войском против шаха Сефи и в скором времени хутбу (пятничную молитву) будут читать на имя нового шаха и с именем нового шаха будут чеканить монеты.

Теймураз, несмотря на свою прозорливость, просчитался: поверил в возможность невозможного. По выражению автора, он «ступил в круг непокорности государю».

Дауд-хан и Теймураз написали эмирам Ширвана и Эревана, что законный наследник иранского трона находится в Ширазе и что их войска и войска Имам Кули-хана вскоре поднимут его знамя в Исфахане!

Однако и шах Сефи не дремал. Он пожаловал Карабахскую провинцию Мухаммеду Кули-хану Зиад-оглы, а Картли и Кахети — Хосро-мирзе, именовавшемуся отныне царем Ростомом.

Во главе огромного войска кызылбашей, сопровождавшего нового царя, стоял Ростом-хан Саакадзе — бегларбег Тебриза и спасалар Ирана.

1 декабря 1632 г. шах Сефи выступил из Исфахана. Стояли холода, полили сильные дожди, сменившиеся снегопадами. Погода окончательно испортилась, и шах Сефи остановился со своей свитой в Казвине. И тут-то ему принесли перехваченные послания Дауд-хана и Тей-

мураза к эмирам Ширвана и Эревана. Большого шаху Сефи и не надо было! Он приказал Имам Кули-хану немедленно прибыть ко двору вместе со старшим сыном.

Теперь слово было за ширазским ханом. Если бы он решился выступить против шаха Сефи, то удар с юга поставил бы шаха между двух огней, вынудил бы повернуть назад, к Исфахану. Именно такое развитие событий предполагал Теймураз.

Арканджело Ламберти в конце 1632 г., не зная еще финала разыгравшейся драмы, гадает: или покончат с шахом Сефи и трон займет сын покойного шаха Аббаса, и тогда братья Ундиладзе станут править всем Ираном, или же победит шах Сефи. Он расправится с обоими братьями, вслед за ними — с Теймуразом, а им, миссионерам, придется бежать от гнева кызылбашей...

Не суждено было сбыться надежде итальянского миссионера на установление в Иране власти братьев Ундиладзе. Старший брат не последовал примеру младшего, и смелое начинание царя Теймураза в глазах последующих поколений выглядело как неоправданная авантюра.

Почему не состоялось ожидаемое выступление Имам Кули-хана? Что помешало ему осуществить задуманное?

Арканджело Ламберти, ссылаясь на находившихся в Исфахане миссионеров-августинцев, пишет, что хан Ширази отправил послов к португальцам в Индию с предложением вернуть им отобранный у них десять лет назад Ормуз, если они помогут ему в борьбе против шаха Ирана.

Как видно, переговоры закончились безрезультатно, а на свои собственные силы хан Шираз не полагался. Другого, более убедительного мотива не имеется.

Так или иначе, Имам Кули-хан Ундиладзе «сошел с опасной стези бунта и последовал по надежной тропе покорности». Но казавшаяся надежной широкая тропа и сбросила его «в бездну мести» шаха.

А в Грузии меж тем с нетерпением ждали выступления Имам Кули-хана против шаха Сефи, не зная, что началось уже третье действие драмы: огромное войско кызылбашей двигалось к Грузии.

Арканджело Ламберти описывает прием, устроенный царем Теймуразом в Гори. Прекрасные, дорогие ковры покрывали стены и полы. Слева от картлийско-кахетинского царя сидел Дауд-хан, справа — его зять, царевич Александр, дальше располагались сын Теймураза Датуна, военачальник Иотам Амилахори, армянский патриарх, католические миссионеры и около пятидесяти именитых людей из Картли, Кахети и Имерети.

По мнению Пьетро Авитабиле, грузины полагали, что шах Сефи не может послать войска в Грузию, поскольку ему, с одной стороны, приходилось воевать с узбеками, а с другой — со дня на день грозило нападение турок на Багдад. Кроме того, кое-кто уверял Теймураза, что Имам Кули-хан выступил против шаха и вот-вот возьмет Исфahan.

А в начале января 1633 г. уже стало известно, что войско кызылбашей приближается к границам Грузии.

Пьетро Авитабиле повествует, что Теймураз был человеком очень мужественным и не пал духом — тотчас велел собрать войско. Он возлагал надежды на крепости и на отвагу грузин. И многочисленность кызылбашского войска не встревожила его: он хорошо знал, что, бывало, двадцать тысяч грузин обращали в бегство шестьдесят тысяч кызылбашей.

Джусто Прато пишет, что против иранского войска не выступили вместе с царем Теймуразом ни эриставы Ксани и Арагви, ни военачальник Амилахори, ни владетельный князь Парсадан Цицишвили, не уступавший в могуществе эристам. Согласно грузинским источникам, Теймураза сопровождал лишь полководец Иотам Амилахори. Свое фактическое предательство князя оправдывали тем, что поход Теймураза в Ганджу и Карабах, явившийся причиной вторжения кызылбашей в Грузию, был предпринят без разрешения дивана (так грузины называют свой парламент, поясняет итальянский миссионер).

Примечательно сообщение Парсадана Горгиджанидзе: «Кахетинцы заносились перед картлийцами, называли их покоренными мечом и ни во что их не ставили; картлийцы злились и не хотели видеть своим царем Теймураза».

Необходимо учесть и другое.

По словам Джусто Прато, значительную часть вой-

ска сефевидского Ирана составляли грузины, переселенные в Иран из Грузии, или их омусульманившиеся потомки, и жители Грузии не оказывали войску царя Ростом особого сопротивления — одни, надеясь встретить сына, другие отца, третьи брата, родного или двоюродного.

Теймураз сумел собрать лишь трехтысячное войско. Когда стало достоверно известно, что царь Ростом вступил уже в Тбилиси, Теймуразу оставалось одно — бежать. И он обратился к своему поредевшему войску: «Братья, нам приходится отступить, покинуть край, ибо мы не в состоянии сражаться с бесчисленным врагом». По единодушному свидетельству итальянских миссионеров, иранское войско состояло из 120 тысяч воинов. Как бы ни была преувеличена эта цифра, она все же говорит о силе кызылбашей.

Джусто Прато уверяет, что если бы под знаменем Теймураза собрались все грузинские войска, то кызылбашаши не осмелились бы воевать с грузинами: они трепетали при одном имени Теймураза.

Без боя побежденный Теймураз со всей своей свитой двинулся в сторону Имерети.

Знакомый путь оживлял в памяти царя горькие воспоминания о бегстве в Западную Грузию двадцать лет назад. Горестно причитала царица Хорешан, кляня судьбу, одним ударом лишившую ее супруга и трона и царства.

Начиналась долгая и суровая зима жизни Теймураза.

ИСТОРИЯ ЦАРЕВИЧА ХОСРО

В январе 1629 г. скоропостижно скончался прославленный шах Ирана Аббас. Его смерть, как передает Вахушти Багратиони, вызвала сумятицу среди кызылбашских эмиров. «Тогда Хосро-мирза собрал войско кули, посадил шахом Сефи и истребил его противников».

Эти слова Вахушти подтверждаются и другими авторами, как грузинскими, так и зарубежными.

Адам Олеарий рассказывает: когда шах Аббас находился в Мазендеране, он тяжело заболел. Лечение

не помогло обреченному, и победоносный государь понял, что во дворец к нему проник воистину непобедимый враг. Перед смертью он выразил последнюю волю: возвести на трон своего внука Саам-мирзу.

Астролог заявил, что звезды предсказывают кратковременность правления Саам-мирзы — всего восемнадцать месяцев. Шах огорчился, но упрямо настаивал на своем: сколько суждено, пусть столько и правит, хоть три дня, лишь бы голову Саам-мирзы увенчала корона, предназначавшаяся его отцу.

Видимо, шаха Аббаса до последней минуты мучила совесть за свое страшное злодеяние — умерщвление родного сына.

Лет за пятнадцать до роковой болезни шаха несколько придворных тайно передали старшему сыну шаха Аббаса Сефи-мирзе письмо, в котором уверяли, будто они намерены свергнуть шаха Аббаса, а его возвести на трон. Сефи-мирза немедленно показал письмо отцу. Шах Аббас остался доволен преданностью сына, но с того часа в его душу закралось подозрение и лишило покоя. Боясь предательского нападения, он по ночам перебирался из одной постели в другую, спал в разных местах. В конце концов он понял, что, пока сын его жив, ему не освободиться от сомнения и страха. Достаточно было подбросить еще одну головешку, и пламя, пожирившее душу шаха, было уже не погасить.

И тут-то ему донесли, что, желая завладеть короной, Сефи-мирза вступил в заговор с ханами.

Шах Аббас потребовал к себе своего прославленного полководца Карчига-хана и повелел ему убить Сефи-мирзу. Карчига-хан снял меч, пал ниц пред своим повелителем и сказал, что предпочитает лишиться головы, чем поднять руку на шахского отпрыска. Тогда шах призвал некоего Бебут-бега, который не колеблясь подчинился бесчеловечному приказу шаха и убил его первенца.

Мать коварно убитого Сефи-мирзы была грузинкой. Благодаря своему уму она пользовалась особым расположением шаха Аббаса. Узнав о казни сына, женщина с воплями кинулась к шаху. Потрясенная горем, ни о чем не думая, она бесстрашно ударила своего грозного супруга, крича: «Кровопийца, душегуб, зачем убил

свою плоть и крови! Кто теперь наследует тебе, зачем погубил страну, что плохого сделал сын, он так любил тебя!»

Шах Аббас, и сам потрясенный страшным злодеянием, долго молчал, слушая разъяренную мать, и наконец со слезами молвил: «Не знаю, сказали, задумал измену. Ничем теперь этому не помочь. Значит, так было суждено».

Горе и раскаяние охватили шаха. Десять дней просидел он взаперти в темноте, не ел, не пил, и на глазах его не просыхали слезы.

По словам Пьетро делла Валле, шах Аббас запретил когда-либо говорить о Сефи-мирзе, писать о нем, петь или слагать в его честь стихи, чтобы не бередить себе душу. Даже упоминать имя несчастного Сефи считалось преступлением.

Через некоторое время шах отомстил слепому орудию своей воли: велел Бебут-бегу убить сына. Послушно, не моргнув глазом, тот подчинился приказу шаха. И тогда Аббас злорадно сказал ему: «Будешь теперь знать, что я пережил, когда ты убил моего сына. Утешайся тем, что одинакова у нас участь!»

Жертвой чрезмерной подозрительности шаха Аббаса стали и два других его сына — им выкололи глаза. Зато он берег и лелеял внука, сына загубленного им Сефи-мирзы — Саам-мирзу.

Пьетро делла Валле писал лет за десять до смерти шаха, что тот твердо решил сделать своим наследником Саам-мирзу. Так пытался он искупить содеянное зло, но при этом надеялся, что внук еще не скоро станет претендовать на престол: мальчику было тогда всего семь лет...

Умирая, шах помнил, что есть еще один претендент на иранский трон — другой его внук, сын Иса-ханакорчи-башы. Помнил и понимал, что, когда умрет, с его предсмертной волей могут не посчитаться: мертвому шаху не запугать кызылбашскую знать. Завещание следовало подкрепить силой меча. Как передает Арканджело Ламберти, шах поручил исполнение своей воли куллар-агасы Ирана грузину Хосро-мирзе.

Хосро (или иначе Ростом) был внуком царя Картли Луарсаба I. Выдвижению грузинского царевича при дворе Сефевидов содействовал Георгий Саакадзе. Хос-

ро-мирза был назначен сначала таругой* Исфахана. На протяжении ряда лет он разумно правил огромным городом. Отличался в сражениях и наконец заслужил должность куллар-агасы.

Теперь под его началом были отборные части вооруженных сил Сефевидов — войско кули, т. е. шахская гвардия, формировавшаяся в основном из грузин. Под охраной этого войска и ввел Хосро-мирза семнадцатилетнего внука шаха Аббаса Саам-мирзу во дворец и прочитал придворной знати завещание покойного шаха. Саам-мирза вместе с венцом, предназначавшимся его умерщвленному отцу, должен был принять и имя отца — на трон Саам-мирза воссел под именем шаха Сефи.

По словам Пьетро Авитабиле, Хосро-мирза возглавлял влиятельную грузинскую фракцию при дворе Сефевидов, поэтому легко преодолел противодействие кызыл-башей, желавших видеть на троне другого внука шаха Аббаса — сына Иса-хана, который укрепился в одной из исфаханских крепостей и успел даже провозгласить своего сына шахом. Однако крепость была уже осаждена, и Иса-хан понял, что ему не одолеть Хосро-мирзу. Он предпочел избежать кровопролития и признал Сефи верховным повелителем Ирана.

Таким образом, нового шаха сефевидской династии возвел на трон при поддержке грузинских воинов отпрыск Багратионов, будущий царь Картли.

Шах Сефи помнил и о преданности Хосро-мирзы, и о честолюбивом намерении Иса-хана-корчи-башы.

Бартоломео Ферро пишет, что летом того же года Иса-хан устроил за городом большое пиршество и пригласил почти весь шахский двор. Один из придворных, которому не в меру выпитое вино развязало язык, стал восхвалять сначала хозяина за великолепный пир, а потом его отпрыска, бывшего претендента на престол, и, восхищаясь его царственным обликом, воскликнул: «Горе нам — объявили государем Ирана настоящее ничтожество! Вот кто заслуживал корону!» — и указал пальцем на сына Иса-хана-корчи-башы.

О его словах тут же донесли шаху. Наутро тот призвал к себе бойкого на язык придворного и завел с ним

* Таруга — правитель города, главной обязанностью которого была защита общественного порядка.

ласковую речь. Спросил, был ли он на ужине у Иса-хана, много ли приглашено было гостей, какие подавали яства, сколько выпили вина. Молодой шах не спеша подступал к главному и наконец спросил, о чем там говорили. Внимательно слушал и настойчиво выведывал: «А еще что говорили?» Наконец придворный развел руками: дескать, все рассказал, ничего больше не помню. И тогда шах угрожающе повысил голос: «Если ты не помнишь, то я тебе напомню! Прикидываешься, будто не помнишь, что сказал вчера! Сожалеешь, значит, что послужил мне! Хорошо. Сегодня ты действительно пожалеешь о том, что сболтнул против меня!»

Приговор шаха был жестоким. Да и кто мог ему помешать, кто мог остановить...

Казнили и несчастного претендента на трон, а заодно и его младшего брата. Шах Сефи послал отрубленные головы братьев их матери, жене Иса-хана. Взглянув на головы сыновей, дочь шаха Аббаса и бровью не повела, лишь холодно проронила: «Так будет со всяким, кто надумает изменить нашему повелителю».

Сам же Иса-хан превзошел свою супругу. Он смиреннейше заявил шаху: «Повелел бы, и я сам отрубил головы сыновьям».

Но и унижительная преданность не уберегла Иса-хана-корчи-башы от казни. Спустя некоторое время его отправили следом за сыновьями.

Отныне звезда Хосро-мирзы ярко засверкала на мрачном небосводе сефевидского Ирана. Своим влиянием он затмил самого Имам Кули-хана Ундиладзе, первого фаворита шаха Аббаса.

Вахушти говорит, что благодарный шах Сефи называл Хосро-мирзу — грузина! — своим отцом.

Парсадан Горгиджанидзе утверждает даже: «Делами Ирана ведал Хосро-мирза».

В конце 1632 г. шах Сефи поставил своего «отца» царем Картли, и Хосро-мирза стал царем Ростомом.

Новый царь отправился в Картли в сопровождении войска во главе со спасаларом Ирана Ростом-ханом Саакадзе и в начале 1633 г. прибыл в Тбилиси.

Очевидец этого события Джусто Прато рассказывает.

Глубокой ночью 19 февраля в Гори появился гонец и громко оповестил жителей: спасайтесь, царь Тейму-

раз бежал в Имерети, в Картли вступили персы. Новость всполошила население, люди кинулись из города в горы, в дремучие леса. Миссионеры, жившие в Гори, однако, не очень испугались, ибо знали, что новый царь Картли многое сделал для исфаханских миссионеров, оказывал им покровительство и защиту.

Утром они верхом на лошадях выехали с подношениями навстречу новому царю Картли. Скоро выяснилось, что Ростом еще в трех днях пути от Гори, и миссионеры к вечеру вернулись назад, опасаясь беды за городскими стенами.

Когда царь Ростом подъехал к Гори, его вышли встречать представители горожан. Он щедро одарил их, пожаловал дорогие шелковые халаты, а их главу назначил на должность мамасахлиси — управителя города. Потом послал сказать миссионерам, что он рад видеть в своем царстве франков, что им нечего здесь бояться, ибо, кроме ветра, воды и солнца, никто не посмеет войти в их дом без его, царя Ростом, на то дозволения. Как и при Теймуразе, миссионеров освободили от всяких поборов и податей.

Передовые отряды войска Ростом-хана Саакадзе, сопровождавшего царя Ростом, расположились в нескольких километрах от города, чтобы не топтать посевы. В последний день мая все войско подошло к Гори. Дороги, ведущие из города, были запружены, забиты воинами, лошадьми, верблюдами, быками и палатками.

Воины Ростом-хана Саакадзе находились в Гори до 12 июля. На вершине горы, в центре города, они возвели из нетесаных камней крепость. Выстроили ее «со сказочной быстротой» — за двадцать пять дней. В ней расположился гарнизон из пятисот ружейников с пятнадцатью пушками. Согласно грузинским и персидским источникам, отстроили и другие крепости — у Алавердского храма и в Сурами.

По словам Джусти Прато, воины держались скромно, ничего плохого жителям не чинили, за купленный товар платили добросовестно, и у грузин не было оснований возмущаться.

Царь Ростом посетил в сопровождении свиты церковь миссионеров и с интересом осмотрел ее. За один маленький рисунок Арканджело Ламберти, изображавший св. Георгия на коне, Ростом дал миссионерам

36 скудо. Те преподнесли ему картину с изображением Гори вместе с только что построенной крепостью. Царь остался доволен подарком.

Когда иранское войско покинуло город, царя Ростом охватил страх. Он увеличил охранявший его отряд до трехсот человек, но и это показалось ему недостаточным. Боясь измены со стороны грузин, Ростом не спал ночами, пируя до утра со своими приближенными. Не умолкала музыка, рокотали барабаны, гремели трубы; развлекаясь, стреляли в воздух. Ложиться спать Ростом решался лишь на рассвете. Так провел он июль и август.

Джусто Прато в самом конце своей реляции говорит, что в начале октября в Гори прибыл из Тебриза караван с запасами пороха и пуль для гарнизона крепости.

Грузинские князья поклонились Ростому, своему законному царю, потомку картлийских Багратионов. Один лишь владетельный князь Парсадан Цицишвили не явился к царю, и то лишь из страха перед спасаларом Ростом-ханом Саакадзе. «Потому не посмел,— поясняет грузинский хронист,— что была на нем вина перед родом полководца за насилие и несправедливость».

Мести спасалара страшился Парсадан Цицишвили, но избежать ее так и не сумел. Ростом-хан Саакадзе не упустил удобного случая и под предлогом наказания за непокорство царю Ростому напустил кызылбашей во владения Цицишвили.

«Царя Ростом рассердило это, и он послал к спасалару Ростом-хану человека сказать: „Грузия и без того разорена, а вы разорите и то, что еще сохранилось, так чем же я стану владеть и править?“» — сообщает Парсадан Горгиджанидзе.

Спасалару Ростом-хану не понравился упрек царя Ростом, и он затаил обиду. Оба они отправили шаху Сефи жалобу. Шах поддержал царя Картли и отозвал спасалара из Грузии. По словам того же Горгиджанидзе, «когда спасалар покинул Грузию, Парсадан Цицишвили и все другие князья, укрывавшиеся где-то, явились. Стали строить, пахать, сеять».

Обескровленная, истощенная столькими войнами страна нуждалась в покое.

Царь Ростом, «дальновидный государственный деятель», как характеризует его английский картвелолог Д. Ленг, весь свой ум и талант, всю свою энергию употребил на то, чтобы залечить раны истерзанной, разоренной нашествиями страны. Прекратились нападения кызылбашей, их бесчинства. Из Ирана вернули угнанных в плен грузин. Оживились торговля, ремесла, снова стали строиться мосты и дороги. «Царь Ростом повсюду восстановил мир и порядок, правил страной справедливо, был очень милосерден», — писал известный французский путешественник Жан Шарден.

Царицей Картли стала сестра владельца Самегрело (Мегрелии) Левана Дадияни Мариам — «солнце, возшедшее из-за Черного моря», — говорит о ней Парсадан Горгиджанидзе.

У супруги царя Ростома есть заслуга перед грузинской культурой: по ее приказу была переписана летопись «Картлис цховреба». Царица весьма благотворно влияла на Ростома, благодаря ей царь-мусульманин заботился о христианах. По словам Бери Эгнаташвили, он привлек к себе грузинское духовенство тем, что «определил всем жалованье, был с ними приветлив и ласков... восстановил купол в Мцхетском соборе и другие разрушенные церкви».

Мы, разумеется, не должны упускать из виду, что, с одной стороны, царь Ростом дал грузинам возможность сохранить свою национальную сущность, с другой — он открыл путь «кызылбашскому» влиянию на жизнь и быт грузинского народа. Он покровительствовал как христианам, так и мусульманам. И за это его резко осуждают те же Бери Эгнаташвили и Вахушти Багратиони.

В грузинской историографии (И. А. Джавахишвили, Н. А. Бердзенишвили, В. Н. Габашвили) подчеркнут двойкий характер деятельности царя Ростома и дана ей соответствующая оценка: не замалчивается ни дурное, ни хорошее.

Но главное заключалось в том, что грузины получили передышку, вздохнули свободно. Грузия собирала силы, чтобы «восстать и добиться избавления». Она готовилась обрести полную независимость.

Вахушти Багратиони пишет: «Потом Александра взяли шведы и увели в плен в Стокгольм».

Грузинскому читателю достаточно хорошо известно имя первого российского фельдцейхмейстера (главнокомандующего артиллерией) Александра, сына царя Арчила. Его имя упоминают историки Петра Великого. Не обошли вниманием Александра и грузинские исследователи. Но самое интересное то, что о нем говорится в книге выдающегося французского философа и писателя Вольтера «История Карла XII».

Как сообщает Вольтер, во время сражения со шведами на реке Нарве среди попавших в плен оказался старший сын грузинского царя Арчила, прямой наследник грузинской короны. Участь царевича Александра — яркий пример превратности судьбы.

Его отец Арчил, царь имеретинский, происхождения врагов был изгнан из Грузии и предпочел положиться на великодушные московского государя, чем искать прибежища у турецкого султана.

Царевич Александр был захвачен финскими солдатами во время одной из атак. Они дочиста обобрали его и хотели уже пристрелить, когда подоспел граф Реншильд и буквально вырвал пленного из их рук, заставив вернуть одежду, а затем доставил его к своему государю. Карл XII отправил Александра в Стокгольм, где несчастный принц и скончался несколько лет спустя. Когда Александра уводили, Карл XII, пораженный необычной судьбой азиатского принца, родившегося у подножия далеких Кавказских гор, которому теперь предстояло мерзнуть в суровом северном краю, не сдержался и молвил в присутствии своих офицеров: «Это ведь то же самое, как если бы я попал в один прекрасный день в плен к крымским татарам». Тогда его слова ни на кого не произвели впечатления, но позже о них вспоминали не раз: события обратили горькую шутку короля в пророчество (Вольтер имеет в виду бегство тяжело раненного в Полтавской битве Карла XII в Турцию и его вынужденное пребывание среди мусульман в течение нескольких лет).

Примечательно, что в битве на реке Нарве Карл XII был на краю гибели: короля и его камергера чуть не

поглотила коварная топь. Усилия двух финских солдат уберегли его от «болотного плена» — он спасся, оставив в болоте один ботфорт и меч. В паническом страхе он тут же пересел на другого коня и, полуобутый, с солдатским мечом в руке, поскакал к своим войскам. Радость победы заглушила, конечно, чувство ужаса, пережитое им в болоте. Произошло это 19 ноября 1700 г.

Но скоро, очень скоро предстояло Карлу XII вкушать горечь поражения под Полтавой и помнить о нем до самой смерти.

В мае 1701 г. пленных доставили в Стокгольм и во время триумфального шествия провели по улицам города. Впереди этой печальной процессии шел царевич Грузии и фельдцейхмейстер России.

Пленных в Стокгольме содержали в нестерпимых условиях. «Лучше быть в плену у турок, чем у шведов», — писал один из них. Лишь Александру в порядке исключения дозволялись прогулки под стражей. Он общался родным, что терпит страшную нужду, не получает даже хлеба, и просил помощи, чтобы не умереть с голоду. По приказу Петра I ему не раз посылали деньги.

При Александре было несколько слуг-грузин. Коротая время, они, наверное, вели долгие беседы на родном языке, вспоминали Грузию, которую Александр помнил меньше других: ему было всего 10 лет, когда его привезли в Москву. Рос он при дворе вместе с Петром — будущий император России и наследник грузинского престола были почти сверстниками. Проносились годы. Александр вместе с Петром ездил в Западную Европу — Амстердам, Гаагу, Утрехт. В течение двух лет Александр изучал артиллерийское дело у капитана артиллерии Яна Гошки, после чего вместе с Петром отправился в Лондон. 19 мая 1700 г. по высочайшему указу Александр Арчилович был назначен начальником пушкарского приказа.

Но до битвы на Нарве оставались считанные месяцы: слишком мал был срок, чтобы молодой генерал успел выполнить свою миссию — перестроить русскую артиллерию по европейскому образцу. И теперь, в стокгольмском плену, он горевал, что без него шла подготовка к грядущим победам.

В 1704 г. Александр серьезно заболел. Из Москвы в Стокгольм направили человека для переговоров об освобождении царевича из плена. Карл XII стал торговаться. Сначала потребовал десять бочонков золота, потом заявил, что обменяет Александра на 60 шведских офицеров.

Узнав, как дорого запросил за него король Швеции, Александр написал из Стокгольма: «Не только пожелать, но и помыслить не могу, чтобы какой-нибудь детримент приключился государству из-за нас, будь мы даже в тысячу раз лучше, чем есть. Наше призвание все вытерпеть, вынести и отдать жизнь ради государя и отечества».

Однако сам царь Арчил не мог так легко поступиться своим сыном. Ему уже перевалило за пятьдесят. Он лишился царства, родины, потерял братьев, теперь терял и сына.

Находившийся с 1698 г. на службе у России английский капитан Джон Перри, корабельный мастер и специалист по каналам, характеризует царя Арчила как «энергичного джентльмена приятной внешности» и отмечает, что Петр I очень сердечно принял прибывшего в Москву грузинского царя.

Именно из книги Джона Перри мы узнаем, что в конце XVII в. русский император намеревался отправить в Грузию экспедиционные силы, чтобы помочь Арчилу восстановить свои права на имеретинский престол. Осуществлению этого замысла помешали сначала битва на Нарве, а затем мятеж донских казаков. Но теперь царь-поэт горевал не об утраченном троне. Все его думы и заботы устремлены были к сыну, томившемуся в стокгольмском плену.

Арчил обратился к австрийскому императору с просьбой о посредничестве между ним и шведским королем. Усилия его оказались тщетны. В 1706 г. Арчил лично написал Карлу XII. Письмо отвез в Стокгольм грузинский монах по имени Баграт. Арчил объяснил шведскому королю, кто он, поведал ему о варварском разорении Грузии двумя безбожными правителями, а потом сообщил, что сыну его грозит ранняя смерть в плену, и просил обменять Александра на шведских офицеров, попавших в плен к русским. «Мы и все наше грузинское царство,— обращается Арчил к Кар-

лу XII,— во веки веков будем благодарны Вашему Величеству и возносить Ваше славное имя».

Мольба отца не тронула сердце Карла XII. Арчил не получил ответа.

Настал 1709 год. В Швеции не ожидали «Полтавы». Не сразу даже поверили, а убедившись, что разгром шведов — реальный факт, еще бесчеловечнее стали обращаться с пленными, словно желая доказать, что они не пали духом после Полтавы. Пленным запретили переписку с родными.

И все же пришел долгожданный час. Шведский сенат дал согласие на обмен пленными. (Между прочим, под Полтавой попал в плен фельдмаршал Реншильд, спасший Александра от смерти на Нарве.)

Десять лет дожидался этого дня грузинский паревич, и вот наконец свобода открыла ему путь в Москву, где его так долго и терпеливо ждали отец, жена, близкие и друзья.

Но длительный плен не прошел бесследно для паревича. Как пишет Вахушти Багратиони, в начале 1711 г. Александр прибыл в Ригу и скончался там от каменной болезни, полученной в заточении. Из Риги его привезли в Москву, где и похоронили.

Осенью того же года в Афганистане, в окрестностях Кандагара, погиб двоюродный брат и тезка Александра. Они не знали друг друга. Тезка фельдцейхмейстера России Александр Луарсабович, родившийся и выросший в Исфахане, погиб, так и не увидев родины — своей прекрасной Грузии.

Поистине судьба вероломна и превратна. Кто знает, что сказал бы на этот раз Вольтер.

«БЛАГОСЛОВЛЯЛИ ЗА ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ГОЛОДА»

Первая четверть XVIII в. оказалась для сефевидского Ирана роковой. Разложение государства, начавшееся после смерти шаха Аббаса, все усиливалось, приближая падение некогда могущественной империи.

Ослабление верховной власти шаха, произвол местных правителей, подкуп, лихоимство, интриги и распри при дворе, безмерная роскошь власть имущих, безнаказанное ограбление населения, застой торговли, гра-

бежи на дорогах — вот что бросалось в глаза в Иране и местному жителю, и чужеземцу.

Персидских летописей той поры почти нет. Как говорит английский историк Дж. Мальколм, захват Ирана афганцами в 1722 г. был слишком позорным и унижительным, поэтому не удивительно, если персидские историки избегали вести мучительное и оскорбительное для них повествование.

Вот почему исключительное значение приобретают сочинения грузинских историков Сехнии Чхеидзе и Иосеба Картвели, очевидцев многих важных событий истории Ирана.

Иосеб Картвели подробно описал Гулнабадское сражение 1722 г. и поражение в нем иранского войска, осаду Исфахана и, наконец, капитуляцию последнего шаха сефевидской династии.

Сехния Чхеидзе, историк и воин, участвовал в боях, которые вели малочисленные грузинские отряды на рубеже XVII—XVIII вв. с целью пресечь разбойничьи набеги вторгшихся на территорию Ирана племен. Он пишет о трудностях и лишениях, перенесенных в пустыне. Многие его описания не лишены юмора, он часто и к месту приводит строки из поэмы Руставели и восхищенно отмечает завидную отвагу и выносливость собратьев по оружию.

Сехния Чхеидзе рассказывает: восторженно встречали жители Кермана грузинских воинов, с победой возвращавшихся из похода в пустыню: «Слава Аллаху, что привел вас в наши края спасти нас от врага... слава Аллаху, что создал вас такими, создал для нашего спасения...»

Есть в «Жизни венценосцев» этого автора один весьма любопытный эпизод, о котором в других источниках ничего не сказано.

9 июня 1707 г. к шаху Хусейну, находившемуся на поклонении в святом городе Мешхеле со своей огромной свитой и гаремом, прибыл гонец из Исфахана с тревожной вестью: «Изменили, отступились жители Исфахана, возмущенные голодом, разбили камнями ворота шахского дворца».

Это бы еще ничего, но восставшие исфаханцы требовали, оказывается, возвести на трон брата Хусейна — Аббас-мирзу, который со дня воцарения Хусейна со-

держался под домашним арестом, что, кстати сказать, было в державе Сефевидов неслыханным проявлением человечности. Каждый новый шах истреблял всех возможных претендентов — брата ли, дядю ли — и в лучшем случае ослеплял, лишая вместе со зрением всяких шансов на соперничество.

Шах Хусейн, изменив обычаю своих предков, не обагрил рук кровью брата, но держал его в домашнем заточении, подвергая себя опасности быть смещенным, тем более что, по всеобщему мнению, Аббас-мирза куда более заслуживал шахского венца, чем его брат. Шах Хусейн, как утверждает польский миссионер Тадеуш Крушинский, был самым слабым шахом среди всех, кто когда-либо правил Ираном.

«Когда получили эту весть,— пишет Сехниа Чхеидзе,— огорчились и назначили царевича Кайхосро наибом шаха и таругой Исфакана».

Бунт, вызванный голодом, на этот раз выходил за рамки обычных беспорядков. Наделенный особыми правами, Кайхосро начинал свою деятельность в крайне сложной обстановке. Бунт в Исфакане ничего хорошего Сефевидам не сулил, и делу могли помочь лишь решительные меры.

Кайхосро уже лет десять находился в Иране вместе с переселенными туда отцом, царевичем Леваном, и дядями. В 1703 г., когда царевича Левана поставили джанешином* в Картли, он оставил свой высокий пост в Исфакане старшему сыну — Кайхосро. «Оставил вместо себя сына своего Кайхосро наибом диванбега** при дворе государя,— пишет Сехниа Чхеидзе.— И хотя Кайхосро летами был мал, преисполнен знаний и так управлял делами, что поражался стар и млад».

Испытанный в сражениях, Кайхосро стал весьма сведущ и в делах правосудия.

...Голод в Исфакане был вызван не отсутствием зерна, а алчностью купцов и придворных, умышленно прятавших зерно и перекрывавших дороги, по которым его везли в город.

Интересно отметить, что в эти годы первый везир сефевидского государства, этемад од-доуле («доверие

* Джанешин — здесь: наместник грузинского царя в Картли.

** Наиб диванбега — заместитель верховного гражданского судьи.

государства»), обладал монопольным правом на продажу зерна. Он-то и злоупотреблял своей властью. Доставляемое в город зерно полностью забирали его агенты и надежно прятали. Цены на зерно поднялись, и оно стало недоступным для бедноты. Народ голодал, хотя зерна в городе было в изобилии. Лицо, занимавшее первую должность в государстве, считавшееся одним из семи «столпов» державы, само подрывало ее основы. (Подобная история произошла лет двадцать спустя в Османской империи, где спекуляция зерном принесла великому везиру баснословные доходы.)

Бунт исфаханцев был вызван искусственно созданным голодом, и Кайхосро хорошо понимал, что положить конец ему можно, лишь покарвав бесчестных купцов и агентов крупных чиновников, а не взбунтовавшихся горожан.

Грузинский отряд во главе с Кайхосро устремился к иранской столице. Время не терпело, а путь предстоял немалый — от Мешхеда до Исфахана почти тысяча километров. «Сорокадневный путь одолели за двенадцать дней,— рассказывает Сехниа Чхеидзе,— и, когда вступили в город, радость жителей была великая».

В Исфахане хорошо знали Кайхосро, и надежда на помощь озарила сердца людей.

Грузинский историк подробно и без прикрас описывает суровые меры, принятые Кайхосро, чтобы пресечь голод.

Видимо, он не обманулся в своих предположениях.

«Вы бы видели, сколько появилось зерна на улицах на следующий день,— продолжает историк.— В Исфахане воцарился покой, установилась дешевизна».

Так мудро ликвидировал бунт Кайхосро, и исфаханские бедняки «благословляли его за избавление от голода». Таруга-грузин заслужил не только благодарность жителей, но и награду шаха — тысячу туманов. Время показало, что кызылбаши не оценили заслуги Кайхосро, как и Георгия XI, погибшего на службе у шаха в борьбе с восставшими афганцами. Ярые враги Грузии не могли мириться с возвышением грузинских царевичей на военно-политической арене сефевидского Ирана. «Завидовали им кызылбаши»,— отмечает Вахушти Багратиони.

Европейские источники содержат сведения о Кайхо-

сро как военачальнике, но о его деятельности в должности таруги Исфахана в них даже не упоминается. И лишь повествование Сехнии Чхеидзе восполняет этот пробел.

Об аналогичном эпизоде рассказывает и Жан Шарден — разница лишь во времени и именах. Лет за сорок до изложенных выше событий, при шахе Сулеймане, один «умный и деятельный» сановник точно так же покарал злодеев, вызвавших голод, после чего хлеб тут же значительно подешевел, и в Исфаханае восстановился порядок. Жан Шарден замечает, что действия этого сановника достойны подражания европейцев, когда в их городах происходят подобные события.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПАРИЖАНКИ

«Эта женщина, христианка из подвластной вашему государю страны, явилась к нам и попросила помочь возвратиться домой. Ваш посол здесь, при благословенном шахе, тоже прислал нам письмо, прося: помогите ей отправиться дальше, дайте ей провожатого до Стамбула. Мы разузнали об этой особе — она добрая христианка, добропорядочная женщина. Спасла от смерти одного иезуитского патера и многих христиан-французов, проявив свое добронравие, и теперь направляем ее к вам. Если кто по злему умыслу сообщит вам о ней что худое, не верьте и дайте ей сопроводительное письмо к его высочеству высокому королю Франции, дабы по нашей просьбе не чинили ей обид».

Автор письма — грузинский царь Вахтанг VI (брат Кайхосро), адресат — Шарль де Ферриоль, французский посол в Константинополе. Дата написания — 1707 г.

Кем была эта женщина, за которую так горячо заступался грузинский царь и ходатайствовал перед французским королем?

Европейские источники довольно подробно повествуют об удивительной истории француженки Мари Пети. «Незаконная» дочь судьи и прачки, она родилась в 1675 г. Несмотря на свое незавидное положение, Мари получила превосходное воспитание и образование, вероятно благодаря «незаконному» отцу.

В начале XVIII в. она открыла в Париже игорный

дом и скототила кое-какое состояние. Но любовь и страсть к приключениям внезапно закинули парижанку на Восток, вследствие чего и заняла Мари Пети местечко на страницах французской истории.

В 1699 г. некто Годеро, католический миссионер, привез из сефевидского Ирана французскому правительству послание шаха. Шах предлагал установить торговые связи и заключить союз для завоевания Маската. Он просил выделить тридцать тысяч французских солдат и военные корабли. По предложению Ирана военные расходы стороны поделили бы поровну между собой, а в будущем также поровну распределяли бы доходы с побежденного Маската (маскатские арабы постоянно нападали и грабили иранские порты в Персидском заливе. Иран не имел военных кораблей, и ему трудно было защищать себя).

Однако Франция не в состоянии была оказать военную помощь, да еще в таком масштабе, и постаралась ограничиться лишь торговыми переговорами.

Людовик XIV и его министры решили направить в Иран посла.

Возглавлять посольство должен был французский купец Жан Фабр, вернувшийся из Турции, где много лет занимался торговлей. Фабр выдавал себя за знатока Востока, сильно преувеличивая свои познания и свое влияние на тамошних тузов. Он-то и подвернулся под руку, когда искали человека, способного возглавить посольство в Иран.

Кандидатура Жана Фабра на столь почетный пост вызвала негодование французского посла в Константинополе де Фериоля, которому адресовал свое письмо Вахтанг VI. Он прекрасно знал, что представлял собой сей Фабр, как мало веса имел на Востоке, а кроме всего прочего погряз в долгах. Поэтому де Фериоль выдвинул другую кандидатуру — одного из секретарей посольства, некоего Мишеля, но его предложение почему-то не было принято. (Между прочим, французский посол в Константинополе, будучи в интимных отношениях с женой Фабра, принудил ее после отъезда мужа во Францию поселиться в посольстве.)

Фабр действительно был весь в долгах, а для предстоящей поездки требовалась солидная сумма. И тут новоиспеченному французскому послу ангелом спасе-

ния явилась парижанка Мари Пети. Жан Фабр завел с ней роман.

Вскоре Фабр получил от правительства верительную грамоту и в начале 1705 г. стал готовиться к отъезду в Иран. В состав многочисленного посольства (32 члена и 18 слуг) вошла и Мари Пети. Чтобы не привлекать к себе внимания, она оделась в мужское платье.

Посольство пересекло Средиземное море и направилось в Алеппо. Путь в Иран лежал через Алеппо, Эрзрум, Эреван, но в Алеппо их задержали турецкие власти, как полагают, по наущению французского консула, выполнявшего, без сомнения, указания де Фериоля.

Мари Пети снова «обратилась» в женщину и с открытым лицом прогуливалась по улицам Алеппо, возмущая турок. Это почему-то раздражало и живших там иезуитов.

Поняв наконец, что ему не получить разрешения на дальнейший путь, Фабр со своей возлюбленной отправился в Константинополь, где целый месяц обивал пороги великого везира. Турецкий везир не намеревался содействовать ирано-французской торговле, не видя в ней никакой для себя выгоды, и медлил выпускать посольство из Турции, но в конце концов уступил, вероятно подкупленный Мари Пети.

В январе 1706 г. Мари Пети и Жан Фабр пересекли границу Ирана и вскоре достигли Эревана. Жан Фабр был радушно принят бегларбегом Эревана Мухаммед-ханом, который тут же оповестил сефевидский двор о прибытии главы французского посольства.

Фабр назначил своей возлюбленной духовника — жившего в Эреване миссионера-иезуита Леонарда Моснье.

Однажды Мари Пети, рассердившись за что-то на слугу Фабра, швырнула ему в лицо апельсин. Тот едва не убил ее за это. Парижанка, уже добившаяся в Эреване влияния, потребовала от Мухаммед-хана арестовать слугу. И его действительно упрятали в тюрьму.

Иезуит Моснье, относившийся недоброжелательно к Мари Пети, немедленно сообщил о случившемся всем членам посольства, уже находившимся в Эрзруме. Прибыв в Эреван, посольство в полном составе устремилось к городской тюрьме вызволять своего соотечественника.

Взломав двери, они освободили заключенного и торжественно провели его по улицам города.

Самоуправство чужеземцев привело Мухаммед-хана в ярость, он решительно потребовал отвести слугу назад в тюрьму, но получил столь же решительный отказ. Тогда эреванский бегларбег взял отряд кызылбашей и окружил здание, где находилось посольство. Завязался бой: два кызылбаша оказались убиты и несколько ранено. Мухаммед-хан арестовал всех, в том числе Моснье и четырнадцатилетнего сына Жана Фабра Жозефа, который с позволения матери присоединился к посольству в пути.

Расширевшиеся кызылбаша хотели убить Моснье, но Мари Пети кинулась Мухаммед-хану в ноги, моля пощадить иезуита и освободить остальных французов. Слезы очаровательной женщины смягчили сердце бегларбега, и он за двух убитых кызылбашей наказал лишь двух слуг посольства — армян.

Этот эпизод имеет в виду Вахтанг VI, говоря в своем письме о спасении парижанкой иезуита и других французов...

Инцидент был исчерпан, и тут как раз поступил приказ сефевидского двора отправить посольство из Эревана в столицу.

На прощание Мухаммед-хан пригласил Жана Фабра и Мари Пети на охоту, где французу не повезло: он схватил малярию, которая свела его в могилу 16 августа 1706 г.

Впоследствии враги Мари Пети утверждали, что Фабра отравил Мухаммед-хан: будучи увлечен его возлюбленной, убрал с пути соперника. Но упомянутый выше Мишель, которого, как и Моснье, никак нельзя было причислить к доброжелателям Мари, считал, что Фабр умер от болезни: «Бог, который не оставляет зло безнаказанным, наслал на него неизлечимую хворь и за несколько дней свел в могилу».

Смерть Жана Фабра привела посольство в смятение — оно осталось без своего главы.

Мари Пети воспользовалась ситуацией и объявила себя главой посольства («от имени французских принцесс»). Она захватила не только достояние самого Фабра, но и подарки, предназначенные для шаха Ирана, а также все официальные бумаги. Никто не осме-

ливался противодействовать ей, так как, по словам Мишеля, госпожа Мари, покровительствуемая бегларбегом Эрвана, грозила всем палочными ударами и кандалами.

Молва об этой истории в конце концов достигла Константинополя, и французский посол де Ферриоль направил в Иран Мишеля, опытного дипломата, не дожидаясь получения из Парижа новой верительной грамоты. Мишель должен был нагнать посольство Фабра и навести в нем порядок, а также по требованию де Ферриоля немедленно отправить Мари Пети назад в Европу.

Красавица из Парижа строила меж тем головокружительные планы. Совсем рядом сверкала вершина ее карьеры. Подумать только — прибыть послом Франции ко двору государя сказочной восточной страны!

Мари легко получила от Мухаммед-хана разрешение продолжать путь ко двору шаха и рекомендательное письмо к хану Тебриза. Француженке дали переводчика — некоего Имам Кули-бега, мусульманина-армянина.

В начале декабря 1706 г., когда Мишель приближался уже к границам Ирана, французское посольство покинуло Эрван. Его возглавляли четырнадцатилетний Жозеф Фабр в звании посла, иезуит Моснье и Мари Пети. Английский исследователь Л. Локарт иронически замечает, что никогда, никому не доводилось слышать о таком необычном трио во главе дипломатической миссии.

Мишель на всякий случай объехал Эрван стороной и настиг французское посольство в Нахичевани. Но тут оказалось, что он совершенно бессилен перед Мари Пети, которую сопровождал военный отряд, выделенный для ее охраны бегларбегом Эрвана.

Ничего не добился Мишель и в Тебризе, поскольку парижанка благодаря рекомендательному письму была уже под защитой тебризского хана.

Тогда Мишель отправил с гонцом письмо шаху Ирана, уведомляя его о действиях Мари Пети и о том, что ему велено ее арестовать. В пути гонец был ограблен, и письмо не дошло до шаха.

Положение Мишеля становилось все более безнадежным. Переводчик Мари Пети Имам Кули-бег заявил

хану Тебриза, что Мишель — самозванец. Какой же это, мол, посол, если у него нет ни верительной грамоты, ни свиты, ни подарков для шаха.

Доводы Имам Кули-бега прозвучали веско и не могли не убедить хана. Поэтому он принял Мишеля крайне холодно.

Жившие в Тебризе миссионеры устроили Мишелю встречу с Мари Пети. Парижанка робко спросила его: какая ждет ее кара, не повесят ли? Мишель заверил, что ей не грозит такая крайняя мера наказания, после чего попросил передать ему список подарков для шаха. Мари Пети, услышав это, возмутилась, обругала Мишеля с Моснье и пригрозила, что примет мусульманство и уговорит шаха и его везиров выслать из страны всех миссионеров. Мишель и Моснье ласковыми речами уняли пыл разбушевавшейся женщины, выманили желанный список и запретили выезжать из Тебриза.

Мишель выехал в Казвин, а вслед за ним вопреки запрету туда прибыла Мари Пети с рекомендательными письмами бегларбегов Эрвана и Тебриза.

Положение ее укреплялось день ото дня. Ее недруги уверяли, что после выезда из Тебриза она выдавала себя за невесту иранского шаха, а не за «посланницу французских принцесс».

Мишелю не позволили продолжать путь: власти Казвина были подкуплены англичанами и голландцами, стремившимися помешать развитию торговли между Ираном и Францией.

А Мари вскоре прибыла ко двору сефевилского шаха, расположившемуся неподалеку от Тегерана (шах направлялся в Мешхед на поклонение святым местам).

Парижанку принял главный везир Ирана. Он отвел ее в гарем шаха, где, по выпажению самой Мари Пети, ей были оказаны «все возможные почести».

На следующий день Мари отправилась назад в Тебриз, где захворала. Мишель находился там же и она явилась к нему просить прощения и помощи. Мишель предоставил ей двух слуг и немного денег на дорожные расходы. Деньги, которые она дала в долг Жанву Фабру, Мишель вернул ей в виде облигаций, заверив, что их можно обменять на деньги в Алеппо. (Позже выяснилось, что эти облигации не имели ценности, и бедная Мари Пети осталась ни с чем.)

Завершив это необычное путешествие, парижанка, вероятно, считала, что ее мечта сбылась.

В июле 1707 г. она покинула Тебриз.

Мишель добился в конце концов признания своих прав, и через год в Исфахане при его активном участии между Ираном и Францией было заключено торговое соглашение, по которому французские купцы получали значительные привилегии.

Мари Пети прибыла в Тбилиси. Француженку, как видно, тепло и сердечно приняли при дворе царя Вахтанга VI.

В своем письме послу Франции в Константинополе де Ферриолу Вахтанг говорит о Мари Пети как о «добродетельной женщине» и предупреждает, чтобы тот не верил никому, кто вздумает на нее наговаривать.

А епископ католических миссионеров писал из Эрвана тому же послу: «Не выразить словами, как губительно повлияли на престиж Франции и на интересы католической веры в Иране экстравагантное поведение и неосмотрительность ныне покойного Жана Фабра. А виновница стольких ужасных скандалов — сопровождавшая его распутная француженка, которую он выдавал за посланницу наших принцесс в гарем шаха». Дальше епископ награждает Мари определениями вроде «размалеванная фурия», «разнузданная амазонка», и словом не вспоминая о том, что она спасла в Эрване от смерти миссионера-незуита.

На чьей стороне правда?

Видимо, обе стороны грешат против истины. Автор одного письма закрывает глаза на темные стороны (или просто не осведомлен о них), а другой видит лишь дурное.

Что и говорить, авантюристское поведение парижанки не делало чести французскому правительству, но ведь, с другой стороны, лишь вмешательство Мари Пети сохранило жизнь нескольким французам.

Так что царь Вахтанг VI имел полное моральное право проявлять великодушие к бедной парижанке, оставшейся без защиты и средств. Но французский посол, судя по всему, был о Мари Пети иного мнения, и покровительство грузинского царя не достигло цели.

Мари Пети сразу же по возвращении на родину была арестована. Ее судили и заключили в тюрьму.

В 1707 г. Сулхан-Саба Орбелиани получил из далекого Кандагара письмо от своего двоюродного брата — царя Картли Георгия XI, спасалара Ирана и бегларбега Кандагара. Георгий XI выражал Сулхан-Саба соболезнование по поводу смерти его брата Вахушти и заканчивал письмо словами: «Ты выслал свой лексикон, но его, увы, не получил тот, кому он предназначался. Клянусь, я бы очень порадовался, если бы его получил он, но и мне доставил радость, а то читаю татарскую... Увлёкся твоей книгой так, что вижу, заброшу татарскую. Много раз благословлял тебя и еще раз благословляю. Воистину хорошая книга, и очень по душе она мне».

Сулхан-Саба послал, оказывается, составленный им толковый словарь грузинского языка — «Букет слов» — своему брату Вахушти в Кандагар, но тому не суждено было его получить: Вахушти внезапно умер в Кандагаре, куда прибыл во главе грузинского войска из Картли. И вот лексикон попал к Георгию XI, по совету и по поручению которого Сулхан-Саба начал составлять его еще в юности.

Годы кропотливых поисков отдал Сулхан-Саба созданию лексикона и блестяще выполнил задание Георгия, которое расценивалось, в сущности, как задание всего народа. И. А. Джавахишвили отмечает, что это замечательное творение Сулхан-Саба Орбелиани и поныне — бесценное сокровище для науки, а уж в те времена лексикон был нужен грузинам как хлеб насущный.

1707 год. В далеком Кандагаре царь Картли читает толковый словарь Сулхан-Саба и радуется еще одному достижению грузинской культуры, еще одной ее победе, равносильной победе в крупном сражении. Как воины, выстроились в единый ряд грузинские слова, уверенно распрямились, чтобы изгнать чужеземные слова, затесавшиеся в грузинский язык, угнездившиеся там неприметно, занесенные в Грузию в разное время разными завоевателями, дабы утвердить ими свои нравы и порядки.

«Мой желанный брат, кого так жажду лицезреть,

батано * Сулхан...» — читает дальше Сулхан-Саба письмо Георгия, пришедшее из Кандагара, и сердце его сжимается от тоски.

Как неумолимо движение времени. В невозвратном прошлом затерялись несбывшиеся мечты. Где твои двоюродные братья, Сулхан? Доведется ли увидеть их когда-нибудь, или и они, подобно Вахушти, на чужбине найдут свой конец? Все они в чужих краях: Арчил — в Москве, Георгий — в Кандагаре, Леван — в Исфахане. Не терпят ни голода, ни холода, и все же горька их участь.

А царь Георгий читает в Кандагаре лексикон Сулхан-Саба, и вспоминаются ему родные горы... В какую даль закинула его судьба — три месяца пути отделяют Кандагар от Грузии! Его, поборника независимости Грузии, судьба обратила в спасалара Ирана и бегларбега Кандагара! Собственного имени и то лишила — превратила христианского царя Георгия XI в мусульманина Гургин-хана, в «Гурджи-хана» («грузинского хана»). Что нужно ему, рожденному на грузинской земле, за нее проливавшему кровь, у пределов Индии, на чужой земле, под чужим небом?!

И. А. Джавахишвили писал: «Персидские шахи часто не доверяли своим полководцам-персам, а верность грузин своему слову, своей клятве хорошо была известна им по опыту; вот почему грузинским царям поручали они разрешать сложные военные дела. И в результате таким выдающимся личностям, как царь Георгий XI, приходилось тратить свой военный талант на усмирение восставших племен и народов, покоренных Ираном, отправляться то в Афганистан, то в Белуджистан, то еще в какую-нибудь даль, где вспыхивал мятеж».

О судьбе царя Георгия XI сообщают и зарубежные авторы — Крушинский, Мами-Клерак, Ханвей. Из всех грузинских царей личность Георгия XI наиболее известна европейскому читателю.

Георгий и его старший брат Арчил, правивший в Западной Грузии, много лет пытались объединить страну, без чего она не могла добиться полной независимо-

* Б а т о н и — соответствует рус. *сударь*; звательный падеж — батано.

сти, но определенная часть грузинских феодалов упорно противилась этому, играя на руку изощренной дипломатии Сефевидов.

В 1688 г. шах Сулейман, сместив Георгия XI с картлийского трона, объявил царем внука Теймураза Ираклия под именем Назарали-хана, наследственные владения которого (Кахети) находились в руках кызылбашского правителя. Однако мало было объявить его царем. Без меча он не мог завладеть дарованным тронном. Началась гражданская война. Самовластные феодалы объединились вокруг Ираклия против Георгия XI.

В Картли установилось «двоевластие».

В борьбе с кызылбашами от Георгия XI отошли даже близкие родственники — брат матери, его зять — эристав Ксанский.

Как утверждает Тадеуш Крушинский, шах Ирана ничего не добился бы, применяя лишь силу: Георгий XI был очень искусным полководцем. Кызылбашы подкупали князей, и те в решающий момент изменяли, отводили свои войска, предавая царя. И Георгию в этой ситуации оставался один выход: во враждебном Исфахане добиваться трона Картли и подчинить себе вероломных феодалов их же способом — при поддержке иранского шаха.

К этому времени шаха Сулеймана сменил на троне новый шах, куда более склонный к мирной жизни, чем к войне.

...И персидские, и европейские источники утверждают, будто умирающий шах Сулейман так обратился к своим везирам: «Если желаете мира и покоя, возведите на престол Хусейн-мирзу, если хотите укреплять мощь государства, расширить границы страны, объявите шахом Аббас-мирзу».

Из двух претендентов коварные везиры отдали предпочтение более слабому и податливому — в надежде, что легко приберут к рукам любящего уединение и молитвы Хусейн-мирзу. Они не обманулись.

В августе 1694 г. на престол Ирана был возведен двадцатилетний Хусейн. Он стал девятым и фактически последним шахом сефевидской династии.

Георгию XI нетрудно было восстановить дипломатические отношения с сефевидским двором. В марте 1697 г. он прибыл в Исфахан. Встретили его торжест-

венно, богато одарили. «На четвертый день,—пишет Сехниа Чхеидзе,—его принял шах, принял радушно, ласково, как отца, с подобающими почестями, по душе пришлось ему добросердечие царя Георгия».

Кто мог тогда предвидеть, что царю Картли не придется больше вернуться на родину.

Миссионер-иезуит Рикар, лечивший Георгия XI, общал в письме от 7 августа 1697 г., что шах был милостив к царю Картли, но трона не вернул.

А итальянский миссионер Амадео из Брешии писал в Рим в 1698 г.: «Царь Георгий пребывает в Исфахане, живет надеждой».

В Картли между тем положение ухудшилось. Гарнизоны кызылбашей, стоявшие в крепостях Тбилиси, Гори и Сурами, бдительно охраняли власть Ираклия (Назарали-хана), а он, со своей стороны, не мешал им обирать население, закрывая глаза на их бесчинства.

Но не знали покоя и жители Ирана: на восточные провинции нападали отряды белуджей, грабили и разоряли их. Кызылбаши не могли с ними справиться, в каждой схватке терпели поражение. И шах Хусейн решил использовать военный талант царя Георгия, находившегося в то время в Исфахане. Он назначил его бегларбегом Кермана и обещал вернуть трон Картли, если тот наведет порядок в Керманской провинции, покончит с разбойничьими набегами белуджей.

Очевидец событий Сехниа Чхеидзе пишет: «Не пожелал царь Георгий принять Керман, ибо был правителем Грузии и управление Керманом посчитал зазорным, но не отстал от него шах».

В конце концов грузинская знать Исфахана уговорила царя Георгия XI выступить в Керман, чтобы вернуть себе таким путем трон Картли.

Сехниа Чхеидзе отправился с войском Георгия и оставил нам правдивую картину сражений в пустыне и всего, что они там испытали.

Читаешь записи грузинского историка, и перед глазами встает опаленная солнцем, выжженная пустыня, где ни капли воды — смочить пересохшие губы, ни тебечка — хоть на миг укрыться от знойных лучей. Вокруг бескрайняя пустыня, угрюмая и таинственная. Можно месяц идти и не встретить ни души. В этот не-

обозримый безжизненный край и отправились воевать грузинские воины, но, судя по тону записей, они не пали духом, не утратили бодрости. «Мы ехали весело, словно на свадьбу были званы, и только наша малочисленность тревожила нас».

Войско состояло из 600 воинов, а белуджей, как донесли лазутчики, было до двух тысяч, и к тому же они были привычны к пустыне.

Царевич Леван, младший брат Георгия XI, строчками из поэмы Руставели ободрял соратников:

Провидение сильнее всех воителей вселенной,
Лишь когда настанет время, я покину мир мгновенный.
Ни друзья тогда, ни башни не спасут мне жизни брэнной.
Тот, кто это понимает, тверд душою неизменно.

Спустя пять столетий после создания бессмертной поэмы один эпизод из нее повторился почти точь-в-точь: Автандил, воплощение грузинского рыцарства, защитил караван мусульманских купцов, схватившись с разбойниками, а теперь грузинский царевич должен был избавить жителей Кермана от грабящих их белуджей. (Керманскую провинцию населяли в основном гебры — персы-огнепоклонники, не принявшие ислама после завоевания Ирана арабами, упорно сохранявшие свою религию — зороастризм.)

Наступили сумерки, рассказывает Сехниа, отряд царевича Левана остановился поблизости от лагеря белуджей, возле скал. Белуджи не обратили на них внимания: отряд противника был малочислен, а к тому же они так часто побивали кызылбашей, что уже не принимали их всерьез.

На рассвете начали перекликаться часовые. Белуджи издевались, кричали кызылбашам: «Кто вас одурачил, кто погнал на верную гибель? Мало вы от нас бежали, еще побежите!»

На это им ответили: «Аллах обрушил на вас свой гнев — явился сюда грузинский вали Леван, а с ним грузинское войско, растерзают вас!»

Услышав про грузин, белуджи призадумались «и не знали того, что нас, грузин, и двадцати не было, курицу не растерзали бы», — смеется над ними Сехниа Чхеидзе.

Шутки шутками, но грузинский меч, видимо, придал

кызылбашам уверенность и отвагу: из двух тысяч бедуев разве что пятьсот избежало смерти.

Шутки и стихи сопровождали грузин, измученных боями в пустыне, ободряя их, вселяя мужество, исцеляя от усталости и уныния, напоминая, что «муж в беде стоять обязан неприступною стеной».

Ведомые Георгием XI грузинские воины шли по выжженной пустыне, где не только никогда не сражались, но и ни разу не бывали. Далеко осталась вода грузинских родников, горсть ее — несбыточная мечта в этой проклятой богом пустыне — «живой водой» показалась бы грузинским воинам.

Вот что пишет Сехниа Чхеидзе: «Оглядели мы поле боя, но в иссохшей от зноя пустыне воды и в помине не было. Вечером сели на коней и поехали за ханом Систана, был он проводником нам и сказал, что вода в двух агаджах*, там, говорит, расположимся. Обрадовались, думали, источник, подобный грузинскому. Прошли два агаджа и в сумерках дошли до места, где, сказали, есть родник. Стали искать. Показали нам его, и увидели мы — вашему бы врагу увидеть такой родник: столько соли было в воде, что, клянусь вам, заяц бы умер, испив ее, горькой была вода от соли. И разобрав нас смех, а иные стали укорять и бранить хана, но что оставалось делать, переночевали мы там».

...Прошло время, и начались беспорядки в Кандагарской провинции. Выручать сефевидское правительство опять-таки должны были грузины.

В 1703 г. Георгию XI вернули картлийский трон, назначив его спасаларом Ирана и бегларбегом Кандагара.

«Что было делать,— говорит Сехниа Чхеидзе.— Обрадовались, что возвратили трон царю Картли, но опечалились, что надо было отправляться в Кандагар».

В Картли джанешином Георгия XI должен был остаться его племянник, сын Левана, Вахтанг, а сам он в мае 1704 г. с отборными грузинскими воинами повел кызылбашское войско усмирять Кандагар.

Почти два месяца ушло на дорогу. Снова шли через безводные пустыни. Достигли Кандагара, но и там было не легко.

* Агадж — мера длины, равная примерно 5—6 км.

«Знойно в Кандагаре,— пишет Сехниа Чхеидзе.— К вечеру дул такой раскаленный ветер, что приходилось отворачивать лицо. Я видел, как, взбив яйцо, выливали его на медную тарелку и оно жарилось на солнце, а на голой крепостной стене лепешка выпекалась».

Георгий XI навел порядок в Кандагарской провинции, а мятежного вождя афганцев Мир-Вейса заковал в кандалы и отправил в Исфахан, написав шаху Хусейну: «Султан сей непокорен, хочет посеять смуту в этом краю, не отпускайте его назад, не то натворит беду».

Европейские авторы единодушно утверждают, что, если бы шах послушался мудрого совета Георгия XI, возможно, и не закатилось бы солнце сефевидского государства.

...Голландский художник Корнелий де Брейн, приехавший в Иран в начале XVIII в., написал портрет шаха Хусейна. Лицо у повелителя Ирана приятное и даже добродушное. В глазах безмятежный покой, и ничего больше. Голландский художник оставил и словесный портрет сего шаха на страницах своего дневника: «Этот государь целиком поглощен женщинами, его распутство не имеет предела, о благоденствии страны он нисколько не печется. Его дурной пример — причина тому, что в великой сефевидской империи правосудие пало и воцарился произвол, а зло не карается».

Да, иногда словами действительно можно выразить куда больше, чем красками.

Слова голландского художника подтверждает польский миссионер Тадеуш Крушинский и добавляет: «Шах Хусейн считал свой гарем отдельным царством и единственным, что заслуживало заботы. По числу жен и расходам на них последний сефевидский шах превзошел всех своих предков».

Власть при нем перешла к евнухам.

Что хорошего ждало страну, благоденствие которой зависело лишь от личности государя!

Все, что мечом и огнем добыл столетие назад шах Аббас, теперь пускалось по ветру безвольным шахом Хусейном.

В Исфахане Мир-Вейс легко подкупил придворную знать и влиятельных евнухов, завидовавших возвыше-

нию царя Георгия и других грузинских деятелей в государстве Сефевидов. Под их нажимом беспечный шах скоро отпустил коварного афганского вождя, и Мир-Вейс невредимым вернулся в Кандагар, где показательной преданностью и лицемерными речами усыпил бдительность царя Георгия.

Однажды, когда большая часть грузинских воинов отправилась в горы усмирять какое-то взбунтовавшееся племя, афганцы вероломно напали на царя Георгия и его свиту на пиру у Мир-Вейса и всех перебили.

Случилось это 21 апреля 1709 г.

Последние минуты Георгия XI описаны Иосебом Картвели. Заслышав шум, Георгий мигом отрезвел, вскочил на ноги и выхватил меч. В шатер ворвалось с полсотни афганцев во главе с Мир-Вейсом. Георгий бросился им навстречу, и восемь человек, попавших под его меч, распростились с жизнью, но одолеть всех ему было не под силу, и ударом копья грузинский царь был убит.

«Сорвал с него крест и образок Мир-Вейс, взял псалтырь, который был у Георгия, и послал шаху, говоря: так обманывал тебя царь», — рассказывает Вахушти Багратиони.

Года через два в окрестностях того же Кандагара из-за измены кызылбашей погиб и племянник Георгия XI — царь Кайхосро.

Тадеуш Крушинский пишет, что афганцы, хотя и одержали крупную победу, воздали хвалу отваге побежденных: «Кызылбашы — бабы в сравнении с нами, а мы, афганцы, — бабы в сравнении с грузинами».

...И все же недаром была пролита кровь на чужбине. Своими военно-политическими успехами в Иране Георгий XI на десять лет обеспечил Картли передышку от войн и вторжений.

В течение этих десяти лет в Картли успешно правил «заменивший» царя Георгия XI его племянник Вахтанг. Благодаря его энергичным усилиям страна достигла небывалого для того времени культурного подъема.

В Тбилиси была основана типография, и грузин мог теперь взять в руки печатное издание «Витязя в тигровой шкуре».

Английский картвелолог Д. Ленг замечает: «По правде сказать, этот период пробуждения и возрожде-

ния не сравнить с достижениями золотой эпохи Давида и Тамар, но это был истинный ренессанс, серебряная пора грузинской цивилизации».

Кровью грузинских воинов, пролитой на благо Ирана, оплачен был обретенный на короткое время покой и прогресс культуры Картли.

Георгий XI, чьими усилиями судьба Картли, хотя и ненадолго, озарилась ярким светом, с честью выполнил свой долг перед родиной и словно бы говорит нам из своего далека:

Иго мое благо, а бремя мое легко.

КЛЯТВА

«Царь Вахтанг отправился к шаху в Исфахан. Посмотрим, будет ли милостив господь к Грузии»,— записал в апреле 1712 г. на титульном листе одной церковной книги некто Герман («грешный монах», по его же словам).

Джанешин Картли Вахтанг направлялся в Исфахан, дабы повелитель сефевидского Ирана утвердил его на царство в Картли вместо погибшего у Кандагара брата Кайхосро.

Трудно сказать, о чем думал Вахтанг в тот час, каким виделось ему будущее, ждал ли добра от вынужденной поездки в Иран, предчувствовал ли, сколько бедствий готовила ему коварная судьба, та самая, которую царь-поэт с грустной улыбкой упрекнет впоследствии:

Судьба разрушила мою обитель, мой дом,
осудила меня заниматься стихотворством, вместо
того чтобы дать мне царствовать.

Четверть века жизни было еще впереди у Вахтанга, а это не так уж мало для человека в 37 лет, но, увы, из этого срока лишь пять лет предстояло провести на родине, а остальные годы отсчитают Исфахан, Керман, Тебриз, Казвин, Москва, Петербург, Дербент и, наконец, Астрахань, где закончится многострадальная жизнь прославленного царя.

В многочисленной свите Вахтанга нет прорицателя, и никто ему не предскажет, что в апреле 1712 г. его

жизненный путь дошел до перевала и стал спускаться под гору.

Всего десять лет правил Вахтанг в Картли, будучи джанешином, но это десятилетие по своему значению стоит иного столетия. По всеобщему признанию, многогранная и неутомимая деятельность Вахтанга на благо родины, затрагивавшая все стороны общественной и государственной жизни, была одной из лучших страниц грузинской истории.

Вахтанг поселил крестьян в давно покинутые, разоренные деревни, восстановил дороги, мосты, оросительную систему, построил множество караван-сараяв, дворцов. Застывшая на время хозяйственная жизнь Картли снова вошла в колею. Тбилиси стал крупным центром торговли и ремесел.

Бурно развивалась культура. Открылась первая типография, и теперь рядом с книгами, вышедшими в Риме и Москве, на книжных полках стали книги, отпечатанные в Тбилиси.

Вахтанг решительно запретил в Картли торговлю пленными, что при Назарали-хане было главным источником доходов кызылбашских гарнизонов. В ответ на это восстал кызылбашский гарнизон Тбилисской крепости. «Кызылбашаи закрыли ворота и стали стрелять из ружей и пушек», — пишет Вахушти Багратиони.

О происшедшем Вахтанг сообщил шаху Ирана. Тот без колебания поддержал его и заточил главаря бунта в Аламутскую крепость, служившую тюрьмой.

Стараниями выдвинувшихся на военно-политической арене сефевидского Ирана грузин Картлийское царство было фактически независимым. Шах Ирана не вмешивался во внутренние дела Картли, а если вмешивался, то принимал сторону Вахтанга.

...В апреле 1712 г. Вахтанг отправляется в Исфахан, и слова «грешного монаха» Германа «Посмотрим, будет ли милостив господь к Грузии» отражали думы всего народа.

Уже не было среди живых тех, кто мог бы заступиться за Вахтанга перед шахом, отстаивать его интересы, — Георгия, Левана, Кайхосро. Правитель Картли остался один на один с шахским двором.

В Исфахане от Вахтанга потребовали перейти в ислам, но он категорически отказался.

В августе 1712 г. французский миссионер Пьер Исуден сообщал из Исфахана французскому послу в Константинополе, что шах Ирана несколько раз пытался сломить твердость Вахтанга, но тот был непреклонен. Исудену он сказал, что лучше даст изрубить себя, но веру свою не изменит. Правда, Исуден сомневался в твердости Вахтанга и опасался, что тот перестанет упорствовать, если его не утвердят христианским царем Картли, и, подобно отцу, дяде и двум братьям, примет ислам. Но автор письма тем не менее с надеждой заключает, что Вахтанг готов отказаться скорее от владений, чем от веры.

Что ждало Вахтанга с переходом в ислам? Номинально признанный царем Картли, ему пришлось бы остаться в Иране, получив пост спасалара, и сражаться где-нибудь против восставших афганцев, как сражались до него Георгий и Кайхосро, а его страной правил бы кто-нибудь из его братьев в качестве джанешина, как правил он сам десять лет.

Вахтанг не боялся воевать и готов был послужить Ирану мечом, подобно дяде и старшему брату, обеспечив тем самым мирную жизнь Картли. Но их же трагический конец, спровоцированный в Исфахане за спиной обоих, вызывал вполне понятное колебание Вахтанга.

С одной стороны, Георгию и Кайхосро поручали подавлять мятежи афганских племен, но с другой — по возможности мешали им в этом, то и дело строя против них козни. За верную службу Ирану сефевидская знать платила им завистью, коварством, ненавистью и предательством, не думая о том, что от гибели Георгия и Кайхосро никакой выгоды Ирану не было.

Кровь, которую сыновья Грузии проливали за Иран, в Исфахане совсем не ценилась. Вахтанг видел это и упорно отказывался перейти в чужую веру. «И тогда шах решил оставить Вахтанга при своей вере, но не допустили этого эмиры», — пишет Вахушти Багратиони.

Несмотря на исключительную набожность, сефевидский государь (или, как его еще называли, «Мулла-Хусейн») не был фанатиком.

Тадеуш Крушинский рассказывает, что шах Хусейн показал как-то своему внуку ручные часы, изготовленные в Женеве, и заметил: «Как видно, у франков ма-

стера лучше наших, боюсь, что и религия их может быть лучше».

От этого странного шаха всего можно было ожидать, но его ближайшему окружению, имевшему на него влияние, не по душе были даже те грузинские цари, которые принимали ислам, так разве стали бы они терпеть царя-христианина?

Пока Вахтанг упорствовал, в оставшемся без присмотра Картли объявился претендент на престол. Это был католикос Доменти.

Вот что повествует Тадеуш Крушинский.

После гибели Кайхосро трон Картли полагалось занять Вахтангу, старшему из живых царевичей, но поскольку он не желал менять веры, то не мог получить трона. Тогда его брат, патриарх Грузии Доменти, выразил готовность принять ислам, жениться и, отказавшись от патриаршего сана, занять трон. Намерение Доменти возмутило его отца Левана, диванбега (верховного судью) Исфахана, и он прибегнул к одному верному средству, дабы охладить честолюбивый пыл сына: наказал его большим количеством палочных ударов по пяткам. (В сефевидском Иране этот вид наказания был очень распространен, и, хотя не считался смертельным, часто отправлял человека на тот свет, а в лучшем случае лишал возможности ходить.)

В сообщении Тадеуша Крушинского допущена одна неточность: в 1712 г., когда Вахтанг прибыл в Исфахан, Левана, отца Вахтанга и Доменти, уже не было в живых. Леван скончался в 1709 г. и, следовательно, не мог наказать своего зарившегося на трон сына. Тадеуш Крушинский знаком был с Вахтангом и обо всей этой истории мог узнать непосредственно от него самого. Возможно, Вахтанг сказал, что если бы отец был жив, то наказал бы Доменти палочными ударами, а польский миссионер не понял сказанного или сознательно исказил истину.

Все остальное в рассказе Тадеуша Крушинского соответствует истине, а необычное намерение патриарха Грузии подтверждают и другие авторы.

Пьер Исуден в письме, посланном из Тебриза в Константинополь в июне 1714 г., сообщает, что грузинского царя содержат в заточении из-за отказа перейти в ислам и это вызвало сильные волнения в Грузии.

По словам французского миссионера, брат Вахтанга, патриарх Грузии Доменти, обратился к шаху с просьбой поставить его царем Картли и женить на дочери царя Кахети, обещая перейти в мусульманство и послать шаху положенную дань — крестьян в рабство, а также отправить к нему семью Вахтанга вместе с другими именитыми грузинами. Шах Ирана с радостью принял предложение патриарха Доменти и тотчас направил к нему гонцов с подарками и посланием, в котором обещал исполнить его просьбу, как только тот примет ислам. Но грузинская знать была начеку: патриарха схватили и упрятали в Осети, приставив к нему усиленную стражу.

Согласно сведениям Вахушти Багратиони, Доменти был схвачен его же братом Симоном, правившим в Картли вместо Вахтанга. («Велел он Бакару выколоть ему глаза».) От жестокого наказания патриарха уберегла супруга Вахтанга Русудан. Видимо, эту историю имел в виду Вахтанг, когда писал:

Отвергли своего бога, духовные лица оскорбляли веру,
Ни один идол не причинял мне того, что они,
мулла не запрещал мне молиться моему богу,
а мои губители в Грузии
мою семью пытались заточить, имущество мое растащить...

И, наконец, в исторической поэме Иэсе Тлашадзе «Бакариани» сам Доменти горестно произносит:

Оклеветали меня неслыханно,
слуги мои спешили меня поймать, сговорившись,
те, кому я сделал добро, даже они радовались моей беде,
одна надежда у меня — на бога, брат не поможет...

На это можно сказать одно: католикоса Грузии никто бы не стал хватать, а тем более грозить ему ослеплением без веских на то причин.

Доменти просчитался. Венец Картли заполучил его брат Иэсе, принявший ислам. Вахтанга же выслали в Керман.

В Кермане Вахтанг перевел на грузинский язык «Калилу и Димну», и в связи с этим он писал: «Не осуждайте, если и упустил что-либо. Камень не выдержал бы моего горя, мои горькие думы и тоска морем бы могли разлиться».

В 1716 г. шах, разочаровавшись в Иэсе, снова обратил взор на Вахтанга и призвал его к себе из Керма-

на. Спасаларом Ирана желали видеть именно грузинского царя. Вахтангу пришлось отложить перо, ибо в руки ему вкладывали меч.

Снова призвали меня в Исфахан, не завершил я работу, оказали много почестей, боюсь, как бы не прельстился.

Дипломатическая миссия Сулхан-Саба Орбелиани в Западную Европу (его тайно посылал туда Вахтанг) никаких результатов не дала. Надежды на помощь из Парижа или Рима развеялись. Был ли смысл доживать дни в Кермане? И Вахтанг смирился, принял ислам. Вместе с верой изменил и имя: его называли теперь Хусейн-Кули-ханом. Ему вернули трон Картли и пожаловали при этом еще две высокие должности — спасалара Ирана и бегларбега Тебриза. А джанешином на картлийский трон назначили Бакара, сына Вахтанга.

Вахтанг писал, обращаясь с посланием к грузинской знати: «Все вы хорошо знаете, что и Грузии и грузинам я стремился сделать только добро. На короткое время кознями и происками врагов мои дела сложились так, но я все же ни на кого не в обиде и не лишаю своей милости».

Хотя переход в другую веру был формальным, Вахтанг остро переживал и оправдывался в одном стихотворении: «Стала немощной слабая плоть». А в 1716 г. он говорил Тадеушу Крушинскому, что в душе остался христианином.

Передовые государственные деятели Грузии стремились к сближению с единой Россией, считая, что покровительство России сможет защитить их страну от постоянной агрессии мусульманского Ирана и Турции.

Вахтанг с надеждой взирал на планы Петра I, осуществление которых принесло бы народам Закавказья свободу.

В 1717 г. в Исфахан прибыло русское посольство, возглавляемое Артемием Волынским. Петр I поручил ему установить торговые отношения с Ираном. Кроме того, в задачу Волынского входило изучение военно-политического положения сефевидского государства и установление связи с христианскими странами и населением Закавказья.

Возвращаясь из Исфахана, Волынский ненадолго ос-

тановился в городе Шемахе. Здесь по поручению Вахтанга с ним встретился некий Парсадан-бег, с которым Волынский познакомился еще в Исфахане. Парсадан-бег передал от имени Вахтанга благодарность Петру I за бескорыстную заботу о родственниках грузинского царя, находившихся в России (о царе Арчиле и его детях). Кроме того, Вахтанг просил православную церковь не осуждать его, поскольку, хотя он и вынужден был принять «поганую веру магометан», в душе остался христианином и надеется, что снова вернется в лоно христианской церкви благодаря помощи его величества Петра.

Парсадан-бег сказал Волынскому, что настала пора заняться и государственными делами. Просил отправить с ним письмо Вахтангу и указать, какие предпринять действия, к какому сроку готовить поход против Ирана.

Волынский объяснил Парсадан-бегу, что он «послан не для войны, а для мира» и что был бы «совершенно сумасбродным человеком, если бы стал воевать, имея при себе один свой двор».

Парсадан ответил, что в Иране считают, будто Волынский задержался в Шемахе, чтобы возвести укрепления.

Русский посол, разумеется, не был послан в Иран для войны, но он прекрасно видел, что сефевидское государство переживало крайний упадок, и понимал, что это создавало благоприятную обстановку для освобождения народов Закавказья.

В записках Артемия Волынского много интересных сведений о политико-экономическом распаде Ирана того времени, о положении при дворе, о личности самого шаха Хусейна (не он управляет подданными, а сам подданный своих подданных). «Редко такого дурачка можно сыскать и между простых, не токмо из коронованных», — читаем мы в записках. Все дела он передоверил своему этемад од-доуле, который «отстранил от шаха и от государственных дел всех умных людей».

Волынский касается «занятий» придворной знати Ирана и саркастически заключает: своим бездельем и невежеством они «так свое государство разорили, что... и Александр Великий в бытность свою не мог войною так разорить». (Персидский историк Мухаммед Мухсин,

повествуя об этом же периоде, говорит, что везиры пеклись лишь о своих собственных удовольствиях, продавали должности, брали взятки.)

По мнению Вольтерского, сефевидская династия доживала последние дни. Посол очень удивлялся, почему другим странам Иран еще представляется могучим и великим. Кызылбаши всячески пытались убедить его в могуществе сефевидской державы, прибегая к самым невероятным уловкам. Например, за несколько дней до прибытия Артемия Вольтерского в Исфахан шах Хусейн приказал посеребрить и позолотить валявшиеся на майдане старые пушки, из которых, как замечает Вольтерский, наверняка лет сто никто не стрелял.

Когда Вольтерский повел речь о затянувшейся русско-шведской войне, этемад од-доуле Ирана тотчас предложил отправить на помощь России двухсоттысячное войско! Но подобными приемами не провести было русского посла: он прекрасно знал, что для борьбы с афганцами иранское правительство почти целый год собирало войско чуть ли не во всех иранских провинциях и еле-еле набрало двадцать тысяч воинов. И Вольтерскому становится совершенно ясно: Иран так слаб, что, несмотря на войну со шведами, Россия безо всякого риска сможет достичь цели даже силами небольшого корпуса.

А Вахтанг сообщал послу России, что если Петр I объявит войну сефевидскому шаху, то он, Вахтанг, выступит с сорокатысячным войском, ведь кызылбаши настоящие трусы...

В 1719 г. Вахтанг вернулся на родину. Вернулся и энергично взялся за внешние и внутренние дела Картли. Надо было прекратить нескончаемые набеги чар-белаканских лезгин на Грузию. И шах Ирана призвал царя Картли покарать лезгин за разорение Ширванской области.

Осенью 1720 г. Вахтанг выступил во главе многочисленного войска, чтобы навсегда покончить с набегами лезгин.

Сефевидский двор снова всполошился, узрев в походе Вахтанга угрозу для себя.

Советники стали убеждать шаха, что Вахтанг одолеет лезгин и, воодушевившись, попросит помощи у России, выступит против Ирана, и, как пишет Сехниа

Чхеидзе, «если царь Вахтанг овладеет Чари, то он завладеет всей страной» (т. е. Ираном).

По просьбе или по настоянию своих тупоумных советчиков и советников шах Хусейн тут же направил грузинскому царю приказ: с лезгинами не воевать и немедленно вернуться в Тбилиси.

Приказ шаха пришел в тот самый момент, когда Вахтанг со своим войском уже готовился к решительной атаке.

Можно себе представить негодование и возмущение царя Картли. Ослушаться шаха Вахтанг все же не решился, боясь, что грузинская знать опять предаст его в трудный час, как предавала в свое время царя Георгия XI.

Вахтанг призвал гонца и велел передать шаху Хусейну, что подчиняется его требованию. Потом, как сообщает Тадеуш Крушинский, вынул меч из ножен и в присутствии гонца торжественно поклялся никогда больше не обнажать его для защиты Сефевидов.

Ни сам Вахтанг, ни кто-либо другой не представлял себе в этот миг, как скоро понадобится шаху Хусейну помощь грузин и каким роковым окажется для сефевидской династии отказ Вахтанга.

Царь Картли твердо решил судьбу своей страны: помощи и покровительства отныне он ждал только с севера.

Был сделан выбор, подсказанный и оправданный историей всех предшествующих столетий.

ГУЛНАБАД. ГОД 1722-й

«В лето 1722 года на Исфакан напал Махмуд, сын Мир-Вейса из Кандагара,— сообщает Сехниа Чхеидзе.— Мир-Вейса уже не было в живых. Получив весть об афганцах, шах выслал навстречу им исфаканское войско, и в трех агаджах от столицы сразились, кызылбаши понесли поражение, убили куллар-агасы Ростом, брата царя Вахтанга».

Ростом, самый младший из сыновей царевича Левана, родился, по всей вероятности, в 1690 г.

На чужбине родился Ростом, на чужбине рос и на чужбине скончался еще в молодые годы. В Иране в ту

пору находились со своими слугами, приближенными дворянами и князьями отец Ростом, его дяди, его братья, родные и двоюродные. Несмотря на то что царевич с первых дней жизни был оторван от родной земли, он прекрасно знал грузинский язык и грузинские обычаи, владел оружием и отличался доблестью. Ростом довольно долго был таругой Исфакана, а в 1718 г. шах пожаловал ему должность куллар-агасы Ирана.

...Государственные дела в Иране шли вкривь и вкось. Крах был не за горами — это единодушно отмечают в своих записках русский посол Артемий Волинский и турецкий — Дури-эфенди, европейские путешественники и католические миссионеры, персидские и грузинские историки. И даже звездочеты суеверного шаха предсказывали падение сефевидской династии.

Летом 1721 г. необычное явление повергло в ужас жителей Исфакана. Десять дней на небе не появлялось солнце. Горизонт скрывали багровые тучи. Свету было чуть больше, чем при полном затмении солнца. По мнению астрологов, все эти знамения предвещали страшные бедствия: одни предсказывали землетрясение, другие — всепожирающий пламень с неба.

Богобоязненный шах Хусейн уверился, что силы небесные восстали против него. Он немедленно покинул дворец и стал жить в шатре. Двор последовал его примеру, дома опустели, сады заполнились людьми. Шах запретил всякие развлечения и повелел всем поститься и молиться. Муллы призывали старых и малых искренним покаянием в своих грехах отвести надвигающееся бедствие. И не ведали в Исфакане, что бедствие уже приближается из Кандагара и олицетворяет его Мир-Махмуд. Его отец, глава афганского племени гильзаев Мир-Вейс, оставил своим соплеменникам завет: если кызылбаши нападут на Кандагар, принять их условия, заключить мир, но если они отложат войну, отправиться воевать с ними и наступать до самых ворот Исфакана.

Шах Хусейн смирился с потерей Кандагара, и Мир-Махмуд, выполняя волю отца, собрал все силы и пошел войной на шаха.

Афганцы вторглись в Иран.

Наступил 1722 год.

Некий католический миссионер в письме из Исфа-

хана от 10 января отмечал: «Положение страны ухудшается с каждым днем, ибо со всех сторон ее теснят и беспокоят враги, мятежники и предатели. Впереди — страшный сюрприз. Да хранит нас бог!»

Тадеуш Крушинский сообщает, что при приближении афганцев кое-кто из сановников попытался расшевелить беспечного шаха, предупредив его, что положение опасное. Но шах безмятежно заявил, что об этом им следует тревожиться, а он будет доволен, если ему оставят его дворец в Ферабаде, чем поверг своих советников в изумление.

Мир-Махмуд был уже в четырех днях пути от Исфахана, когда появились посланцы сефевидского двора и предложили 15 тысяч туманов, чтобы он повернул назад. Предводитель афганцев, сообразив, что враг слаб и охвачен страхом, решительно отказался. Войско Мир-Махмуда продолжало двигаться вперед и недалеко от Исфахана, у деревни Гулнабад, раскинулось лагерем.

Шах созвал совет.

Новый этемад од-доуле требовал укрепить город и обороняться, пока не подспеют войска из провинции.

Вали Арабистана и куллар-агасы Ростом настаивали на сражении с афганцами. Шах Хусейн, ко всеобщему удивлению, тоже высказался за сражение.

Стали набирать отряды из жителей окрестных сел. Население громогласно оповестили, что все, кто пойдет воевать, на шесть месяцев освобождаются от податей. Результаты сказались немедленно, да что проку: большую часть ополчения составили крестьяне и ремесленники, никогда не державшие в руках оружия. Многим предстояло сражаться дубинками и кирками.

Так увеличили численность войска, но и хорошо вооруженных и обученных воинов у шаха было достаточно. Всего набралось тысяч сорок.

Сорокатысячное иранское войско выступило в сторону Гулнабада. Кызылбаши везли к полю боя двадцать четыре пушки.

Артиллерийский корпус номинально подчинялся тупчи-башы (начальнику артиллерии) Ахмед-хану, но фактически корпусом командовал Филипп Колумб, выходец из Франции, несколько лет служивший в русской армии и заброшенный в конце концов судьбой в Иран.

Тупчи-башы был совсем несведущ в военном искусстве. Тадеуш Крушинский передает один курьезный факт, красноречиво говорящий об очень низком уровне военных познаний тупчи-башы. Он, оказывается, спросил находившихся в Исфахане англичан, долетит ли снаряд, посланный из Исфахана, до Гулнабада. А расстояние между ними ни много ни мало почти двадцать километров!

Войско кызылбашей, достигнув Гулнабада, перешло через канал и расположилось напротив афганцев, но сражение отложили на несколько дней: астрологи шаха заявили, что до 8 марта не будет благоприятного расположения звезд.

Суеверный шах не ограничился консультацией у астрологов. Он приказал раздать накануне боя всем войнам «волшебный» суп, придуманный одним из его военачальников. Шаха уверили, что воины, отведав этого супа, станут невидимыми для врага. Суп готовили по такому рецепту: две козлиные ноги и триста двадцать пять зерен горошка заливались водой в котле и варились, а для усиления волшебного действия к каждому котлу подходила девушка и триста двадцать пять раз произносила заклинания.

Но это еще не самое поразительное в истории Гулнабадского сражения. Невероятно, но факт — сефевидское войско имело двух главнокомандующих: один — этемад од-доуле, другой — вали Арабистана! Само по себе это ничего хорошего не сулило войску, а тут положение осложнялось еще и тем, что они завидовали друг другу, враждовали, а самое главное — по-разному мыслили ход предстоящего сражения: этемад од-доуле намерен был обороняться, а вали Арабистана — атаковать. Наступил злополучный для Ирана день 8 марта 1722 года. Обе стороны оценивающе наблюдали друг за другом. Значительная часть сефевидского войска была хорошо вооружена и раза в три превосходила числом афганцев.

Центр сефевидского войска занимали отряды этемад од-доуле, левым флангом командовал вали Луристана, правым — куллар-агасы Ростом и вали Арабистана.

Центром афганцев командовал сам Мир-Махмуд, справа и слева находились его испытанные военачальники Аманулла-султан и Насрулла-султан.

Обе стороны терпеливо выжидали: ни одна не жаждала первой схватиться с противником. Осторожный этемад од-доуле думал об обороне, а афганцы с трепетом взирали на многочисленные ряды кызылбашей, сверкавшие позолотой и серебром.

Так они выжидали до четырех часов пополудни.

У Ростома кроме войска кули была и отборная шахская гвардия — четыреста закаленных в боях грузин. Истомившиеся от длительного бездействия, Ростом и его воины яростно налетели на левый фланг афганцев и смешали их ряды.

Одновременно с ними кавалерия вали Арабистана очертила широкую дугу на равнине и, совершив смелый рейд, оказалась в тылу врага.

Но вместо того чтобы поддержать отряды Ростома, подставив под перекрестный огонь левый фланг врага и уничтожив его, арабы рассыпались по лагерю афганцев и принялись их грабить.

Атака войск Ростома смяла левый фланг афганцев, и Мир-Махмуд, видя поражение Насруллы, хотел уже в панике бежать с поля битвы, но предводителя афганцев успел удержать его второй военачальник, Аманулла, посоветовав поскорее помочь Насрулле, Мир-Махмуд взял себя в руки и поддержал свой левый фланг. Центр афганцев остался неприкрытым, но этемад од-доуле Ирана и не подумал воспользоваться этим, пальцем не шевельнул, пассивно наблюдая за ходом сражения. Битва достигла своей кульминационной точки, а пятнадцать тысяч воинов этемад од-доуле стояли безучастно, наблюдая, словно зрители.

И арабы, увлекшись грабежом, совсем забыли о Ростоме. В результате Мир-Махмуд и Насрулла совместными усилиями отрезали Ростома от остального сефевидского войска.

Тем временем вали Луристана на левом фланге атаковал афганцев. Сделав вид, что они отступают, часть афганцев кинулась вправо, часть — влево, открыв простор своим фальконетам. Со спин тысяч верблюдов, опустившихся на передние ноги, ударил огонь, вызвав страшную панику в рядах кызылбашей. Оставшиеся в живых кое-как вынесли с поля боя раненого военачальника.

Этемад од-доуле приказал отступать. Так и не всту-

пившие в бой воины показали врагу спину, и отступление их обернулось беспорядочным бегством. Афганцы так стремительно и смело атаковали артиллерию противника, что Филипп Колумб еле-еле успел дать три залпа,— волна афганцев смяла и иранских пушкарей.

Исход битвы был решен. Один иранский главнокомандующий сломя голову мчался в Исфахан, а второй в это время, позабыв обо всем на свете, грабил афганцев.

Окруженные со всех сторон афганцами, грузины во главе с Ростомом отчаянно пробивались к каналу. Перескакивая через канал, конь Ростомоступился. Пока Ростом вызволял коня, увязшего в илистом дне, на него налетели афганцы и зарубили. Из четырехсот грузин ни один не остался в живых.

Кызылбаши потеряли пять тысяч человек, афганцы — всего пятьсот, и все в бою с Ростомом.

Персидский историк Мухаммед Мухсин воздает должную хвалу куллар-агасы-грузину, отваге грузинских воинов в этом бою и заключает: «Не прояви другие военачальники трусости и поддержки они куллар-агасы Ростомоступились бы в бегство».

У льва на иранском знамени притупились когти, а солнце, сиявшее с его спины, померкло.

ПРОРОЧЕСТВО ПЬЕТРО ДЕЛЛА ВАЛЛЕ

Вахушти Багратиони свое краткое описание поражения сефевидского войска в Гулнабадском сражении заканчивает словами: «Тогда написал шах царю, чтобы оказал ему помощь». О том, какое значение для династии Сефевидов имела помощь грузин, подробно сообщают иностранные источники.

По уверению польского миссионера Тадеуша Крушинского, шах Хусейн большие надежды возлагал на грузин. Их военная доблесть одинаково хорошо была известна и кызылбашам, и восставшим против Ирана афганцам. По словам Тадеуша Крушинского, Мир-Махмуд предупредил свое войско: если на помощь шаху Хусейну придут грузины, он тотчас снимет осаду с Исфахана.

В начале июня осажденным жителям Исфахана све-

том надежды блеснула желанная весть из далекой Грузии. Французский консул Анже де Гардан записал: «Говорят, что царь Картли разбил лезгин, отвоевал Шемахскую область и посылает сюда на помощь шаху своего сына во главе двенадцатитысячного войска. Это самое верное средство, милостивый государь, спасти положение страны. Махмуду придется отступить, так как бой с грузинским войском слишком для него опасен».

Иранский шах, предводитель афганцев и французский дипломат придерживались одного мнения о значении помощи грузин.

...В Азии и в Европе с давних пор известна была боевая доблесть воинов Грузии, их «отвага в сражении». Эти качества признавали и друзья и враги (в том числе и такие полководцы, как Джелал ад-Дин и Тамерлан).

Иран часто посещали европейские путешественники, послы, купцы, миссионеры. В их записках, письмах, сочинениях много интересных сведений о грузинах.

Пьетро делла Валле писал в 1619 г., что лучшую часть иранского войска составляют грузины. Член английского посольства Томас Херберт отмечал, что грузины высоко ценят свою честь и отличаются верностью слову. Это создало им в Иране блестящую репутацию. «Редко кому доводилось слышать об их вероломстве. Находясь на службе у персов, они никогда не переходили на сторону турок». Французский миссионер Мартин Годеро говорит, что «грузины, безусловно, самые отважные люди на Востоке».

Посол Петра I Артемий Волинский писал: «Самым лучшим войском в Иране я считаю грузинское». Волинский уверяет, что своими победами над Турцией и Индией Иран в значительной мере обязан грузинским воинам.

В конце XVII в. Иран уже не был тем Ираном, каким он был при могущественном шахе Аббасе. Путешествовать по стране стало опасно. Царил произвол, разбойники и не признававшие никакой власти местные правители безнаказанно грабили путников. Вот почему французский миссионер Филипп Авриль, направлявшийся в 1685 г. из Эревана в Шемаху (по заданию иезуитского ордена он изучал сухопутные пути в Индию и

Китай), и все его спутники «были переодеты грузинами, вид которых наводил ужас во всем Иране».

Так было в XVII в., а позже, когда, по словам Давида Гурамишвили, «притупились мечи персов и голос их стал просительным», грузинских воинов ценили еще выше.

Положение Ирана при последних Сефевидях было очень тяжелым. Если во времена шаха Аббаса кызылбаши могли противостоять Турции, Португалии, Индии, в жестоких сражениях одерживали победу за победой, то при шахе Хусейне затупившийся меч Ирана не мог укротить даже восставших белуджей и афганцев.

За столетие до поражения при Гулнабаде Пьетро делла Валле предсказал падение возведенного на кровавом фундаменте сефевидского государства. Указывая на варварскую политику шаха Аббаса, он заметил, что господь всегда воздаст за зло, которое один человек причиняет другому, но и сама жертва не забывает зла и не прощает его. Так что и грузины, может быть, в один прекрасный день воздадут должное Сефевидам за все их злодеяния.

Пророчество Пьетро делла Валле сбылось.

Когда афганцы осадили Исфахан, шах Хусейн поспешил обратиться за помощью к Грузии. Он пожаловал сыну Вахтанга VI должность куллар-агасы, послал ему дорогие подарки и велел явиться в Исфахан с войском.

Новый куллар-агасы достиг было уже границ Грузии с Ираном, когда Вахтанг VI заставил сына повернуть назад. Царь Грузии, вступивший в союз с русскими, не пожелал больше проливать кровь на благо сефевидского Ирана.

Вахтанг VI сдержал свою клятву, и клятва его оказалась роковой для Сефевидов.

Английский историк Л. Локарт пишет, что только грузины могли одолеть афганцев. И ту же мысль высказывает известный картвелолог Д. Ленг, полагая, что военная помощь Грузии, безусловно, спасла бы сефевидскую династию.

Грузины предоставили шаху Хусейну уповать на милосердного и всемогущего Аллаха. А Аллах, по словам персидского историка, уже решил судьбу его государства.

Осада Исфахана афганцами, не ведавшими пощады и жалости, отрезала столицу Ирана от внешнего мира и обрекла ее на жестокий голод. В окруженном врагами городе истребили всех собак, кошек, ослов и принялись за мышей. Ели все, что можно было сжевать. Свиристествовал такой голод, что шли в ход не только размякшая кожа и древесные опилки — не брезгали даже конским навозом. И бедные и богатые оказались почти в одинаковом положении. Золото и серебро утратили всякую ценность. Персидский историк пишет, что разряженные в шелка люди, словно черви, поедали листья на деревьях. Сам же иранский шах питался верблюжатиной и кониной.

Исфахан вымирал, еще немного, и он превратился бы в город мертвых. За шесть месяцев осады погибло до ста тысяч человек, большей частью от голода и болезней.

А недалеко от Исфахана, в Ферабаде, афганцы терпеливо дожидались бескровной победы.

Шах предпочел сдаться, чем умереть с голоду. Переговоры с афганцами оказались предельно краткими и простыми. Мир-Махмуд потребовал безоговорочной капитуляции. Победленному шаху следовало явиться в лагерь афганцев и вручить их предводителю свой венец и свою жизнь.

Чтобы добраться до Ферабада, шаху Хусейну нужен был конь, но достать его он не смог бы и за полцарства: в Исфахане не то что лошадей — лошадиного духу не осталось. Кызылбаши съели даже самых редких скакунов из шахской конюшни. В конце концов сам Мир-Махмуд проявил великодушие и выручил шаха: отправил неслыханно униженному повелителю Ирана коня из Ферабада.

Шах Хусейн велел заколоть последних трех верблюдов, предназначенных для шахской кухни, и раздать жителям. Рыдая, прочитал он молитву и пустился в путь.

Бесплотной тенью следовал шах по улицам, усеянным трупами. Тадеуш Крушинский рассказывает, что отошавшие, иссохшие жители Исфахана молча провожали шаха и его небольшую свиту, но их горестное молчание было куда страшнее громких рыданий и воплей. Произошло это 23 октября 1722 г.

Поэт XVIII в. Иэсе Тлашадзе в поэме «Бакариани» отвел несколько строк некоему Иосебу, переводчику при французском посольстве в Константинополе. В европейских источниках он упоминается как Иосеб Картвели (Иосеб Грузин).

Шел октябрь 1722 г. Столица некогда могущественного сефевидского государства была осаждена афганцами. Жители голодали. Шах Хусейн решил сдаться на милость афганцев. Он покорно явился к Мир-Махмуду, расположившемуся в великолепном дворце шаха неподалеку от Исфахана.

Долго заставили прождать перед дворцом бездарного, безвольного потомка прославленного шаха Аббаса, сознательно унизили, прежде чем впустить в приемный зал.

«Салам алейкум», — смиренно приветствовал шах Хусейн восседавшего в углу Мир-Махмуда. Грозный предводитель афганцев и не подумал встать и ответить, а ограничился лишь безмолвным кивком. Шаха Ирана усадили в противоположный угол.

Прозванный за свою чрезмерную набожность муллой, он и на этот раз обратился к Мир-Махмуду со словами из Корана: «О боже, царь царства! Ты даешь власть, кому пожелаешь, и отнимешь власть от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь. В твоей руке благо; ты ведь над каждой вещью мощен!»

Закончил стих и добавил от себя: «Покоряюсь тебе, сын мой, желаю тебе править счастливо». (Пятидесятичетырехлетний шах Хусейн действительно в отцы годился двадцатичетырехлетнему Мир-Махмуду.)

После этого правитель Ирана снял свой венец и передал его афганскому военачальнику Аманулле. Тот поднес его Мир-Махмуду, но предводитель афганцев отмахнулся, и шаху Хусейну пришлось собственноручно увенчать своей короной голову Мир-Махмуда.

Столетие назад самая пылкая фантазия не могла бы нарисовать столь непристойный конец могущественной династии!

В конце этой унижительной «церемонии» побежденному шаху подали кофе и кальян, а Мир-Махмуд, раз-

веселившись, утешил развенчанного государя, сказав: «Не предавайся скорби, царства переходят из рук в руки. Все в воле Аллаха».

На этом все и завершилось.

Больше от шаха ничего не требовалось, и афганцы позволили ему вернуться в столицу.

Откуда у нас такие подробные сведения об этом событии?

Мир-Махмуд, разумеется, не вел дневника, а персидские хронисты по вполне понятным соображениям вообще скупо освещают описываемый период. И мы, пожалуй, так бы и не узнали подробностей этой невероятной церемонии, если бы не было очевидца, который и рассказал о последних днях сефевидской династии, осаде Исфахана и капитуляции шаха.

Этим очевидцем был Иосеб Картвели. Свои записи о так называемых персидских революциях он составил на грузинском, итальянском, французском и турецком языках.

Грузинский и итальянский тексты пока не обнаружены. Турецкий текст хранится в университетской библиотеке в Глазго, а французский — в архиве министерства иностранных дел Франции. Разнообразным материалом Иосеба Картвели широко пользовались историки XVIII в.: француз Луи Мами-Клерак, англичанин Джон Ханвей, поляк Тадеуш Крушинский, армянин Саргис Гиланенци. На Иосеба Картвели часто ссылаются современные английские ученые Л. Локарт и Д. Ленг. С личностью и деятельностью Иосеба Картвели грузинского читателя впервые познакомил известный исследователь В. Н. Габашвили.

Иосеб Абесаламашвили (такова фамилия Иосеба Картвели) родился в Тбилиси в 1687 г. Родители его были католиками, вот почему отца Иосеба звали распространенным в католическом мире именем Гаспар, в честь одного из трех волхвов, пришедших на поклонение младенцу Иисусу.

Род Абесаламашвили, происходивший из южной области Грузии — Месхети, был известным и влиятельным. Отец Иосеба много лет был нацвали — одним из управителей города. На эту должность обычно назначал сам царь.

Начальное образование Иосеб получил в тбилисской

католической школе миссионеров, где обучали латинскому и итальянскому языкам, а также грамматике и богословию. Школа пользовалась большой популярностью среди жителей Тбилиси. У миссионеров, кстати, учился и видный грузинский ученый Вахушти Багратиони.

Часть питомцев этой школы продолжала образование в Европе, но поездка туда из Грузии сопряжена была с огромными трудностями, и католические миссионеры добивались от папы римского открытия высшей школы в самой Грузии, где одаренные юноши изучали бы как светские, так и духовные науки.

Передовая часть грузинского общества стояла за распространение в Грузии католичества и подчинение грузинской церкви римской курии, лишь бы обеспечить таким путем политико-экономическую помощь со стороны Западной Европы в борьбе с Ираном и Турцией. Однако кроме поборников было и много противников распространения католичества.

Когда Георгий XI, боровшийся за независимость Грузии и оказывавший покровительство католикам, был закинут судьбой в Иран, а на троне Картли обосновался сторонник персидского влияния Назарали-хан, католикам в Грузии пришлось худо.

Сулхан Орбелиани, с 1687 г. ставший католиком, укрылся в монастырских стенах, приняв имя Саба. От Гаспара Абесаламашвили потребовали отойти от католичества. Он отказался, и тогда его сместили с поста нацвали, а затем выдворили из Тбилиси. «Стал франком отец его, был он нацвали города, выгнали его горожане, разорили его очаг», — пишет Иэсе Тлашадзе, а зарубежная летопись («Кармелитская хроника») называет Гаспара благородным грузином, у которого за приверженность католичеству отобрали все имущество. Разоренная семья Гаспара попала в Иран. В 1699 г. Гаспар отправился в Европу с посольством католического епископа Исфахана Эльяса и повез послания Георгия XI государям европейских стран. Вместе с отцом поехал и двенадцатилетний Иосеб, которому отец решил дать образование в Европе.

Поездка длилась почти три года. Путь посольства от Исфахана до Рима пролегал через Шемаху, Астрахань, Москву, Киев, Львов, Варшаву, Краков, Вену и

Венецию. Так довелось Иосебу еще подростком повидать незнакомые города, чужие края.

В Москве Гаспар оказал посольству Эльяса большую помощь через находившегося там в эмиграции царя Арчила, который был близок к Петру I. Посольство продолжало путь, но Гаспару не суждено было попасть в Рим: в 1701 г. он скоропостижно скончался в Варшаве, не оставив сыну иного наследства, кроме псевдонима — Гаспара на чужбине называли Гаспаром Картвели.

Прошло совсем немного времени, и сын его стал известен в Риме, Париже, Исфахане и в Константинополе как Иосеб Картвели. Кости Гаспара приняла варшавская земля, а осиротевшего мальчика взяли под свою опеку епископ Эльяс и итальянский миссионер.

В 1702 г. Иосеб попал в Рим. Его зачислили в Монтефиасконскую семинарию, а через год допустили в Урбанский колледж, где готовили миссионеров разных национальностей. Пройдя курс обучения и получив благословение, они возвращались на родину и распространяли там католическую веру. В этом колледже два места предназначалось для юношей из Грузии.

Лет через десять колледж посетил Сулхан-Саба Орбелиани вместе с кардиналом и епископом Рима и присутствовал на уроке богословия (Иосеб к тому времени уже покинул Рим). Сулхан-Саба сообщает, что среди учащихся были грек, русский, немец, армянин, араб, перс, турок, египтянин, эфиоп, босниец. «И епископ даже пошутил со мною: нам недостает грузина, пришли к нам юношей, обучу их и верну тебе. Но это была не только шутка, он передавал мне просьбу по повелению папы».

В Урбанском колледже Иосеб изучал философию и теологию, в совершенстве овладел европейскими языками и получил прекрасное для своего времени образование. Однако, судя по всему, его не привлекала карьера католического миссионера.

Для Иосеба вопрос распространения католичества был скорее вопросом политической ориентации, как и для грузинских царей, царевичей и феодалов. В Грузии богословские проблемы не очень-то занимали умы, здесь больше интересовались светскими науками. И Иосеб не выдержал атмосферы Урбанского колледжа —

да и как было вытерпеть в четырех стенах юноше, жаждавшему деятельной жизни, приключений!

В 1709 г. он попросил дозволения вернуться на родину. Ему разрешили и даже снабдили в дорогу некоторой суммой. Иосеб покинул Рим, а в журнале Урбанского колледжа навсегда сохранилась суровая аттестация: «Воистину мятежный и непокорный дух, бог весть, что с ним приключится».

Пожив некоторое время в Венеции, он перебрался в Константинополь, где совершенствовался в турецком языке. Здесь Иосеб познакомился с Сулхан-Саба Орбелиани (возвращаясь из Европы в Грузию, выдающийся грузинский писатель и ученый на полтора года задержался в Константинополе дорабатывать свой лексикон, названный «Букетом слов»).

Иосеб принял участие в составлении грузинско-итальянского словаря.

Способности молодого человека требовали более активного выражения, его манили новые дороги, неведомые страны...

В 1716 г. Иосеба Картвели зачислили переводчиком французского посольства, направлявшегося в Иран. Возглавлял его Анже де Гардан.

Посольство Гардана сначала направилось в Алеппо и остановилось за городом. У Гардана была инструкция от французского правительства скрыть, куда и зачем он ехал, ибо Франция не желала, чтобы Турция знала о ее отношениях с Ираном. Для отвода глаз Гардан проводил время в развлечениях, охотился, а сам меж тем приобретал для членов посольства и слуг лошадей и турецкую одежду.

Надо полагать, что Иосеб был чрезвычайно полезен Гардану, не знавшему восточных языков, обычаев и нравов.

Месяца через два посольство Гардана тайком пустилось в путь дальше. Но турецкие власти не дремали. Узнав о тайном отъезде Гардана, послали вслед погоню. Военный отряд настиг посольство через двадцать дней. Всех членов посольства арестовали, обвинив в шпионаже в пользу Австро-Венгрии (Турция находилась тогда с ней в состоянии войны), и заточили в алеппскую тюрьму, где с ними обращались прескверно, хотя Гардан и сопровождавшие его лица были поддан-

ными Франции. В конце концов их перевели в Константинополь. Там французский посол добился наконец освобождения и снова отправился в путь.

Из Константинополя посольство морем добралось до Трапезунда, откуда направилось в Эрзрум, а затем летом 1717 г. через Эрван прибыло в Иран.

Шах Хусейн дважды принял Гардана. Переводчиком у них был Иосеб Картвели, прекрасно владевший несколькими восточными языками.

Но Иосеб Картвели был не просто переводчиком. В документах министерства иностранных дел Франции он упоминается как секретарь-переводчик консула Гардана. И действительно, Иосеб активно участвовал в дипломатических переговорах. Благодаря ему Гардан сумел установить контакт с грузинами, занимавшими при дворе шаха высокое положение, в частности с Вахтангом VI, тогдашним спасаларом Ирана.

Прошло время. В начале 1722 г., как уже известно читателю, в Иран вторглись афганцы и, разбив в битве под Исфаханом парадно-нарядное, но не подготовленное к войне иранское войско, осадили столицу Сефевидов.

Когда стало очевидно, что Исфахан не получит помощи извне, Гардан понял, что держава вот-вот падет, и 20 октября велел Иосебу Картвели любой ценой пробраться в лагерь афганцев и попросить их предводителя о покровительстве подданным Франции.

Иосеб без колебаний взялся выполнить ответственное и опасное задание. Ему удалось пересечь линию огня и передать Мир-Махмуду вместе с дорогими подарками просьбу Гардана. Афганский предводитель, польщенный тем, что представитель европейской страны признал его власть раньше шаха, обещал французам свое покровительство и заверил, что не отнимет пожалованного им шахом дворца в Исфахане и не станет запрещать католическим миссионерам богослужения.

Афганцы оставили Иосеба Картвели в своем лагере на несколько дней, и таким образом он оказался свидетелем встречи Мир-Махмуда и шаха Хусейна.

Грузинский писатель сохранил для истории детальное и достоверное описание падения сефевидской державы.

Что касается миссии, возложенной Гарданом на Ио-

себа Картвели, то она была успешной, дипломатическое посредничество оказалось плодотворным: Мир-Махмуд обошелся с французскими подданными значительно мягче, чем с английскими, голландскими, индийскими и армянскими купцами, которых он обложил безбожными поборами,— французы же отделались всего тридцатью туманами.

Иосеб не стал долго задерживаться в Исфахане, где царил безудержный произвол завоевателей. В 1724 г. он уже находился в Константинополе и служил переводчиком во французском посольстве.

Здесь он встретился с католикосом Грузии Доменти, младшим братом Вахтанга VI, и помог ему получить аудиенцию у великого везира Турции, хотя и пытался доказать ему, уповавшему лишь на Турцию, что «Франция лучше ес». То же самое он пишет и в своем сочинении на итальянском языке, приводя грузинскую поговорку: «На Османа надеяться, что на волну морскую опираться». Сочинение это использовано французским историком Мами-Клераком, который познакомился с Иосебом Картвели там же, в Константинополе, и сохранил для нас больше всего сведений о личности и деятельности этого грузина.

Мами-Клерак пишет, что невероятные события, происшедшие в Иране, всполошили весь Константинополь и там ни о чем больше не говорили, хотя никто толком не знал, взяли афганцы столицу Сефевидов или нет. Мами-Клерак уже располагал некоторыми материалами об осаде Исфахана, но знакомство с сочинением Иосеба Картвели, где детально описывается падение сефевидского государства, и с самим автором привело его в восхищение.

Мами-Клерак был по профессии военным инженером, а мысль приняться за исторический труд пришла к нему внезапно. «Я беседовал относительно этого с господином Иосебом,— пишет он,— и он одобрил мое намерение».

В течение полугода Иосеб Картвели почти ежедневно виделся с Мами-Клераком, давая ему подробные пояснения и делая необходимые по работе замечания. Вот почему французский историк называет его своим «проводником» и данные Иосеба Картвели считает самыми ценными для своих исследований. Он отмечает,

кроме того, что у «этого грузина» поразительная память, живой и трезвый ум, он знает множество европейских и восточных языков, обладает глубокими познаниями в области истории и географии.

Трехтомное сочинение Маами-Клерака «История Персии с начала этого столетия» вышло в Париже в 1750 г. В нем значительное место занимают отрывки из сочинения Иосеба Картвели на итальянском и французском языках.

Как сложилась дальнейшая судьба Иосеба Картвели, в точности неизвестно. Можно предположить, что он вернулся в Иран помочь Гардану. По словам самого Гардана, когда он покинул Исфахан в 1730 г., в резиденции французского консула оставались миссионер-капуцин и переводчик-грузин, которым наверняка и был Иосеб Картвели.

ПОДОБНО АМАЗОНКАМ...

«Взяли афганцы Исфахан»,— скупо сообщает Вахушти Багратиони.

25 октября 1722 г. афганцы вступили в коленопреклоненный город.

Весь мир потрясло это событие. Легендами обрастали прошлое и настоящее афганцев, отвага воинов и талант военачальников. Поразительное превращение порабощенных в поработителей, невероятное возвышение угнетенных до положения угнетателей стало предметом тщательного изучения. Предводителя афганцев Мир-Махмуда, покончившего с Сефевидами, называли Оливером Кромвелем. Вряд ли Мир-Махмуд имел понятие о вожде английской буржуазной революции, и вряд ли ему могло польстить столь почетное сравнение — ему достаточно было и того, что он объявил себя повелителем Ирана и вступил в столицу шахом Махмудом.

Униженный, истощенный шестимесячной осадой город едва ли сохранил и половину своего населения. На улицах Исфахана стояли похожие на тени жители и с раблепными улыбками встречали завоевателей. Торжественная процессия афганцев приближалась к дворцу Сефевидов.

Улицы Исфахана еще помнили светлые картины. Совсем не так давно — всего каких-то сто лет назад — целый лес сефевидских знамен развевался над улицами и площадями города: победоносное войско шаха Аббаса возвращалось с полей сражений. Шли по улицам нагруженные несметной добычей кызылбаши, бросая к ногам своего грозного повелителя захваченные у врага знамена. Пригоняли пленных разных племен и разной веры, росло богатство государства. По ближним и дальним странам распространялась молва о непобедимости кызылбашского меча. В Исфахан прибывали посольства западных стран, предлагая шаху Аббасу дружбу и союз.

Кто бы мог тогда подумать, что на улицах Исфахана будут стоять истаявшие от голода жители и славить своих завоевателей!

Торжественная процессия афганцев с праздничным шумом направлялась к дворцу Сефевидов. Среди афганских военачальников была и иранская знать.

Махмуда сопровождал отряд из трехсот негров, отобранных афганцами из числа шахских рабов охранять нового повелителя Ирана.

Слева от Махмуда ехал последний сефевидский государь — развенчанный, безоружный, лишенный войска, беспомощный шах Хусейн. Он еще не знал, что лишился не только трона, но и своего многочисленного гарема, которым дорожил больше всего на свете, что афганцы оставят ему всего каких-нибудь пять жен.

Шествие замыкал длинный караван верблюдов, на которых восседали афганцы, время от времени палившие из фальконетов, напоминая жителям, что в город въезжают новые хозяева. Шестьсот музыкантов без устали выбивали барабанную дробь, трубили карнай. Впереди скакали десять всадников и громогласно предавали проклятию кызылбашей.

Вдоль всего пути, по которому следовала процессия, на крышах самых высоких домов и на минаретах стояли вооруженные с головы до ног афганские воины, зорко оглядывая все окрест, чтобы предотвратить возможную опасность. Но жителям Исфахана, запуганным и подавленным всеми бедствиями, внезапно на них свалившимися, и в голову не приходило сопротивляться или мстить. Мало того, они встречали победителей с

определенной долей надежды, видя в них в какой-то степени избавителей от голода, обрекавшего их на гибель.

Коврами устлан был путь Махмуда. Когда предводитель афганцев достиг шахского дворца, его воины в один голос грянули: «Аллах, Аллах!» — словно благодарили своего верховного повелителя за ту большую награду, которая называлась Исфаханом.

Махмуд вступил в приемный зал дворца, воссел на шахский трон и подозвал злосчастного Хусейна. Бывший шах Ирана еще раз признал предводителя афганцев новым государем. А везиры и сановники сефевидского двора присягнули Махмуду в верности и покорности. Немного погодя гром орудийных залпов возвестил исфаханцам о том, что сефевидский престол занял новый шах.

Так начался в Иране период афганского господства, оказавшийся коротким, но жестоким и кровавым.

Махмуд находился далеко от родного края, в самой сердцевине полузавоеванной страны. Войско его не пополнялось свежими силами, и узурпатору шахского трона приходилось полагаться только на оставшееся у него десятитысячное войско. Несмотря на крупную победу, положение афганцев было незавидным и день ото дня все более усложнялось. На земли поверженного сефевидского государства зарились и другие. С запада наступала Турция, с севера — Россия; Османская империя стремилась подчинить себе народы Закавказья, Россия — окончательно освободить те же народы из-под ига завоевателей, но обе стремились захватить и собственно иранские провинции, поскольку бывшие владения Сефевидов походили на брошенный хозяевами двор, а афганцы — на непрошенных гостей. Махмуд прекрасно понимал: ему с его десятитысячным войском не противостоять странам, располагавшим крупными военными силами. К счастью для афганцев, Россия и Турция не могли договориться между собой. Иметь двух врагов, разумеется, было лучше, чем одного, но Махмуд лишился бы сна, даже если бы два гиганта только подступили к границам Ирана.

Существовал еще один очаг, представлявший опасность. В Тебризе обосновался бежавший из осажденного Исфахана Тахмасп, сын шаха, лелея мечту о вен-

це своих предков. Правда, он занят был не столько подготовкой к военным действиям, сколько пирами и увеселениями, и мечта о троне оставалась мечтой, но Махмуд ведь не знал, что беглый отпрыск шаха такой же ветреный и никчемный, как лишенный трона Хусейн. У страха глаза велики, и Махмуду все мерещилось, что Тахмасп-мирза не покладая рук готовится к захвату Исфахана. Одним словом, куда бы ни глянул вождь афганцев, всюду его подстерегала возможная опасность. Враги имелись и в самом Исфахане: кызыл-баши не внушали ему доверия, хотя сефевидскую знать не очень-то заботила мысль об изгнании афганцев. Придворные всячески старались приладиться к завоевателям, услужить им, стремясь обеспечить себе безопасную и беззаботную жизнь.

Роптал простой народ: гнет порабощения тяжким ярмом опустился прежде всего на крестьян и ремесленников. Назревало восстание.

Встревоженный Махмуд решил жестоким террором устроить и подавить население. От его террора не спаслась даже знать. Он пригласил на пир сефевидских везиров, эмиров и сановников. Те с радостью явились к новому государю Ирана. Собралось человек триста, и когда они расселись, афганцы безжалостно истребили всех.

Вместе с другими погиб двенадцатилетний сын павшего в Гулнабадской битве царевича Ростома. Мальчик был усыновлен одним афганским сотником, палачи вырвали ребенка из рук приемного отца и убили.

Тела убитых бросили на площади перед дворцом для устрашения жителей. Чтобы избежать возможного мщения, Махмуд приказал перебить и сыновей убитых. Двести детей иранской и грузинской знати согнали в поле. Там им приказали: «Бегите, а то погибнете!» И когда дети разбежались в разные стороны, всадники устроили на них охоту, бесчеловечно затоптав всех до единого копытами своих лошадей. Махмуд заявил, что они готовили против него заговор, намереваясь сбросить с трона и убить. Все знали, что это нелепая ложь, но никто не посмел возражать: кровавые репрессии окончательно запугали и без того подавленное население.

В конце марта 1724 г. Махмуд со своим отрядом возвращался в Исфахан после очередного набега. Ко-

гда он подъехал к Аббасабадскому мосту, ряды воинов вдруг смешались. Какой-то всадник на полном скаку врезался в отряд, бесстрашно налетел на ошеломленных афганцев и изрубил мечом человек двадцать. Сам он тоже не избежал ран, из рук его выбили меч. Безумного смельчака схватили и привели к Махмуду.

Многое доводилось видеть суровым и неумолимым афганцам, с малых лет приученным воевать и проливать кровь, но сейчас и воины, и их военачальники оцепенели, онемели от удивления: неизвестный всадник, смявший ряды афганцев, зарубивший два десятка воинов, оказался женщиной! Переодетой в мужское платье грузинкой!

Два года назад, во время осады Исфахана, на этом мосту от рук афганцев погиб ее муж.

...Отряд грузин, входивший в состав иранского войска, защищал Аббасабадский мост, яростно отбивая атаки афганцев. Вечером утомленные боем грузины выпили присланного с родины вина — думали, не возьмет привычный напиток, но хмель одолел, сковал им руки и ноги. Лазутчики тотчас донесли об этом Махмуду, и весь отряд в ту же ночь был истреблен.

Весть об этом достигла Грузии. Горько оплакав безвременно погибшего мужа, молодая вдова исполнилась жаждой мщения. Она поручила своих детей заботам брата и отправилась в Иран мстить. Как ни удерживали ее, как ни отговаривали, она не отказалась от своего намерения. Ни студеная зима, ни далекий путь, ни подстерегавшие в пути опасности — ничто ее не остановило. Переодевшись в мужское платье, она устремилась в Иран по исфаханской дороге...

Горькие мысли навевала на жителей Грузии эта дорога. Нельзя, конечно, утверждать, что никто не возвращался по ней домой, но для грузинского народа она была дорогой-разлучницей, дорогой плена и унижения, мук и гибели, «отатаривания» и «омусульманивания». Она обращала царей Грузии в спасаларов Ирана, а грузинских землепашцев — в узбашей иранской армии; она приводила в Грузию кызылбашские орды и в гаремы тех же кызылбашей уводила грузинок. Политая кровью и усеянная костями, исфаханская дорога беспечно тянулась в столицу Ирана, то устремляясь вверх, к перевалу, то сбегая по склонам гор.

По этой дороге и направилась овдовевшая грузинка, облачась в мужской наряд и вооружившись.

Не будем судить о ней строго и упрекать за то, что она поступила опрометчиво, что не перенесла на детей всю свою любовь к мужу, чтобы воспитать их достойно и выполнить этим свой долг и перед родиной, и перед погибшим мужем. А если жаждала борьбы с врагом, зачем устремилась за тридевять земель искать его: в Картли хозяйничали османы, а в Кахети — лезгины. Но ведь она не была государственным мужем, чтобы сначала думать о всеобщей беде, а потом уж о своей. Она была просто женщиной, безмерно любившей своего мужа, без которого и дети, и сама жизнь — ничто для нее не значили.

И вот теперь она стояла у Аббасабадского моста... Показался отряд Махмуда. При виде ненавистных афганцев решимость ее удесятерилась, и она в ярости ринулась на них.

...Израненную, ее привели к вождю афганцев. Махмуд был не только удивлен, но и восхищен, когда узнал, что отважный воин — женщина-грузинка. Сын диких гор, рожденный быть воином и выросший воином, Махмуд более всего ценил отвагу. От природы безжалостный и свирепый, он был потрясен и долго не мог произнести ни слова. Не менее его пораженные афганцы заговорили все разом. Перебивая друг друга, снова и снова вспоминали только что закончившийся бой... одной женщины с целым отрядом всадников! Все они прекрасно знали грузинских воинов, помнили кандагарские битвы, помнили Гулнабад. Ведь именно о них говорили самолюбивые, закаленные в сражениях афганцы, что по сравнению с грузинами сами они — женщины.

А теперь и женщина-грузинка превзошла опьяненных победой и боевой славой афганцев, прошедших через раскаленные пустыни и захвативших столицу сефевидского государства.

Махмуд распорядился, чтобы раненую женщину окружили вниманием и заботой и постарались вылечить.

Так повествует Тадеуш Крушинский.

Согласно другому источнику, Махмуд заточил женщину в крепость, после чего намеревался отпустить до-

мой, но афганцы якобы не послушались Махмуда и убили узницу.

Эта версия представляется сомнительной: из множества ран, полученных в схватке с афганцами, одна наверняка была для нее роковой.

...В XIII в. один французский летописец заметил, что грузинские женщины, вооружившись, подобно амазонкам, сражаются бок о бок с рыцарями. Пять веков спустя неизвестная грузинка у Аббасабадского моста еще раз подтвердила слова французского летописца...

«ДЕЛИ-КНЯЗЬ»

Внук царя Ираклия II, российский сенатор и генерал-лейтенант Давид Багратиони пишет в своей «Новой истории»: «В 1808 г. Гудович призвал русских и грузинских воинов, отправился и стал у Эреванской крепости». Осада длилась почти два месяца, но попытка отвоевать у персов Эреван оказалась безуспешной.

Во время этого похода произошла одна драматическая история, о которой сообщает русский историк XIX в. В. Потто.

Майор Тбилисского полка князь Леван Саварсамидзе смело повел свой батальон на штурм крепости. Бой был тяжелый, в живых осталось всего семьдесят человек. Сам Саварсамидзе, израненный, лежал, умирая, у крепостной стены. Когда бой закончился, его денщик Григорьев и рядовые солдаты Букреев и Псиков решили перенести командира в безопасное место. Ночью они подкрались к крепости, уложили Левана Саварсамидзе на шинель и стали отползать обратно. Пока они волокли раненого, стало светать. Из крепости их заметили и открыли стрельбу. Видя, какой опасности подвергают себя солдаты ради него, Саварсамидзе приказал оставить его, но солдаты не послушались. Смертельно ранило Букреева. Псиков вскочил и стремительно помчался в лагерь за подмогой. Пальба не прекращалась. Григорьев прикрыл собой Саварсамидзе, и пуля пробилла ему лоб.

Два храбрых русских солдата ценой жизни спасли грузинского майора: должно быть, большой любовью

пользовался Саварсамидзе у своих подчиненных, иначе кто бы стал добровольно рисковать жизнью.

В. Потто рассказывает о необычной судьбе Левана Саварсамидзе.

Уроженец города Моздока, сын бедных родителей, он начал службу рядовым в Тбилисском полку и за двадцать лет без покровительства и поддержки дослужился до командира этого же полка. Затем его назначили начальником всей пограничной линии Закавказья. В. Потто отмечает, что Леван Саварсамидзе наделен был редким военным талантом и отвагой и солдаты просто боготворили его.

Генерал Н. Н. Муравьев-Карский, хорошо знавший Левана Саварсамидзе, пишет: «Удивительно, как с малыми средствами достойный офицер этот, проведший всю свою жизнь на границе, умел просветить себя: он судит о местности и военных действиях как самый ученый полководец». Вместе с тем этот же самый генерал, беседуя с другими офицерами в Тбилиси, сказал, что, по его мнению, Левана Саварсамидзе далеко не все любят: «Мне кажется, что тому есть много причин. Князь имеет полк, известный своей храбростью, управляет пограничной областью и обласкан самим Ермоловым; этого довольно, чтобы зависть возродилась в других господах. Но с другой стороны, надобно признаться, впрочем, что князь нескромен и до небес возносит свою расторопность, храбрость и свой полк!» В. Потто, приводя эти слова в своей книге, замечает, что сомнение Левана Саварсамидзе — результат его больших успехов.

Полковника считали незаменимым на границе. Знание местных языков, обычаев и нравов, личные достоинства, мужество, честность, порядочность — все это создавало ему огромный авторитет у населения. Татары и армяне зачастую обращались к нему с просьбами разрешить свои конфликты с родственниками или с соседями. Одних он признавал виновными, других — невиновными, и все безропотно подчинялись его решению.

Как начальник пограничной линии Леван Саварсамидзе довольно часто соприкасался с пашой Карса и ханом Эрвана. В их владениях у него были не только лазутчики, но и сторонники, что было причиной острой

ненависти к нему и хана и паши. Хан Эрвана не раз подсылал к нему убийц, но полковника спасала любовь народа.

Кызылбаши, трепетавшие при одном имени Левана Саварсамидзе, называли его «Дели-князь» («Бешеный князь»).

...В 1813 г. Гулистанским договором завершилась десятилетняя русско-персидская война, но в последующие тринадцать лет положение напоминало скорее перемирие, чем мир. В Иране неприметно прорастало упрямое до поры до времени семя вражды.

Наследнику иранского трона Аббас-мирзе, старшему сыну шаха, для укрепления своих прав на шахский венец была необходима военная слава, ибо в глазах фанатичных мусульман он имел один серьезный недостаток — был сыном христианки.

Муллы убеждали Аббас-мирзу в необходимости оружием отвоевать утраченные владения (в том числе и Грузию!) и отогнать русских за Кавказский хребет. Военный совет шаха единодушно и настойчиво требовал начать войну.

Эрванский хан написал Аббас-мирзе, что, если ему позволят, он возьмет Тбилиси за два месяца. Верховный мулла уверял всех, что поведет пятнадцатитысячное войско мулл по пути побед и славы. Одним словом, кызылбаши утратили чувство реальности...

В Петербурге между тем не верили, что Иран решится начать войну, и требовали от Ермолова принять все меры для сохранения мира. Ермолов же требовал дополнительных войск для безопасности границы.

Лето 1826 г. дышало войной. Хан Эрвана был уже готов к ней, а Левану Саварсамидзе из дипломатических соображений запретили укрепить хотя бы Миракский пост.

Хан Эрвана еще раз попытался лишить пограничное войско талантливого командира и опасного противника — Левана Саварсамидзе.

15 июля прибывшему в Мирак Саварсамидзе принесли письмо. Один из самых близких соратников хана Эрвана, Джафар Кули-хан, просил его о встрече в нескольких верстах от русского лагеря. Леван Саварсамидзе на этот раз, вопреки своему обычаю, захватил с собой человек двадцать солдат.

В условленном месте его ждал Джафар Кули-хан с десятком солдат. Увидев русских солдат, он явно смешался, произнес несколько невнятных слов и поспешил ретироваться. За ним устремились, выскочив из кустов, укrywавшиеся там кызылбаши.

Саварсамидзе в тот же вечер узнал от своего лазутчика, что Джафар Кули-хан намерен был убить его, за что получил бы от хана вознаграждение в три тысячи туманов. И Саварсамидзе тут же отправил Джафар Кули-хану письмо: «Напрасно беспокоился, Джафар. Русский государь так велик, что моя смерть была бы для него всего лишь смертью одного солдата, поэтому моя голова не стоит стольких хлопот».

Попытка убить Саварсамидзе была лишь прелюдией к настоящей войне.

В. Потто рассказывает о некоторых эпизодах войны.

Солнце только еще всходило утром 16 июля и еще не протрубили зóрю в русском лагере, когда на аванпостах поднялась стрельба. Это пошли в атаку кызылбаши. Саварсамидзе понял, что персы намерены отрезать его отряд, и, снявшись с лагеря, приказал отступить.

Кавалерия кызылбашей перерезала ему путь в тесном, скалистом ущелье. Идущая в авангарде рота под командой Саварсамидзе вступила в рукопашный бой с кызылбашами. Русский штык отбросил противника. Путь был открыт. Остальные сражались с пешими кызылбашами. Саварсамидзе подоспел к ним на помощь — и враг обратился в бегство.

Отряд в шестьсот человек миновал опасное ущелье с минимальными потерями: было ранено два человека.

Несколько дней спустя, когда Леван Саварсамидзе вступил со своим отрядом в сожженную кызылбашами деревню Караклис, где стонали умиравшие и рыдали, оплакивая их, родные, его обступили разъяренные женщины с детьми и стали швырять в него камнями за то, что он оставил их на произвол судьбы. Один камень попал ему в голову. Саварсамидзе вышел из терпения и крикнул своему подчиненному, некоему Хазару: «Да уйми же ты этих дур! Скажи им, что я не виноват в их разорении, я сам ничего не знал о кызылбашах, они, не объявляя войны, разбойнически напали на нас, и я, как только управился с сардаром, сейчас же поспешил

на помощь. Жалею очень, что опоздал, но клянусь, что отомщу за них».

Впоследствии Хазар рассказывал: «Странно и смешно было видеть мне, как этот „Дели-князь“, богатырь и телом и душою, никогда ничего не боявшийся, спрятался под дрожки от баб и ребятишек».

...Война закончилась в 1828 г. жестоким поражением кызылбашей. Их мечты о Грузии были навсегда развеяны.

ЛИТЕРАТУРА

Авалишвили З. Из времен крестоносцев. Париж, 1929 (на груз. яз.).

Аракел Даврижеци. Книга историй. Пер. с арм. М., 1973.

Арчил. Полное собрание сочинений. Под ред. А. Г. Барамидзе и Н. А. Бердзенишвили. Т. 2. Тб., 1937 (на груз. яз.).

Бартольд В. В. Улугбек и его время.— Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.

Басили, историк царицы Тамары. Жизнь царицы цариц Тамары. Пер. с груз.— Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.

Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Т. 2. Тб., 1965; Т. 4, 1967 (на груз. яз.).

Бердзенишвили Н. А., Джавахишвили И. А., Джанашиа С. Н. История Грузии. Ч. 1, с древнейших времен до начала XIX века. Тб., 1946.

Вахтанг VI. Стихи и поэмы. Под ред. А. Г. Барамидзе. Тб., 1947 (на груз. яз.).

Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Пер. с груз. Тб., 1976.

Габашвили В. Н. Иосиф Грузин—дипломат и историк XVIII века.— Материалы для истории Грузии и Кавказа. Т. 32, 1955 (на груз. яз.).

Габашвили В. Н. К вопросу о личности и деятельности Иосифа Грузина.— «Труды Тбилисского университета». Т. 116, 1965 (на груз. яз.).

Габашвили В. Н. Сулхан-Саба Орбелиани как дипломат.— «Сулхан-Саба Орбелиани, 1658—1958». (Юбилейный сборник). Тб., 1959 (на груз. яз.).

Габашвили В. Н. Феодальный строй Грузии XVI—XVII веков (Опыт сравнительного исследования). Тб., 1958 (на груз. яз.).

Горгиджанидзе Парсадан. История. Тб., 1925 (на груз. яз.).

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Джавahiшвили И. А. История грузинского народа. Т. 2—3. Тб., 1966; Т. 4, 1967 (на груз. яз.).

Джавahiшвили И. А. Экономическая история Грузии. Кн. 2. Тб., 1935 (на груз. яз.).

Дневник осады Испагани афганами, веденный Петросом Ди Саргис Гиланенци. Приложение к 17-му тому записок императорской академии наук, № 3, СПб., 1870.

- Закарий Канакерци. Хроника. Пер. с арм. М., 1969.
- Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII века. Журнал по- сланника Волынского 1715—1718 г. Баку, 1929.
- Искандер Мунши. Зейл-и Тарих-и аламара-йи Аббаси. Изд. Сухейли Хансари. Тегеран, 1938.
- История французской литературы. Т. 1. М.—Л., 1946.
- История и восхваление венценосцев. Пер. с груз. Тб., 1954.
- Картлис цховреба (История Грузии). Т. 1. Тб., 1955; Т. 2, 1959 (на груз. яз.).
- Киракос Гандзакечи. История Армении. Пер. с древне- арм. М., 1976.
- Натрошвили Т. Г. Грузинское феодальное общество и Иосиф Грузин.— «Мацне», 1970, № 5 (на груз. яз.).
- Натрошвили Т. Г. Из истории исмаилитского движения.— «Мацне», 1975, № 2 (на груз. яз.).
- Натрошвили Т. Г. Материалы для биографии Иосифа Гру- зина.— «Мацне», 1969, № 5 (на груз. яз.).
- Олеарий Адам. Подробное описание путешествия Голь- штинского посольства в Московию и Персию. Пер. с нем. М., 1870.
- Орбелиани Сулхан-Саб а. Путешествие в Европу. Пер. с груз. Тб., 1969.
- Орловская Н. К. Грузия в литературах Западной Европы XVII—XVIII веков. Тб., 1965.
- Очерки по истории Ближнего Востока (феодальная эпоха). Под ред. В. Н. Габашвили. Тб., 1957 (на груз. яз.).
- Переписка на иностранных языках Грузинских царей с Россий- скими государями от 1639 по 1770 г. СПб., 1861.
- Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
- После Марко Поло, путешествия западных чужеземцев в стра- ны трех Индий. Пер. с лат. и старопал. М., 1968.
- Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизо- дах, легендах и биографиях. Т. 3. СПб., 1887.
- Реляции Джусто Прато, Арканджело Ламберти, Пьетро Авита- биле и другие рукописные материалы на итал. языке. Личный архив М. Тамарашвили. Институт рукописей им. акад. К. Кекелидзе АН Груз. ССР.
- Сведения Ибрахима Печевни о Грузии и Кавказе. Тур. текст с груз. пер. Тб., 1964.
- Сведения Искандера Мунши о Грузии. Перс. текст с груз. пер. Тб., 1969.
- Сехниа Чхеидзе. История Грузии (Жизнь царей). Пер. с груз. Тб., 1976.
- Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Мос- ковского Главного Архива Министерства иностранных дел С. Бело- куровым. Вып. 1 (1578—1613). М., 1889.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. Т. 18. М., 1963.
- Строева Л. В. Последний хорезмшах и исмаилиты Аламу- та.— Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.—Л., 1960.
- Строева Л. В. Движение исмаилитов в Исфахане в 1100— 1107 гг.— «Вестник ЛГУ». 1962, № 14.

Строева Л. В. Восстание исмаилитов в Иране в конце XI—начале XII века.— Исследования по истории стран Востока (сборник статей). Л., 1964.

Тамара швили М. История католичества среди грузин. Тб., 1902 (на груз. яз.).

Гатишвили В. Грузины в Москве. Тб. 1959 (на груз. яз.).

Теймураз I. Полное собрание сочинений. Под ред. А. Барамидзе и Г. Джакобиа. Тб., 1934 (на груз. яз.).

Тлашадзе Иэсе. Бакариани. Тб., 1963 (на груз. яз.).

Усама ибн Мункыз. Книга назидания. Пер. М. А. Салье. Под ред. И. Ю. Крачковского. М., 1958.

Успенский Ф. История Византийской империи. Т. 3. М.—Л., 1948.

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. с араб. Баку, 1973.

A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the XVII-th and XVIII-th Centuries. L., 1939.

A History of the Crusades. Vol. 1—2. Philadelphia, 1955—1962.

Avalishvili Z. Teimuraz I and his Poem «The martyrdom of Queen Ketevan».—«Georgica» (A Journal of Georgian and Caucasian Studies). L., 1937, № 4—5.

Bartolomeo Ferro. Istoria dell Missionidei Chierici Regolari. T. 1. Rome, 1704.

Brosset M. Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Georgie. St-Pbg., 1851.

Browne E. G. A Literary History of Persia. Vol. 2—3. Cambridge, 1928.

Browne E. G. A History of Persian Literature in Modern Times. Cambridge, 1924.

Bruyn Cornelius. Travels into Muscovy. Persia and Part of the East Indies. Transl. from the Original Dutch. L., 1737.

Cathay and the Way Thither. Being a Collection of Medieval Notices of China. Transl. and ed. by H. Yule. New edition, Revised throughout in the Light of Recent Discoveries by H. Cordier. Vol. 2. Odoric of Pordenone. L., 1913 (Hakluyt Society. 2-nd Series, № 33).

Chambers F. The Troubadours and the Assassins.—«Modern Language Notes». Vol. 64, 1949, № 4.

Chardin J. Voyages en Perse. Ed. par L. Langlès. P., 1811.

Du Cerceau. The History of the Revolutions of Persia, Taken from the Memoirs of Father Krusinski. L., 1728.

Franzius E. History of the Order of Assassins. N. Y., 1969.

Hammer J. Histoire de l'Ordre des Assasins. P., 1833.

Hanway J. The Revolutions of Persia. L., 1753.

Herbert T. Travels in Persia 1627—1629. Abr. and ed. by Sir William Foster with an Introduction and Notes. L., 1928.

Herbette M. Une Ambassade Persane sous Louis XIV. P., 1907.

Hodgson M. The Order of Assassins. The Hague, 1955.

Jacques de Vitry. History of the Jerusalem. Transl. from the Original Latin by Aubrey Stewart. Palestine Pilgrims. Text Society. Vol. 11. L., 1896.

Krusinski T. Tragica vertentis Belli Persici Historia. Leopoli, 1740.

La Mamyé-Clairac. Histoire de Perse depuis le Continuement de ce Siècle. P., 1750.

Lang D. M. The Last Years of the Georgian Monarchy (1658—1832). N. Y., 1957.

Lang D. M. Georgia and the Fall of the Safavi Dynasty.—«Bulletin of the School of Oriental and African Studies».—Vol. 14. L., P. 3, 1962.

Lang D. M. Georgian Relations with France during the reign of Wakhtang VI.—«Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L., 1950, October.

Lewis B. The Assassins. L., 1967.

Lockhart L. Hasan-i-Sabbah and the Assassins.—«Bulletin of the School of Oriental Studies». Vol. 5. P. 4, 1930.

Lockhart L. The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958.

Malcolm J. History of Persia. L., 1815.

Moule A. C. Brother Jordan de Severac.—«Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L., 1928, № 2.

Nowell Ch. E. The Historical Prester John.—«Speculum». Vol. 28, 1953.

Novell Ch. E. The Old Man of the Mountain.—«Speculum». Vol. 22, 1947, № 4.

Pietro della Valle. Viaggi. Vol. 1—2. Brighton, 1843.

Rashid ad-Din Fadl Allah. Jami Al-Tawarikh (Part of the Ismailis History). Persian Text of VIII-th Century A. H. with Critical Notes and Commentary. Ed. by M. T. Danesh-Pajuh and M. Modarresy. Tehran, 1960.

Russian Embassies to the Georgian Kings, 1589—1605. Ed. by W. Allen. Vol. 1—2. Cambridge, 1970.

Soranzo G. Ge papato, L'Europa cristiana e i tartari. Milano, 1930.

Tavernier J. B. Le six voyages. P., 1676.

The Rahat-us-Sudur wa Ayat-us-Surur. Being a History of the Saljuqs by Muhammad ibn Ali ibn Sulayman ar-Rawandi. Ed. with Notes, Glossary and Indices by Muhammad Iqbal. Leiden—London, 1921.

The Tarikh-i-Jahangusha of Ala ud-Din Ata Malik-i-Juwaini. P. 3. Containing the History of Mangu Qaan, Hulagu and the Ismailis. Ed. by Mirza Muhammad Qazwini, Gibb Memorial Series, XVI, 3. Leiden—London, 1937.

Weir T. H. The Revolution in Persia at the Beginning of the XVIII-th Century.—A Volume of Oriental Studies Presented to E. G. Browne. Cambridge, 1922.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
«Я — мурид...»	7
«Прибыл тайно в Грузию...»	15
Беженцы из Византии	22
«Имя им — георгианы...»	28
Легенды и иллюзии	35
«Я твой ассасин...»	39
Послы Абага-хана	49
Дэметре Тбилиели-путешественник	53
Четыре чуда	59
Сбылся стих Низами	63
Мариуча	72
Где затерялась ваша дочь...	79
«Ну гататрдеби!»	83
«Воздать хвалу ширазскому хану...»	91
И смерть вероломная	99
Не мечом единым	108
«Был Ундиладзе Давид...»	111
Тайна одного похода	119
История царевича Хосро	129
«Увели... в Стокгольм»	137
«Благословляли за избавление от голода»	140
История одной парижанки	144
Грузинский лексикон в Кандагаре	151
Клятва	159
Гулнабад. Год 1722-й	167
Пророчество Пьетро делла Валле	172
Кем был Иосеб Картвели?	176
Подобно амазонкам..	183
«Дели-князь»	189
Литература	194

*Тамаз Георгиевич
Натрошвили*

**От Машрика
до Магриба**

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *В. А. Захарченко*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *Г. В. Стругова*
OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа
ИБ № 13303

Сдано в набор 10/IV 1978 г.
Подписано к печати 21/IX 1978 г.
А-12748. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2
Печ. л. 6,25. Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,76
Тираж 30 000 экз, Зак. № 296. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 70 коп.